

А Л Е К С А Н Д Р
И В А Н О В

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ
ВРЕМЕНИ

Александр Иванов

*Портрет
на фоне времени*

Автобиографическое эссе

*Николаев
Издательство «Илион»
2008*

ББК 63.3
И 20

В автобіографічному есе «Портрет на фоні часу» автор, заслужений працівник культури України, професор О.К.Іванов розмірковує про формування морального та естетичного світогляду під впливом життєвих подій і зустрічей з непересічними особистостями.

Книга написана у доступному захоплюючому стилі і становить інтерес для широкого кола шанувальників поезії і прози.

Іванов А.

И 20 Портрет на фоне времени: Автобиографическое эссе. – Николаев: Изд-во «Илион», 2008. – 215 с.

ISBN 978-966-2056-39-6

ББК 63.3

В автобиографическом эссе «Портрет на фоне времени» автор, заслуженный работник культуры Украины, профессор А.К.Иванов размышляет о формировании нравственного и эстетического мировоззрения под влиянием жизненных событий и встреч с неординарными личностями.

Книга написана в доступном увлекательном стиле и представляет интерес для широкого круга читателей поэзии и прозы.

ISBN 978-966-2056-39-6

© А.Иванов, 2008

Слово к читателю

*О*чень люблю исторические романы. «...Целую ночь в Филях Кутузов полулежал на неразобранной постели и неотрывно смотрел слезящимся глазом на тусклое пламя догорающей свечи. И виделось ему зарево вселенского пожара над Москвой, дымы и пепелища, слышались плачи и причитания». Может быть, всё так и было.

Но, как по мне, в таких романах недостаёт чеканной мемуарной точности. «...Наутро 6 ноября 1943 года ровно в четыре тридцать утра бойцы 195 мотострелковой дивизии и отдельного Гвардейского моторизованного корпуса при поддержке артиллерии по моей команде ринулись на штурм безымянной высоты. И уже к вечеру я доложил Жукову, что Красное знамя водружено над вражескими позициями и противник беспорядочно отступает. Ещё я просил передать лично товарищу Сталину, что мы единогласно решили эту победу посвящать 26-летию Великой Октябрьской социалистической революции».

Оговорюсь, что эти произвольные цитаты я писал безо всякой иронии. Известные события, выдающиеся личности, конечно же, достойны и романов, и ораторий. Но, согласитесь, это с высоты жизнь панорамна и величественна, а вблизи, там, где мы, она мозаична и состоит из мельчайших деталей. И интересна ими же. Без этих деталей был бы неполным, просто не сложился бы общий рельеф происходящего. А он, этот рельеф, в основном равнинный. Далеко не каждому из нас довелось или доведётся командовать ар-

миями или слетать в космос. Конечно, жаль. С годами всё острее воспринимается изречение мудрого Михаила Жванецкого: «*И корабль под моим командованием уже никогда не войдёт в нейтральные воды*».

Так почему бы не приблизиться, если угодно, снизойти к себе, и хотя бы попытаться познать «сермяжную правду» (Ильф и Петров) жития-бытия, с его амплитудами от закономерности до непредсказуемости. На примере конкретной простой жизни. Хотя бы моей.

Может быть, в строке или между строк проявится тайный код для тех вопросов, на которые пока нет ответа. Или обнажится правда, какой бы горькой она не была.

Я буду писать о том, что прожито, в прозе. О том, что выстрадано, — в стихах. Замечу, что все стихи принадлежат автору.

В музыке есть интереснейший жанр — Вариации, — как бы свободная игра. Они подразделяются на *строгие* и *вольные*. Я всегда предпочитал вариации вольного стиля. А строгий стиль оставим для мемуаров.

Премьера песни. Александр Иванов, 1989 г.

Родословная как она есть

Построение своего генеалогического древа стало модным поветрием. В принципе поиск ответа на вопрос — Кто *аз емь?* — явление весьма похвальное. Будущее невозможно без прошлого (простите за банальную сентенцию). Все ищут — сами, с помощью нанятых специалистов, вплоть до анализов ДНК. Уже подсчитано, что «родичей» Чингисхана (напомню — он имел четыре официальные жены и около пятисот наложниц) сейчас около 15 млн. Причём пусть микроскопическую, но всё же частицу *его* крови можно отследить как у ирландцев, так и у японцев. (Примеры произвольные). Наверное, скоро обнаружится, что вокруг несть числа Рюриковичей и проч. Что ж, для кого-то важно начать свою родословную со знаменитой фамилии.

А если говорить о серьёзной заинтересованности поиском своих корней, то начинать нужно, я так думаю, не снизу вверх, а от себя — и вниз. Тут окажется, что, за редким исключением, сколь-нибудь глубоко заглянуть в недра родословной не удаётся.

Вот у меня — род сельских батраков. Ни тебе бравого гусара, ни барина, ни попа захудалого. Ни одного мало-мальски заметного предка, воспоминания о котором (а лучше — документы, реликвии) передавались бы из поколения в поколение. А с этого можно было бы начать отсчёт родословной.

Начну с того, что знаю достоверно. С бабушки по отцовской линии. Когда я родился в 1946-м, ей исполнилось уже 75 лет. Цифра может быть не совсем точной, и вот почему. Баба Дуня, как мы её любя называли (полностью – Евдокия), была неграмотная, документы ей были без надобности, а свой год рождения запомнить в цифрах она не могла.

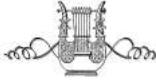
Когда она была уже взрослой женщиной и имя вождя мирового пролетариата стало широко известным (интересная связка!), какой-то канцелярист при церковных книгах ей посоветовал всем говорить, что она родилась в год рождения Ленина. Так и повелось – год рождения 1870. Свой первый паспорт бабушка получила уже после войны (это в семьдесят пять-то лет!), и то по необходимости – её зять исколотал ей пенсию. 15 рублей, что ли.

Муж бабы Дуни, дед Стефан, умер в голодовку тридцать третьего. О нём мне практически ничего неизвестно. Сохранилась только одна пожелтевшая фотография: у стула, выгнув грудь колесом, стоит, судя по одежде, донской казак.

Эта чета успела произвести на свет четырёх детей – двух девочек и двух мальчиков. Девочки выросли и вышли замуж. Так нам стали родными и близкими род Морозовых и род Зосимовых.

Как было заведено у селян издревле, бабушкиной обязанностью было нанять внука, то есть меня. Реально я её помню где-то с 50-х годов предыдущего столетия. Маленькая, как бы высушенная старушка, всегда в косынке и длинных до пят тёмных крестьянских одеждах. Была она не по возрасту энергичная и подвижная, как ртуть.

К слову, мы с пацанами в детстве очень любили играть с ртутью. Мы гоняли эти загадочные серебристые шарики и на ровном месте во дворе, и на глиняном полу в хате, где угодно. Естественно, такое привычное сегодня поня-

тие, как демеркуризация, было неведомо. Никто из взрослых, а тем более детей, не знал, что это вещество опасное и ядовитое. Поэтому, наверное, мы и не пострадали.

Но вернёмся к теме. Наша баба Дуня, кроме вынужденного ухода за мной, а в дальнейшем и двух моих младших братьев, имела ещё уйму самой себе назначенных забот. Она всегда вставала раньше всех и уже на рассвете жёсткой метлой-драпаком мела двор, чем вызывала тихую ярость у своего сына Кузьмы, моего отца.

Ближе к обеду бабушка обязательно навещала церковь и посещала очередные похороны. Оттуда она приносила нам церковную просвиру, безвкусную и твёрдую, как камень, и несколько карамелек без обёрток. Нужно ли говорить, что мы, вечно голодная детвора, поджидали её из «выхода в город» у ворот, с радостными воплями выбегая навстречу.

Во второй половине дня баба Дуня шла, как она сама говорила, «на промыслы». Сдавала найденные бутылки. Что-то, как ей казалось нужное, подбирала на улице. Не гнушалась постоять с протянутой рукой, но только возле церкви.

Особенно возрадовалась баба Дуня, когда в магазинах открылись первые отделы со свободным доступом к товарам. Она с ловкостью фокусника умудрялась прятать в своих необъятных юбках бутылку кефира или банку консервов. Иногда этот номер удавался. А чаще её, убогую, журили и отпускали. Или прямо из магазина, или из милиции.

Помню, однажды баба Дуня принесла в авоське три свежие рыбины. Караси вроде. Я от предвкушения царского ужина уже и слюну пустил. Но отец, у которого эти «промыслы» давно вызвали подозрения, сразу понял криминальное происхождение этой рыбы и провёл дознание (как положено, через стол). Расследование показало следующее: какой-то мужик зашёл в общественную уборную, а

рыбу повесил на сучок дерева. А бабуля тут как тут. Вот, собственно, и всё.

Отец поставил задачу жёстко и чётко: «Отнеси, где взяла». Задачу-то поставил, а вот исполнение не проконтролировал. И зря. Баба Дуня после нескольких манёвров и финтов спрятала эту рыбу под шкаф. Спустя несколько дней пошёл соответствующий запах. Афера была отцом разоблачена. Виновица получила, конечно же, устный, нагоняй, но обошлось.

Бабушка была в курсе всех моих школьных проблем. В начальной школе я учился только на «отлично», и этим все очень гордились. Мама бережно хранила в шкафу мои похвальные листы с барельефами Ленина и Сталина по углам, а отец по субботам торжественно доставал трофейную немецкую ручку и с достоинством (мол, знай наших!) совершал обряд подписания моего дневника, в котором пестрели одни пятёрки.

В вопросах обучения они на меня полагались полностью и, вечно занятые, не особенно вникали в школьные дела. А мне так хотелось кому-то рассказать, что я сегодня познал нового, о своих наивных детских открытиях! Такой отдушиной стала для меня бабушка, и не было в моей жизни более благодарного слушателя.

Она, совершенно неграмотная, внимательно всматривалась в исписанные мною страницы, украшенные чернильными кляксами и красными пятёрками, с интересом следила за моим пальцем, ползающим по географической карте, и удивлённо слушала мои беспорядочные рассказы о земном шаре и дальних странах, о королях и мушкетёрах.

Умерла бабушка в 96 лет, когда я уже служил в армии. Отец, возвратившись домой с ночной смены, увидел, что двор не подметён. Что-то тревожное ёкнуло в груди. Из дому вышла, переодетая во всё чистое, бабушка,

возвышенная и умиротворённая. «Буду я помирать, сынок, тебя ждала», – спокойно сказала она. Поцеловала оцепеневшего отца, ушла в свою комнату, легла на кровать и отошла.

После смерти матери, Ефросиньи Петровны, в сентябре 1981 и отца, Кузьмы Степановича, в апреле 1996 (им я посвящу отдельную главу) корневыми ветвями рода стали мы, трое их сыновей. Я, Александр, имею двух дочерей и сына, Николай – троих дочерей, Владимир – двух сыновей. Не усохнет наше древо. И пусть о нас помнят.

*С отцом Кузьмой Степановичем
и братьями Николаем и Владимиром*

* * *

Бывают мгновения, когда время будто бы замирает. В застывшем воздухе движения кажутся замедленными, а белое немигающее солнце светит как бы нехотя, безжизненно и обречённо.

Похороны моего племянника, старшего сына моего младшего брата Володи и жены его Натальи. У гроба убива-

ется вмиг поседевшая мать, отец в шоке — он ещё не верит, что это действительно произошло, что он в последний раз видит своего уже неживого сына Алексея, свою кровинушку, свою гордость и упование.

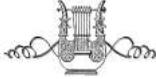
Молодой красивый парень, только отслуживший в армии, невеста уже фату купила. Ему бы жить и жить. А жизнь его оборвалась нелепо и страшно. А значит, оборвалась, ещё не начавшись, жизнь его будущих детей, внуков, правнуков. Какая страшная цепная реакция в никуда, к вырождению рода!

«Бог дал, Бог и взял», — безысходно шепчут старики. Позвольте, если *дал*, то зачем *забрал*, не дав исполнить земное предназначение: достойно жить, быть любимым и любить, вырастить детей и продолжить наш род, а по большому счёту — род человеческий? И почему моей матери, женщине святой и безгрешной, была уготована страшная мученическая смерть от всепожирающего рака? Кем была уготована и за что?

Да что говорить о нас, простых смертных. Мало ли примеров, когда безвременно, в расцвете сил, уходили из жизни лучшие из лучших, умнейшие из умных, талантливейшие из талантливых! На живой ткани человечества места здорового нет, множатся и множатся незаживающие кровоточащие раны.

В то, что Он всё видит и воздаст по справедливости, — не верю. Под всевидящим оком Всевышнего и от его же имени католики, как нелюди, резали гугенотов в Варфоломеевскую ночь. Бесноватый Ирод безнаказанно учинял избиение младенцев. Если Господь всемогущ, почему же он не упредил эти и тысячи других подобных событий? Не захотел, не жалко, мол?

Вполне возможно. Он же добровольно и без сожаления отдал своего сына Иисуса Христа на неслыханные даже для

нас, грешных, глумления, истязания и на распятие на Голгофе.

Хочется осилить дорогу к Богу. Да скользко на ней от крови инквизиций и крестовых походов, от свежей кровушки религиозных войн.

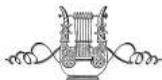
Сейчас начнётся отпевание. Эту «услугу» заказывал я. Когда и где... Сколько вам певчих... Заплатите... Подайте машину... Совсем как в шоу-бизнесе, когда заказывают стриптиз-балет на корпоративную вечеринку. Священник, молодой, ещё борода не окрепла, торопливо переоблачается, служба готовит принадлежности, певчие наготове. *«Так, начинаем. Успокойте мать. Уведите».*

Речитативом звучит молитва, в которой нет ни слова сожаления о сегодняшнем печальном событии, об усопшем. После каждой молитвы кульминационным рефреном повторяется: *«Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь!»* А за что, собственно, слава? За то, что молодая жизнь загублена? За то, что наши жизни порушены?

Как не вспомнить слова талантливейшего артиста и мудрейшего человека Армена Джигарханяна, озвученные им в одном из своих интервью: *«Я обхожусь без церкви. Такая вера мне не нужна».*

Думаю, не слишком ли я резок, заново переживая трагедийный эпизод своей жизни? Как культуролог я знаю, что все духовное наследие проходит многовековую проверку временем, оставляя нам только самое главное, самое существенное, самое великое.

Религия, вера как одна из форм общественного сознания не утратила своей силы. Значит, она человеку нужна. Но должна ли религия оставаться *«совокупностью мистических*

представлений, покоящихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения» (С.И.Ожегов)? Ведь человечество в познании мироздания ушло далеко вперед.

...Я твердо знаю, что небесные созвездия
Рождаются, взрываясь изнутри,
И где-то там, в глубинах вешего предвестия,
Моя звезда горит.
Возвышенный свет из мироздания
Над грешной моей судьбой
Земного раба в мирских скитаниях
Ведет за собой.

Я сердцем чую, что живу в двух измерениях,
Когда душа вдруг покидает плоть,
И с неизбежностью внезапного прозрения
Спасение придёт.
Но к праведности стремясь по-разному,
Не всё искупив ещё,
Я буду судим и высшим разумом
Казнён и прощён.

Я свято верю, что величье бесконечности –
В бессмертье бегущие года.
Наступит миг, и мой призыв достигнет вечности,
Гори, моя звезда!
Верченье миров в огне неистовом,
А в них бытия тщета.
Но волей светил познание истины
Придёт навсегда.

Родительский дом – начало начал

*М*ой отец на склоне лет любил предаваться воспоминаниям. Но говорил только о войне, – и ни о чём другом. Мне, уже взрослому, он описывал фронтовые события с такими подробностями, будто они произошли вчера.

С первого до последнего дня войны ефрейтор Кузьма Иванов находился на передовой за рулём армейского ЗИСа, с солдатами в кузове и пушкой на буксире. Даже когда вся страна уже праздновала День Победы, он вместе со своими товарищами ещё воевал. В Чехословакии, освобождая Прагу.

И волею судьбы он не только выжил, но и ни единого ранения! До последних дней жизни отец удивлялся этому. Я же думал о том, что если бы отец не вернулся с войны, то не родились бы мы, его дети. А от нас не протянулась бы ниточка жизни уже к нашим детям. И родословная рода Ивановых зашла бы в тупик.

...Когда в шинели нараспашку
Пришёл отец с войны домой,
Осталось на одну затяжку
Махорки в трубке фронтовой.

Он избегал нелепой смерти,
Не для себя *себя* храня, –
Иначе б не было на свете
Послевоенного меня.

Война... Проклятье в наших стонах.
Зачем ты, жизни вопреки,
Рождала слёзы похоронок
И родословных тупики?

Иванов Кузьма Степанович, родился в с. Дмитровка Знаменского р-на Кировоградской обл. К семнадцати годам он окончил школу-восьмилетку и ушёл на срочную службу в армию, где окончил автошколу и получил весьма уважаемую в те времена профессию шофёра.

Едва демобилизовавшись, он снова был призван уже в моторизованные войска — шла финская война. Военная часть располагалась где-то в районе Ленинграда, но в боях задействована не была. Потом он опять вернулся в родное село, но уже не один, а с молодой девушкой — Фросей Овчинниковой, которая и стала его женой. На всю жизнь.

Мама всегда вспоминала, что, вопреки тревогам и волнениям, приняли её очень радушно. Родилась она в г. Жиздра Калужской обл. Была круглой сиротой, хотя имела старшего брата, который тогда служил в армии.

Я и мои младшие братья никогда не интересовались, где и при каких обстоятельствах познакомились отец и мать. Для нас было естественным, как данность, что они вместе, что они рядом с нами.

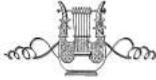
Мама была очень привлекательна. Невысокого роста, со стройной, жен-

*Отец Иванов
Кузьма Степанович*

*Мама Иванова
Ефросинья Андреевна*

ственной фигурой. Она даже в домашних хлопотах умела быть аккуратненькой и ухоженной. Её простое лицо всегда было открытым и приветливым, как бы в полуулыбке. Думаю, что она нравилась мужчинам. Я помню её руки, тёплые и мягкие, пахнущие чем-то вкусненьким, которые обнимали и гладили меня перед сном. И глаза, чуть увлажнённые от материнской любви. Трое сыновей!

Вы не знаете, что значило в послевоенное время иметь отца. Это и твоя гордость, и твоя защита, и твой, как сейчас говорят, рейтинг в уличной детской иерархии. Как-то мой друг Сашка Марков, живший через дорогу наискосок, радостно объявил, что его отец вернулся. А раньше он говорил, что отец был лётчиком и геройски погиб на фронте. Оказалось, что мать Сашки просто приняла к себе нового сожителя. Мы это разоблачили, но осуждать не стали – как без отца!

Отцы других детей мне не нравились. Тот плюгавенький, тот жирный, тот калеченый. А мой отец – красавец. Выше среднего роста, подтянутый, стройный. Лицо мужское, чуть грубоватое, но красивое. А взгляд! Как глянет на моего обидчика, как рыкнет – тот не трогает больше.

*М*ои родители были красивой парой и по-настоящему любили друг друга. Это проявлялось во всём. В будто бы случайном соприкосновении рук, во взглядах и улыбках, в тихих разговорах и знаках внимания. Я не помню, чтобы родители ссорились, с криками, оскорблениями, битьём посуды. Тем более, отец никогда не поднимал руку на мать.

Когда он, доведённый нашими проказами до крайности, пытался применить ремень, единственным спасением было спрятаться за спиной матери. Она обхватывала нас, как квочка, и отец беспомощно обмякал. Фу-у, на этот раз пронесло.

Помню, перед сном мать говорила отцу:

– Кузя, ты ко мне сегодня придёшь?

Отец улыбался и показывал на меня пальцем, мол, не спит ещё. А иногда казённым, утробным тоном говорил:

– *Отказать как ненуждающемуся.*

И я спокойно засыпал возле мамы. Сегодня ночью меня сонного переносить на другую кровать не будут.

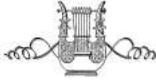
Я считаю, что чувство юмора – это наша семейная черта. Одни «промыслы» бабы Дуни чего стоят! И отец был горазд рассказывать разные байки. Да и мы, детвора, были очень восприимчивы к смешному да весёленькому.

После войны отец сразу устроился на работу шофёром в автопарк. (Мама говорила, что если бы не зарплата да пайки отца, мы бы в голодовку сорок седьмого не выжили.) Ездил с какими-то грузами по городу, иногда его направляли в рейс – на станцию Павлыш.

Накануне он целый день во дворе ремонтировал свою полуторку, затаскивая в кузов, где уже стояла бочка с бензином, какие-то железяки. Мало ли что может понадобиться в дороге на случай поломки.

Рано утром выезжал, обычно возвращаясь к вечеру. Однажды он не вернулся ни к вечеру, ни к ночи. Мы долго не спали, мама очень волновалась. А причина оказалась прозаической: в каком-то попутном селе отец встретил фронтового друга и заночевал у него. За это у отца были неприятности на работе, но завгар его отстоял. На собрании он всё время выкрикивал: «*А путь-то какой!*» (Тридцать пять километров всего-то!).

Мы нетерпеливо ждали возвращения отца с работы: он нам всегда что-то приносил – «от зайчика». Чаще всего это были сэкономленные остатки его обеда: хлеб, кусочек сала, помидоры. Иногда он покупал ситро, печенье или конфеты. С тех пор не помню более желанных подарков. Так отец и шоферил всю жизнь: на пожарной машине, скорой помощи, на автобусе.

Страстной мечтой отца было иметь свой транспорт. Сначала у нас во дворе появился трофейный немецкий мотоцикл с коляской – «Цундап». Отец его вечно ремонтировал и надёжным своим помощником считал только моего младшего брата Колю. Его отец допускал в святая святых – ремонт мотора или карбюратора. Коля действительно с детства имел тягу к технике и талант в ней разобратся. Бывало, они вместе долго рассматривали какую-то деталь, тыкая в неё пальцами, и о чем-то спорили.

Как бы там ни было, мотоцикл весьма прилично ездил, и однажды мы с отцом даже совершили на нём вояж аж в г. Сумы, к нашим родичам Морозовым. Причём обошлось без поломок и приключений.

...Воскресенье. Раннее утро. Мы выезжаем на рыбалку. Отец заводит мотоцикл, я как старший сажусь сзади, Коля – в коляску. У его ног, свёрнутый рулоном, бреденёк метров на пять.

Мы выезжаем за город километров десять, в верховья Ингульца. Здесь неглубоко, у берегов растут камыши. Я беру один край бреденька и держусь ближе к берегу. Отец тянет по глубине и заводит к камышам. А Коля с берега «шугает», выгоняет рыбу из камыша.

Ловилось по одной-две рыбки, в основном щурята и краснопёрки, но к обеду на доньшке ведра было. Мы ехали домой, мама быстренько готовила уху, и мы, сёрбая, весело обсуждали то да сё.

Потом отец мотоцикл продал и, поднакопив денег, купил подержанный «Москвич» первого выпуска. На нём мы всей семьёй ездили к родственникам на родину отца в село Дмитровку, а однажды съездили на море дикарями. Так я впервые увидел море и влюбился в него.

Тогда мы были маленькими, мама не работала. Хотя почему не работала? Она работала с утра до ночи. Дом, хозяйство, дети. Ещё она была хорошей швейей. Мы имели немецкую швейную машинку «Зингер», на которой

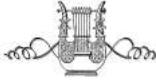
мама всё свободное время строчила. Она умела кроить и шить на продажу гимнастёрки, самую модную тогда одежду. Каждое воскресенье мама шла на базар, торговала, обменивала, а домой приносила продуктов на неделю. Конечно же, мама обшивала всех нас, и это значительно уменьшало расходы на одежду.

Мы жили только на зарплату отца. Денег не хватало, и приобретение пальто или обуви было настоящим событием. Мне-то, старшему, доставалось всё новенькое, а младшим братьям доставались, как мама говорила, обноски. Я это понимал и старался одежду беречь. Пальто я передавал младшему брату, как новое, а вот с обувью была беда. Не выдерживала срока.

По дому обязанности были распределены чётко: маме — кухня и стирка, отцу — мужская работа: крышу починить, забор поправить, дров наколоть, мало ли что ещё. А мы, малышня, носили из колодца воду, рвали кроликам траву, мололи на круподёрке кукурузу для поросёнка, если он был.

Важным подспорьем был наш небольшой огород. Картошка, морковь, бурячок — не много, но своё, не покупать. Фруктовые деревья: груша, яблоня, вишня, слива, абрикос. Отец один раз разъяснил, и мы безропотно приняли: что упало с дерева, значит созрело, можно подобрать и съесть. Рвать с деревьев нельзя. Не то чтобы отцу было жалко — он боялся, что мы объединимся зеленью и поболеем.

Так мы и жили. Бедно, но как-то легко. Умели довольствоваться тем, что есть. Да и как было бабушке, пережившей страшную голодовку тридцать третьего, не радоваться миске горячего кулеша с зажарочкой из цибульки? А отцу, вернувшемуся живым и невредимым с войны, как не радоваться каждому новому дню? А матери, как не радоваться обретению своего дома, своей семьи? А с ними мы, трое сорванцов, крепенькие, дружные, смышлёные.

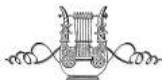
Чему и кому завидовать? Чувство зависти (я вообще не называл бы зависть высоким словом «чувство»), зависть к чужому достатку, успеху или удаче, в нашей семье отсутствовало напрочь.

Не привился к нам, Ивановым-младшим, и столь распространённый в те времена вирус воровства. Подростки, мои сверстники, иногда организовывались в маленькие стайки – ночью полазить по дворам, унести то, что плохо лежит, посягать на бельё и т.п.

Говорю как на духу: у меня никогда не возникало желания пойти с ними. И не то чтобы я боялся отцовского ремня. Не это меня сдерживало. Нет. Просто для меня это было уже неприемлемым. Родительскую установку – *не бери чужого* – подкреплял кое-какой жизненный опыт. Нас тоже не раз обворовывали, и я на чувственном уровне знал, как неприятно быть обворованным, как бы униженным и оскорблённым.

Как-то ночью (дело было зимой) вору проникли в наш двор и принялись взламывать сарай. Воровать там особо было нечего, но тогда подчищали всё. Выйти во двор отец не смог – входная дверь была заблокирована снаружи палкой. Тогда отец взял винтовку (именную, с войны) и, выбив маленькое окошко, пальнул вверх голою. «Гости» убежали очень быстро, побросав по пути мешки, ломы, топоры. Отец всё это собрал, как трофеи. Но если бы вору подожгли наш дом, мы сгорели бы заживо.

Напротив нас, через дорогу, жила одинокая старушка – баба Мыма. Так её все называли. Целое лето у неё была одна забота – собирать дрова на зиму. На своей скрюченной спине она вязанками носила хворост. Иногда откуда-то притаскивала волоком сухое дерево. И так изо дня в день. Однажды мы услышали причитания бабы Мымы: ночью из её сарайчика унесли все заготовленные на зиму дрова. Есть же на свете такие подонки!

Собрались добровольцы из ребят, и мы принялись таскать для бабы Мымы всё, что может гореть. И не в тягость, и весело. Завалили весь двор. А я ещё тайно принёс несколько мешков с дровами из нашего домашнего запаса. Отец это заметил, но промолчал.

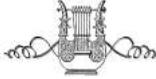
В детстве мы не были разбалованы деньгами. Но до добывания денег нечестным путём я не опускался. По карманам не лазил. Правда, в раннем детстве была такая игра – спор «на карман». То есть всё, что лежит в кармане у меня, – твоё, а что лежит в кармане у тебя – моё. Пари заключалось на месяц, и нужно было постоянно следить, чтобы свой карман был пуст. Понятно, что денег в нём никогда не было. Так, какие-то детские ценности: жонка (кусочек меха со свинцом для жонглирования ногой), увеличительное стекло или ещё что-нибудь.

По праздникам мы получали по одному рублю. Его хватало, чтобы вдоволь напиться газированной воды с сиропом, съесть одну-две порции мороженого и сходить в кино.

Особенно празднично отмечался День Победы. Транспаранты, флаги, духовые оркестры. Казалось, весь город вышел на улицы и ликует, но не взахлёб, а как бы со слезинкой. В этот день было не зазорно подойти к человеку с орденами и медалями на груди и поздравить его с праздником. Он гладил наши вихрастые головы и обязательно чем-то угощал.

Как старший сын, я знал, где у нас дома хранятся деньги. На столе, под клеёнкой. Но даже мысли не допускал, что оттуда можно незаметно взять хотя бы рубль и истратить на себя лично.

Однажды я допустил оплошность. По улице ходили цыгане и продавали саженцы. Я дома был один. Отец как-то говорил, что неплохо бы было посадить ещё несколько слив. Я и купил три деревца (*«Ой, что ты! Это точно сливы, цены нет!»*) за три рубля.

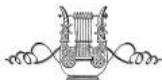
Отец сразу определил, что это саженцы не сливы, а не нужной нам шелковицы. Конечно, я получил взбучку. Но не за то, что взял деньги без спроса, а за то, что истратил их, не посоветовавшись.

...*М*аленький крепкий кораблик, упрямо карабкающийся по не всегда спокойным морским волнам. Дружная надёжная команда, в которой весь я, от босоного юнга до опытного матроса, – это мой дом детства, моя семья, которая научила меня твёрдо стоять на качающейся палубе жизни. Спасибо им всем за это.

...Наступає сіножать,
А душа не хоче.
Знову спогади біжать,
Ледь заплющу очі.
Де криниця у дворі
Й хата в двоє вікон,
Звідки вийшов на зорі
Я у світ великий.

Босоніж по полю
Доганяю долю,
Доганяю долю
Босоніж по полю.

Пісня в даль вела мене,
А любов по колу.
Щось губив я незначне,
Головне ж – ніколи.
Знаю, буде каяття
За гріхи невірні, –
Просто я люблю життя
До нестями сильно.

Від чарівної землі
Все святе зі мною,
А тривоги і жалі
Стануть сивиною.
Наступає сіножать,
А душа співає.
Тільки спогади біжать,
Пам'ять серце крає.

Босоніж по полю
Доганяю долю,
Доганяю долю
Босоніж по полю.

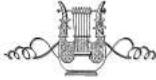
* * *

В родительском доме на стене в главной комнате неизменно висели три пожелтевшие фотографии в траурных рамках. Это страшная дань нашей семьи военному лихолетью сороковых.

С портрета слева, расположенного прямо над кроватью мамы, удивлённо смотрит девочка 3 или 4-х лет. Одной рукой она придерживает кончик праздничного сарафанчика, а второй крепко держится за спинку стула, словно боясь упасть. Она могла стать моей старшей сестрой, если бы дожидка до моего рождения.

Незадолго до начала войны молодые отец и мать ожидали появления на свет первого ребёнка. Родилась девочка. Назвали её Раиса, Рая, Раечка. Вскоре отец ушёл на фронт, а мама с ребёнком и бабушкой оказалась в оккупации.

В их старую деревенскую хатку определили на постой немцев, шесть человек. Мама говорила, что жили мирно. Немцы привозили дрова, чтобы топить печь, мама готовила им еду, из которой кое-что перепало бабушке, дочери и ей самой. Но один, огромный и рыжий, обзлётанный на

всех и вся, вымещал свою злобу на них, слабых и незащищенных.

Однажды этот нелюдь сильно ударил Раечку головой о стену. Она перестала узнавать мать, целыми днями пряталась в тёмном чулане и ничего не ела, только сосала высушенные вишни. Так Раечка чахла-чахла и умерла на руках матери.

Всю жизнь мама каялась, что не смогла уберечь дочь, плакала, глядя на портрет. В эти минуты отец не говорил ни слова. Но молчание было таким тяжёлым, что я сжимался в клубок и старался быть незаметным.

На втором портрете по центру немолодой уже старшина, Иван Овчинников, круглолицый, почти лысый. Он родной брат мамы, для неё единственный из кровной родни. Погиб на фронте в 1943. Где его могила – неизвестно.

Старший брат отца, Яков, до войны окончил артиллерийское училище. На портрете он запечатлён в офицерской форме с двумя шпалами в петлицах.

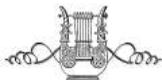
Очень красивое смуглое лицо, коротко стриженные чёрные волосы, а взгляд какой-то обречённый, безнадёжный. Вместе со всем своим дивизионом сгинул без вести в первые дни войны где-то в Белоруссии.

Поздний вечер. Комната, освещаемая тусклой лампочкой. За столом, накрытым пятнистой клеёнкой, сидят бабушка Евдокия и сын её Кузьма, мой отец. Бабушка плачет, просяще смотрит на отца:

– Нет ответа, как нет. Может, письмо затерялось? Давай, Кузя, напишем ещё раз. Самому старшему пиши: где мой сын Яша?

Отец молча достаёт лист бумаги и ручку-самописку, единственную в доме, трофейную. Бабушка подсказывает:

– Напиши, каким он хорошим был, подробно напиши. Напиши, мы очень соскучились, ждём не дождёмся. Красиво пиши, разборчиво. Только самому старшему пиши!

Отец молча пишет, заклеивает конверт. Говорит глухо:

– *Иди спать, мама. Завтра отнесу письмо на почту, в главный ящик опущу. Будет ответ, будет.*

Но это письмо он на почту не понесёт и не опустит в главный ящик. Он положит его в дальний угол выдвижного ящика, на стопку таких же писем.

Потому что ответ давно получен: *«Лейтенант Иванов Яков Степанович в июне 1941 г. захвачен немецко-фашистскими войсками в плен и числится в списках как враг народа»*. Подпись неразборчива.

Всё.

...Есть в отчем доме святое место это,
Где на живых в упор со стен глядят –
Открытым взглядом, с прямотой портретной
Глядят глаза ребят,
Глядят глаза ребят,
Парней, что не пришли с войны назад.

Я тем ребятам теперь и сам ровесник,
Но судеб рознь покоя не даёт –
Ведь я живу, пою земные песни,
Огромный мир живёт,
Огромный мир живёт,
А вот из них никто уж не споёт.

Вопрос вопросов – в чём связь вчера и завтра?
Но промолчат портреты грозных лет –
Где силы взять, где взять нам столько правды,
И как должны гореть,
И как должны гореть,
Чтоб без стыда в глаза им посмотреть?

Детство

На окраине города Александрия Кировоградской области (нынче это центр города) после войны расселяли демобилизованных фронтовиков. Мой отец и несколько его боевых друзей решили здесь и осесть.

Не прошло и года, как в каждом домике (временке, землянке — у кого что) уже было пополнение. В люльках, подвешенных к потолку, возрастали первенцы нового послевоенного поколения.

Правду говорят, что в трудные времена рождается больше мальчиков. На нашей улице родились все мальчишки. Пройдёт совсем немного времени, мы станем на ноги, и из нас, таких одинаковых и разных, образуется уличное братство со своими неписаными законами.

Мы начнём учиться отличать добро от зла, а правду от лжи, соизмерять желания с возможностями и определять границы допустимого. Совсем скоро мы будем знать, что ссора обязательно должна закончиться примирением, что драться нужно только до первой крови и лежащего не бить. Что делиться по-братски — это хорошо, а ябедничать — это плохо.

А как много значила для неокрепшей детской души вера в сказку, вера в чудо, которую мы так бездарно растеряем с годами!

...В детстве отдалённом
В мои ребячьи сны
Пришёл смешной слонёнок
Из сказочной страны.

Особым чувством ведал,
Как очень нужен здесь,
И я всерьёз поверил,
Что он и вправду есть.

Слонёнок при удачах
Мне хоботом трубил.
А тосковал я, значит,
Он тоже грустным был.
Я все свои секреты
Слонёнку доверял,
И как никто на свете
Меня он понимал.

Мы шли по жизни вместе,
С годами говоря,
И я в каком-то месте
Слонёнка потерял.
С тех пор стал мир иначе,
И сказкам веры нет,
А где-то горько плачет
Слонёнок детских лет.

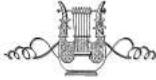
Почему же, став взрослыми, мы станем предавать ради своего, шкурного. Лгать во спасение, стрелять в спину и переступать через труп? Как и когда произошло это перерождение?

В одном из моих ранних стихотворений промелькнула такая строка:

...Мы становимся мудрее, но становимся ли лучше?

Только сейчас я понял глубинную суть этого вопроса.

Тлавной игрой нашего детства была игра «в войну». Конечно, все мы были на стороне «наших», и никакой Мальчиш-Плохиш не соглашался стать на сторону «чужих». Тогда однозначно подразумевалось, что это немцы. Но и без явного противника мы умели организовывать и штурмовые атаки, и рейды ползком в тыл врага, и засады

на диверсантов и шпионов. Конечно, победа всегда была за нами. Как иначе, ведь дело наше правое!

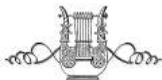
Другой цикл игр был связан со средствами передвижения. Сначала мы гоняли вдоль пыльной улицы плоские металлические диски, управляемые крючком из проволоки. Потом пошли самокаты на колёсах из шарикоподшипников. Но особым шиком было иметь собственный велосипед.

Мой первый велосипед достался в подарок. Рядом с нами проживало зажиточное семейство, не ровня нам. Дядя Миша — директор детского дома, вечно занятый домашними проблемами. Тётя Женья, которая изредка выходила во двор в немыслимом пеньюаре, всегда сказывалась больной. Их сын Вадим был старше нас, поэтому активного участия в наших забавах не принимал, хотя я с ним дружил, — он с охотой давал мне читать свои книги и беседы на вольные темы вёл на равных.

Так вот. Дядя Миша подарил мне старый подростковый велосипед, им уже не нужный. Он был неисправным, но это не было проблемой, — отец его разобрал, собрал. Велик стал как новенький. Проблема была в том, что к велосипеду не было седла. Так я и ездил полустоя, для страховки натянув на штырь седла старую шапку.

Вообще, владелец велосипеда был очень авторитетным человеком в мальчишеской среде. Особенно если не жадничал и давал другим покататься. Он как старший руководил очередью, следил за соблюдением маршрута (до угла и обратно — и ни-ни!), принимал знаки внимания и пр.

В то время (начало пятидесятых) мы никогда не ели досыта, поэтому забота наполнить живот была главной и естественной. Самое простое — пойти на луг (мы говорили — луки, с ударением на первом слоге) собирать и тут же поесть паслён. Это такие ягоды фиолетового цвета на травянистых стеблях, чуть сладкие и водянистые. Мы знали, что переедать паслёна ни в коем случае нельзя, ина-

че проблемы с животом обеспечены. Но, голодные, иногда забывали об этом.

Второй вариант – пойти на шелковицы у заброшенного дома, там никто не гоняет. Это гораздо вкуснее, чем паслён, но шелковица от ежедневных набегов родить не успевала – её шершавые ветки были отполированы нашими штанами до блеска.

Более существенным было «вздохматить» чужую грушу или «обчистить» грядку клубники у зазевавшихся хозяев. Воровством это не считалось. Но если были обоснованные жалобы, отец нас наказывал. Не строго.

Пятьдесят третий год запомнился двумя событиями. Первое – смерть Сталина. Это действительно было всенародным горем, с тревожными паровозными гудками, со всеобщей и искренней скорбью.

Второе – в этот год мы все гурьбой отправились в школу. Я был немножко моложе других, до семи лет не хватало несколько месяцев. Директор, когда убедился, что я действительно уже умею читать и считать, пошёл на нарушение, и меня в школу таки приняли. Нашу такую дружную компанию разбросали по разным классам. На смену уличному пришло новое детское сообщество – класс, школа.

В школьной жизни было много светлого. Но были эпизоды, которые и помнить не хочется, и забыть нельзя.

...Мне до сих пор вспоминается с мукою
школа, Тургенев, Муму.

Все директрису дразнили гадюкою,
мал был, не знал, почему.

Но не врала интуиция детская,
в женщине чуя змею.

А во дворе школы Жучка облезлая
грела щенячью семью.

Мы, разбитная шпана повоенная,
от велика до мала
знали и в Бога и в мать откровения,
только не знали тепла.
По бурьянам самокрутки чадили ли,
в драках ложились костью,
а со щенками душой отходили мы
и становились детьми.

Жаль, что в те годы был чуть ли не дерзостью
детский общительный смех.
Нам из окна директриса шипела всё:
– Всех накажу, всех, всех, всех!
Жорик припадочный, семя гадючее,
за похмельные гроши
ей побожился по пьяному случаю
наших собак порешить.

...Взвизгнула жалобно, как человек кричит,
корчилась мордою в грязь.
На костылях плакал мичман калеченый:
– Что же ты делаешь, мразь?
Кодлом на нелюдя мы нападали все,
эх, если б сбить его с ног.
Но кулаком оглушённые, падали
под беспощадный сапог.

Мне вспоминается с болью гортанною
школа, Тургенев, Муму.
Были щенки над прибитою мамою:
– Люди, за что, почему?
Вновь захлебнулся в наивной беспечности
школьный дрожащий звонок.
После урока бесчеловечности
шел гуманизма урок.

В своём классе я учился лучше всех, хотя дома портфель не открывал. Действительно, зачем тратить драгоценное свободное время на выполнение заданий дома, если их можно успеть сделать в школе? Так я и делал.

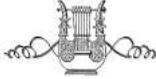
Я много читал, и книга для меня действительно была лучшим подарком, даже если её давали только на время – почитать. Такими же жадными к книге были и мои школьные друзья – Володя, Сергей и Юра.

Когда мы доросли до «Трёх мушкетёров» А.Дюма, то организовали свою мушкетёрскую четвёрку. Я очень хотел стать д'Артаньяном и опасался, что за это право будет большой спор. Но оказалось, что Володе, мальчику вдумчивому и сдержанному, больше импонирует благородный Атос, а резвому Сергею – ироничный Арамис. Юра, который был покрупнее нас, с удовольствием согласился быть Портосом. Так я, как и хотел, стал бесшабашным д'Артаньяном.

Обратите внимание, – и в мыслях не было стать всемогущим кардиналом Ришелье или богатым графом Рошфором! Эта наивная ролевая игра сплотила нас, мы понастоящему сдружились и продолжаем вспоминать друг о друге и по сей день.

...Отзовись, далёкий друг,
Сверим ритм дыханий,
И кольнёт под сердцем вдруг
Боль воспоминаний.
Вечером иль поутру,
С радостью иль с грустью ты,
Выходи, мой школьный друг,
На свиданье с юностью.

Мы дуэтом поднялись
Весело и гордо.
Ах, зачем играла жизнь
Горькие аккорды?
Вечером иль поутру,

С радостью иль с грустью ты,
Выходи, мой школьный друг,
На свиданье с юностью.

Наших струн истёрлась нить
В поседевший волос,
И все тише мне вторит
Твой охрипший голос.
Вечером иль поутру,
С радостью иль с грустью ты,
Выходи, мой школьный друг,
На свиданье с юностью.

Верь, что есть, покуда жив,
Шанс один из тыщи,
И припомнив наш мотив,
Отзовись, дружище!
Вечером иль поутру,
С радостью иль с грустью ты,
Выходи, мой школьный друг,
На свиданье с юностью.

*М*ногие недооценивают значение школы в своей жизни. А ведь именно в школе мы получили свои первые знания, познали дружбу и первую любовь. Научиться бы этим дорожить.

* * *

*Д*а, я учился в общеобразовательной школе дважды. Тогда и сейчас. Так случилось, что в этом году оканчивает школу мой сын, и с ним я — как бы повторно. Конечно, объём знаний и темпы их освоения возросли многократно. Это закономерно: новое поколение должно быть образованнее и умнее нас. Но я поражаюсь, насколько перегружены учебники узкоспециализированной и второстепенной информацией!

Почитайте, любопытства ради, например, учебник по биологии. Писал его, судя по стилю, большой ученый, но человек очень далёкий и от задач школы в частности, и от психологических проблем детского восприятия вообще. Страницы буквально загромождены неудобоваримыми научными терминами, будто бы тринадцатилетний подросток должен знать всё, что знает автор, доктор наук и профессор.

Я не смог объяснить сыну, как могут понадобиться эти знания в жизни. Конечно, если он не надумает уже в школе защищать диссертацию, например, по червякам. Так мой сын и вырос без понимания удивительного мира природы, без восхищения разнообразием и неповторимостью всего живого. И это на всю жизнь.

Или всемирная литература. За одиннадцатый класс школьникам надлежит изучить творчество тридцати девяти писателей. К стыду, я, библиофил и книголюб, обнаружил много фамилий писателей, не известных мне ранее. Задумываюсь, так ли уж необходимо изучать школьнику *авангардистское и модернистское течение в западной поэзии первой половины XX столетия* на примере творчества девяти (!) поэтов? При этом по каждому из них изучаются биографические данные, общая аннотация творчества и сами произведения, некоторые из которых надлежит выучить наизусть. И это не всё. Ещё нужно обзорно рассмотреть творчество 18-ти писателей и что-то о них знать. И это за один год обучения! Немыслимо.

Добавьте к этому курс украинской литературы — порядка сорока имён прозаиков и поэтов, первостепенных и не очень...

Сейчас у моего сына на столе лежит лёгкое детское чтение — Толкиен, «Властелин колец». Я жду, когда его заинтересует *авангардистская поэзия начала XX века* и он просветит меня, кто такой Витезслав Незвал, что он писал и как.

Мы были резвые ребята

В детстве я был мальчиком поджарым и резвым — из сверстников быстрее меня никто не бегал. И уличная кличка была подходящей — Зайчик. Я к ней относился нормально, как к имени. Знали бы вы другие клички! С утра до ночи главным нашим спортом было движение, можно сказать, вечное движение. На земле, в воде, по деревьям, лугам и оврагам.

Конечно, это не те систематизированные физкультурные занятия, которые культивируются сейчас, но эффект был неплохой. Не в пример сегодняшней детворе, мы были все как на подбор. Загорелые, босоногие, подтянутые и всегда готовые к действию, как взведённая пружина.

Большой удачей считалось раньше других захватить школьную спортивную площадку и «постучать мяч» (волейбол или баскетбол). Это удавалось не всегда, и тогда мы «оккупировали» турники, брусья, беговую дорожку, прыжковую яму и всё остальное, на чём можно было прыгать, бегать, подтягиваться и отжиматься.

Здесь же формировались команды, устраивались импровизированные соревнования по правилам «игры на вылет», определялись свои лидеры и чемпионы. Домой мы возвращались затемно, усталые и голодные, наспех ужинали абрикосами с хлебом и заваливались спать. Надо ли говорить, каким крепким и безмятежным был наш сон.

Сейчас мне удивительно и неприятно проходить мимо пустующих спортивных площадок и видеть рядом бесцельно слоняющихся ребят с сигаретами в зубах.

Конечно, мы тоже были не паиньки. Многие из пацанов рано начинали курить и курили крепко. Как полушутя-полусерьёзно говорил мой соавтор песен и кум поэт Микола Солодченко: *«Я поки закінчив перший клас школи, два Букварі вичував»*. Я и мой ближний круг друзей долго держались от этого в стороне, и мальчишеское любопытство взяло над нами верх где-то лет в 9-10. Мы купили две пачки самых дешёвых папирос — «Огонёк», помню. Спрятавшись за сараем, накурились натошак до кругов в глазах, до головокружения и рвоты.

Такое сомнительное «удовольствие» мне лично ужасно не понравилось. А тут ещё, как на грех, нас засёк отец и с помощью ремня доступно разъяснил, что сейчас надо *расти*, а *курить* потом. Так вопрос курить или не курить был отложен лет эдак на десять.

В армии я начал потягивать за компанию, а в течение жизни то бросал курить, то начинал снова. Как говорил Марк Твен: *«Нет ничего проще, чем бросить курить. Я лично проделывал это раз десять»*.

Летом мы ежедневно бегали купаться на речку. Ингулец в районе Александрии тогда ещё не был загублен дамбами. Вода была чистой, а течение сильным. Я быстро научился плавать, сначала — «по-собачьему» (что-то наподобие брасса), потом «наввымашки» (кроль) и на спине.

Как-то, не рассчитав силы, я на спор поплыл через речку и чуть не утонул. Когда я уже доплыл до противоположного берега и хотел стать на ноги, место оказалось ещё слишком глубоким. Я запаниковал, начал барахтаться и захлёбываться. А зовя на помощь, вместо короткого и звонкого *«Тону!»* почему-то стал выкрикивать длинное, прерываемое

погружениями под воду, «Потоплю!». Парни, которые загорали недалеко на берегу, не сразу поняли: балуюсь я или действительно тону. Но потом, всполошившись, они меня таки вытащили и откачали. Обратно я уже не поплыл, а пошёл по мосту, хотя обходить нужно было километра два.

С тех пор я не люблю далёкие рискованные заплывы. А спортивные стили плавания на любительском уровне освоил и воды не боюсь, но остерегаюсь.

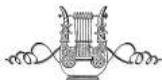
Зимой из спортивных развлечений приоритетными были санки и коньки. Санки тогда изготавливались кустарно из тяжёлого металла на полозьях и толстых досок на сиденьях. Некоторые санки по размерам и весу могли бы потягаться с современными спортивными бобами-двойками. Спуститься на таком болиде с крутой горы без падения и, как следствие, без травмы было признаком силы, ловкости и мастерства.

Коньки были для нас также, в первую очередь, средством для спуска с разного рода возвышенностей. Они привязывались верёвками и проволокой к валенкам или сапогам, и, как «редкая птица долетит до середины Днепра», мало кому удавалось с одного захода проехать далеко. Но мы упорно продолжали попытку за попыткой, шумно радуясь каждому удачному спуску.

Дома вечером у горячей духовки мы, трое братьев, отогревали залякшие руки и ноги, растирали щёки и носы. Но не помню, чтобы кто-то из нас простудился и заболел.

Но главной нашей мальчишеской страстью был футбол.

Ниже нашей улицы протекала маленькая реченька, летом совсем ручеёк, а вдоль её берегов, сколько видел глаз, простирались заливные луга. Мы знали самые ровные и сухие места, и там разворачивались настоящие футбольные баталии.

Поначалу спарринг-матчи, как сейчас говорят, мы проводили не по времени, а до определённого количества забитых голов. Учитывая то, что ворот как таковых не было, а штанги обозначались исключительно кучками одежды, то без спора засчитывались только те мячи, что прокатились по земле и точно в створ ворот. Все верховые мячи оспаривались до хрипоты, поэтому часто начатая сегодня «десяточка» заканчивалась только на следующий день.

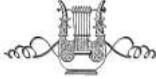
Каждая окрестная улица или район имели свою футбольную команду. Наша была одной из сильнейших, а я в ней играл вратарём. И то правда, зачем часами бегать за мячом по полю, если он рано или поздно сам прилетит к тебе? Да и место ответственное, всё-таки последний рубеж обороны, можно покомандовать защитниками. А в случае пропущенного гола всегда можно было на кого-то заорать: *«Что ж ты не прикрыл дальний угол?»*.

Но играл я, наверное, неплохо, иначе ни за что бы не поставили голкипером. И на выходе с ноги снимал, и в падении с угла вытаскивал. Мои локти и колени, по-моему, зажившими полностью не были никогда.

Наша команда имела свой настоящий футбольный мяч (!) и неплохую экипировку, собранную каждым индивидуально из разного старья.

Я как настоящий вратарь был экипирован по вратарской моде тех лет: чёрная футболка с приклеенной на спине бу-мажной цифрой «1», кепка, драные перчатки и чёрные са-тиновые трусы до колен. Правда, такие трусы были у всех. Другого цвета трусов тогда не было в принципе. Учитывая, что я надевал ещё и гетры, выкроенные из старых бабуш-киных чулок, и башмаки, отдалённо напоминающие бутсы, то мой вид для нападающих, наверное, был устрашающим.

Чаще всего мы играли с командой улицы Осипенко (через луг, напротив нашей улицы), в воротах которой стоял Вася Кириченко, чуть моложе меня, но цепкий и бес-страшный. Да только в сборной нашего района первым но-

мером всегда был я, а Вася на замене. Впоследствии он стал вратарём киевского «Динамо», играл больше в дубле, но изредка и в основном составе. Этим фактом своей биографии я чрезвычайно горжусь.

Нужно ли говорить, какими кумирами для нас были ли футболисты местной «профессиональной» команды александровского «Шахтёра»!

Матчей на городском стадионе мы ожидали как праздника, который по значению затмевал все остальные. Билеты на стадион стоили смехотворно дёшево, да и мелочь кое-какая у нас водилась, но на всех всегда не хватало. С другой стороны, зачем идти на стадион по билету, если есть другие, более романтические, способы туда попасть. Поэтому накануне матча мы обязательно совершали рейд к стадиону, дабы убедиться, что наша любимая лазейка нас не подведет.

В ту пору стадион был окружён высоким дощатым забором, а задняя стена общественного туалета (со стороны трибун) была частью этого забора. Вот мы и приноровились отодвигать пару досок, пролезать в туалет, а оттуда выходить на трибуны, так сказать, уже легитимно.

Причём я требовал, чтобы при выходе все убедительно разыгрывали роли туалетных посетителей. Наверное, со стороны это было весьма забавное зрелище: из туалета один за другим гусиным строем вышагивают замурзанные малолетние болельщики, прилюдно подтягивая штаны и застёгивая ширинки.

Мы радостно рассаживались на скамейках, стараясь занять самые удобные места. При первых звуках всем известного футбольного марша Матвея Блантера сердце замирало. Из раздевалки выбегали футбольные команды, и вот он, вожденный свисток.

Да здравствует его величество Футбол!

* * *

Раньше считалось, что рекорд в большом спорте свидетельствует о возросших возможностях не только чемпиона, но и каждого человека. Если Боб Бимон прыгнул на Олимпиаде в Мехико на легендарные 8 метров 90 сантиметров, то как бы в усреднённом показателе каждый человек стал более прыгучим.

Сегодня это не так. Рекордные показатели свидетельствуют скорее о прогрессе в работе химиков, изобретающих новые и новые анаболики, стероиды, транквилизаторы. В каждого спортсмена вкладываются большие деньги, и «Победа любой ценой» стала главным лозунгом современного спорта.

Женщины от постоянного химического вмешательства в организм становятся усатыми особями непонятного пола, а мужчины с такими совершенными телами по сути перестают быть мужчинами. Не понимаю, как можно жертвовать здоровьем ради сиюминутного спортивного результата?

Ребята и девушки стайками выются возле фитнес-клубов. Они с утра до ночи озабочены своим физическим состоянием. Их разговоры исключительно о мышцах и тренажёрах. Их образ жизни – тренировки.

Я не думаю, что они высокоинтеллектуальны. Знают ли они, что наш организм функционирует в заданном природой биоритме и за грубое вмешательство в свою тонкую систему жестоко мстит болезнями, сокращением срока жизни?

Зачем такое издевательство над телом? Зачем добровольно (!) изнурять себя многочасовыми монотонными упражнениями для тренировки такой-то группы мышц? Ведь человеку по природе свойственно стремление к разнообразию, к естественности.

Как-то Михаила Жванецкого спросили:
– Вы судья на конкурсе красоты. А по какому принципу Выставляете высший балл?

Он ответил завуалированно и умно:

— А я прислушиваюсь к себе.

То есть шелохнётся ли что-то в душе (и не только в душе)? Я бы никогда не взялся судить соревнования по женскому бодибилдингу. Я бы просто не знал, кому какую оценку ставить. Не поднимать же всё время табличку с нулём!

Не люблю я и женскую спортивную гимнастику. Да и какая она женская? Не Латынина, не Туришева или Астахова, девочки 12-13-ти лет! Им бы в куклы играть, готовясь к своему женскому предназначению, да к маме льнуть.

Так нет же! Ласковую маму заменил тренер, строгий и безжалостный, до изнеможения гоняющий несчастных девочек по брускам, перекладинам, брёвнам. Что ему, заикленному на *чужой* медали ради *своей* победы, детские травмы и боль, страдания и слёзы? Потерянное детство ради одной минуты славы, если ещё она наступит. А всего через несколько лет эту девочку из большого спорта выкинут как бесперспективную или по возрасту. И со своим изувеченным телом и надломленной психикой она станет вообще никому не нужна.

Ну что я всё о грустном! Традиционные виды спорта сохраняются, и список пополняется новыми. Фристайл, например. Красиво, оригинально, зрелищно!

В молодёжной среде вызревает альтерспорт (альтернативный): катание на роликовых коньках, велороллерах, скейтбордах.

Вот очередная спортивная новация: пуркур и его разновидность брейк-данс — обжигающая смесь танца и акробатики. Интригующе, непредсказуемо, весело!

Молодцы, ребята! Сильные, ловкие, тренированные не для показухи. Им не до «кращого в Україні пива» и не до наркоты — форму держать надо.

...А где-то в Карпатах выйдет рано поутру на крыльцо молодой гуцул. Вдохнёт полной грудью чистый, густой, хоть ножом режь, воздух. Сделает несколько нехитрых упражнений, подтянется десяток раз на турнике, сооружённом между двумя смереками, дабы убедиться, что каждый сустав, каждая мышца в тонусе. Позавтракает овечьей брынзой, попьёт родниковой воды и лёгкой стремительной походкой пойдёт высоко в горы, на свою полонину. Он будет жить долго. Чего и вам желаю!

...Нам, грешным, ближе поверхностный смысл.
К праздным раздумьям нет повода в роде.
Но почему так навязчива мысль
О чистоте первозданной природы?

И в полудрёме пригрезится луг
И мальчуган, по раздолью бегущий.
Не одинок он, подумаешь вдруг,
А породнён естеством со всем сущим.

Мне бы прервать угнетающий плен,
Без сожаленья покинуть бы город,
Пить родниковую воду с колен,
Плодом лесным утоляя свой голод.

Мне б по нехоженным тропам пройти,
Гладить по шее косуль непугливых,
Мне б хоть глоток вековой простоты,
Мне бы туда, где я буду счастливым.

Странною кажется эта мечта,
Ведь на исходе двадцатого века
Вряд ли найдутся такие места,
Где не ступала нога человека.

Музыка

Ещё полвека назад музыки звучало очень мало. Живая музыка — только по праздникам, — духовой оркестр на центральной площади. Не в каждом доме была даже тарелка репродуктора, не говоря уже о магнитофонах и телевизорах. Кадры из кинофильмов тех лет со сценами пения от души или прогулок молодых людей с песней под баян вовсе не наивная выдумка кинорежиссёра.

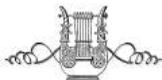
Так было. Любые музыкальные проявления воспринимались как глоток радости в будничной жизни, и каждый человек стремился принять участие в заполнении музыкального вакуума.

Неодолимую тягу к музыке я ощутил уже в «зрелом» детском возрасте. Лет в восемь. Мой отец немножко умел играть на мандолине и меня, настырного, научил играть на ней «Яблочко» и ещё несколько мелодий. У меня даже сохранилась фотография тех лет: будущий профессор Иванов в детстве с мандолиною в руках.

К этому же времени относится мой первый опыт в вокальном жанре. Мой друг Сашка Марков с кем-то разучил песню «Ходили мы походами». Не знаю, насколько правильно её он пел, но громко — это точно. Прослышав о столь звонкоголосом певце, его включили в программу школьного концерта.

*Саша Иванов,
1955 год*

Но перед самым выходом на сцену Сашка запаниковал. Предконцертное волнение и не таких доводило до дрожи в коленках. Он затащил меня за пыльные кулисы и буквально умолял спеть вместе с ним, держась за руки. Я эту песню совершенно не знал, но выручать друга — святое дело. Я здесь же, за кулисами, под диктовку Сашки разучил слова песни, а вот потренироваться петь вдвоём времени уже не было.

Когда мы, глядя в потолок, вразнобой затащили: *«Ходили мы походами в далёкие края...»*, — зал сначала притих, потом оживился, а на третьем куплете мы уже едва перекрикивали весёлый школьный народ. Аплодисменты были оглушительными, но петь «на бис» я отказался категорически. С тех пор у меня особый пиетет к сцене, зрителям, песне.

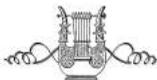
В нашем классе учился один, как тогда говорили, переросток — нормальное явление для школьной жизни тех лет. Он был года на три старше нас. Фамилия его была Шевченко, имени не помню. Он был на особом положении: учителя не тревожили его вызовами к доске или ответами с места, а за это он им помогал наводить дисциплину в классе.

Этот Шевченко приносил в школу, наверное, вместо портфеля, гармошку. Тихий и незаметный на уроках, он на переменах был в центре внимания всей школы. Даже учителя собирались послушать его игру. Особенно мне нравилась в его исполнении песня «Как родная меня мать провожала». Он мастерски чередовал пение и вариации, пританцовывал и подмигивал. Его прищуренные глаза, казалось, заглядывали прямо в душу, а чуть ироничная улыбка покоряла окончательно. Как я ему завидовал!

Дома я донимал родителей:

— *Купите гармошку, ну, пожалуйста, купите.*

Отец уже понимал, что для меня музыка не мимолётный каприз, и решил:

— Гармошка — это не солидно. Купим-ка мы тебе баян, и пойдёшь в музыкальную школу.

Спустя несколько месяцев, подсобрав деньги, родители мне баян таки купили. Помню, был май, а школа с сентября. Еле дождался.

Тут первое отступление: нельзя начинать обучение музыке с установленной даты, как невозможно начать писать стихи, например, с девяти часов утра в понедельник такого-то числа. Согласитесь, смешно было бы читать в биографии П.И.Чайковского (пример произвольный), что он «начал заниматься музыкой с 1 сентября 1847 года, когда начался новый учебный год в музыкальной школе». Абсурд. А по инструкции приём учеников в музыкальную школу заканчивается 1 сентября и набор в течение года (!) запрещён. Я в бытность мою директором музыкальной школы этой инструкции не придерживался. Считаю, что обучение музыке нужно начинать с того дня, когда желание ребёнка заняться этим видом творчества созрело и взорвалось.

В музыкальной школе произошло непредвиденное. Меня не приняли как не прошедшего по конкурсу. На экзамене я будто бы неправильно воспроизвёл заданный ритмический рисунок стуком карандаша по столу.

Отступление второе, для огорчённых детей и разочарованных родителей: за десять минут тестирования ребёнка невозможно достоверно определить уровень способностей к музыке и тем более предсказать будущие успехи.

Крах мечты о музыкальной школе был первым серьёзным ударом в моей жизни. Но отец меня успокоил и договорился о частных уроках с учителем пения нашей школы, неплохим баянистом.

Через год я бойко играл и неплохо знал ноты. При повторном поступлении в музыкальную школу я уже не сту-

чал карандашом по столу, а исполнял музыкальные произведения на баяне и сдавал экзамен по музыкальной грамоте. Меня безоговорочно приняли, причём сразу во второй класс. Предлагали даже третий, но я отказался — хотелось поучиться дольше.

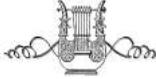
Меня определили в класс к Виталию Семёновичу Карпову. Сейчас он работает директором Александрийского училища культуры, заслуженный работник культуры Украины. Мне очень повезло, что начальный и самый важный этап музыкального становления я прошёл вместе с этим человеком, талантливым музыкантом и педагогом.

С Виталием Карповым

Чтобы стать профессиональным музыкантом, нужно овладеть тремя важными качествами. Первое: научиться бегло играть по нотам, сродни тому, как грамотный человек читает книгу. Второе: иметь хорошо подготовленные руки, чтобы легко преодолевать технические сложности исполнения. Третье: развить музыкальную память, позволяющую быстро запомнить наизусть музыкальное произведение.

На первый взгляд, ничего сложного. Но достигается это только путём упорных многолетних занятий. Я играл на баяне не менее четырёх часов ежедневно, разбивая это время на несколько «подходов». В музыкальном развитии я далеко опережал своих одноклассников, многие из которых учились в музыкальной школе скорее по воле родителей, чем по своему желанию.

Родители и братья разделяли мою увлечённость музыкой. «Саша две школы тянет», — всегда напоминала мама, тем самым и поддерживая меня, и освобождая от части домашних забот.

Когда мне было тринадцать лет, я получил приглашение на работу, неожиданное и заманчивое: поработать баянистом в пионерском лагере. Мне предложили оклад 24 рубля за одну смену, плюс — бесплатное питание. В этом же лагере я работал и следующим летом. Это был мой первый «музыкальный» заработок. Все деньги, за малым исключением, я отдавал в семейную кассу.

К этому периоду относятся мои первые пробы сочинения музыки: для музыкального сопровождения утренней зарядки я сам придумывал мелодии. Конечно, с подбором необходимого музыкального размера, ритмического рисунка и темпа.

Большие изменения в моей жизни произошли в пятнадцать лет. Я окончательно решил посвятить себя музыке. Перешёл из дневной общеобразовательной школы в вечерне-заочную. Принял предложение директора музыкальной школы начать педагогическую деятельность и параллельно учиться в пятом выпускном классе. Моя трудовая книжка свидетельствует, что я действительно начал работать преподавателем по классу баяна Александрийской музыкальной школы, ещё не достигнув шестнадцатилетнего возраста.

Тогда же я получил и предложение стать музыкантом местного эстрадного оркестра. В оркестре играли лучшие музыканты города. Состав: трубы, кларнеты, тромbones, фортепиано, гитара, я — на баяне, и сзади — ударник, выбивающий ритмы на ударной установке, в основе которой стоял огромный армейский барабан.

Но эстрадный оркестр невозможен без саксофона с его колоритным гнусавым звуком. Невидаль в те времена, но у нас саксофон был. Единственный в городе, самодельный! Играл на нём Харитон. Иначе его никто не называл. Личность уникальная, как и его саксофон.

Весельчак, балагур, он со своим саксофоном не пропускал ни одной возможности где-то с кем-то поиграть, будь то свадьба, будь то похороны. Его знали *все*. И мне казалось, что он знает *всё*. Харитон учил меня играть на саксофоне, попутно поучая, как быть в жизни. С этим человеком, намного старше меня, я очень сблизился и доверял ему даже самое тайное.

Однажды моего отца вызвали в школу, не музыкальную, а во вторую — общеобразовательную, по поводу моих пропусков занятий. Я учился в этой школе недавно. Родителей моих никто не знал. Мы с Харитоном решили: зачем огорчать родителей, сойдёт за отца и он. Потом мы с ним долго вспоминали комедийные подробности его разговора с директором. Особенно назидательную речь ко мне с совершенно неуместной фразой: «*Вот если бы ты был моим (!) сыном!..*» Но директор подлога не заметил, а я в школе подтянулся.

Оркестром мы разучивали и играли на танцах самую модную в то время музыку — танго, фокстроты, вальсы. И, в принципе, играли неплохо, а главное, мы были очень сыграны. И в оркестре, и в жизни.

Так я приобрёл первый опыт оркестровой игры, коллективного творчества и узнал, что такое *чувство локтя*.

Тод 1963. Я уже студент Кировоградского музыкального училища. В перспективе профессия — педагог по классу баяна, руководитель оркестра народных инструментов. Это — начало самостоятельной студенческой жизни со всеми вытекающими проблемами.

Училище в ту пору не имело своего общежития. Приходилось расселяться по частным квартирам, а студентов-

музыкантов брали «на постой» неохотно. Не всякая психика может выдержать звуки музыкального инструмента, истязаемого музыкантом-учеником, или бесконечные рулады начинающего певца.

В самом училище места для индивидуальных занятий (аудитории, раздевалки, умывальники и пр.) катастрофически не хватало. В силу звуковой несовместимости каждому музыканту для самостоятельных занятий нужен свой, изолированный от посторонних звуков, уголок. С раннего утра до позднего вечера мы всё время проводили в училище, иногда оставаясь здесь же переночевать.

Однажды я уснул в огромной трибуне, прислонённой к батарее отопления, и проснулся, когда в этой аудитории уже начались занятия следующего дня. Как при полтергейсте, вдруг сама по себе задвигалась трибуна. Из-за неё, к удивлению преподавателя и студентов, появился я, заспанный и помятый.

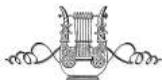
Кроме обучения игре на баяне, одним из ключевых предметов был оркестр народных инструментов. Мы на практике изучали азы коллективной игры и постигали, как из разрозненных звуков домр, балалаек, баянов рождается целостное звучание музыкального произведения.

Как-то на волне воспоминаний я написал такие строки:

...Домры, гусли, балалайки
И баянов звонкий ряд
Через годы, без утайки,
Вновь со мною говорят.

Как мечту свою лелея
В колыбели добрых нот,
Мы в оркестре одолели
Главный в жизни поворот.

К дружбе с музыкой,
К началу нескончаемого дня,
Где бывшее повстречало
Уже взрослого меня.

Джаз. Оригинальные мелодии, непредсказуемые импровизации, синкопированные ритмы на фоне не слышанной ранее гармонии — это была не новая мода, а новая музыка, проникающая в наше сознание. Наша мечта о собственном эстрадном ансамбле, о концертах и аплодисментах была абсолютно естественной.

Но правильно укомплектовать состав ансамбля нам никак не удавалось. Не было гитариста и ударника, столь необходимых в эстрадной игре. В те годы музыкантов по этим специальностям в музыкальных училищах не готовили. Я и мой друг Миша Карабан, скрипач из Новой Каховки, вызвались в кратчайшие сроки освоить эти инструменты: я — гитару, Миша — ударные.

Подготовленному музыканту осваивать новый музыкальный инструмент легче, чем начинающему, но всё же задача не из простых. Все-таки я сумел самостоятельно с помощью самоучителей игры на гитаре за два-три месяца овладеть минимально необходимым объёмом навыков для игры в ансамбле. А Миша научился «стучать» на ударной установке.

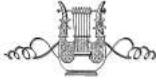
Тут же начались репетиции. Ежедневные и упорные. Главное — сыграть и накопить репертуар. Где-то через полгода мы были готовы «показаться на люди». Наш дебют состоялся

здесь же, в зале музыкального училища. Мы провели бал-концерт.

Первое отделение — концерт, второе — танцы. Отзывы о нашей игре были хорошие. Мы почувствовали, что готовы к работе.

*С Михаилом Карабаном
и Виктором Рожанским, 1964 г.*

В те времена главной формой молодёжного досуга были танцы. Все Дома культуры города каждый вечер проводили танцевальные вечера, и залы были переполнены. Ансамбли, подобные нашему, были нарасхват. Для работы мы облюбовали себе Балашовку, один из районов Кировограда, и организовывали там танцевальные вечера, попутно помогая Дому культуры с концертами.

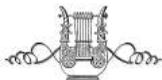
За работу нам полагался гонорар — 40% от суммы выторга за билеты. Нас крепко обманывали: директор — на подсчёте, бухгалтер — на расчёте, билетёр — на входе. Но мы были снисходительны. Хватало и нам. С этого времени я отказался от материальной помощи родителей: там тоже было нелегко. На выходе в большую жизнь два моих младших брата.

Пройдя «боевое крещение» на танцах, мы повысили свой статус до уровня концертной бригады городского Дома культуры. Тогда я впервые увидел свою фамилию на афише: маленькая фотография с надписью: Александр Иванов (электрогитара). К этому времени я купил немецкую электрогитару «Хернсдорф» и играл на ней лет пятнадцать.

Концертная бригада была весёлой и дружной. Одна молодёжь: певцы, чтецы, танцоры. С нами выступал даже фокусник под псевдонимом Ива Асса. Мы в шутку называли его Пиво Мясо. Чёрненький, с усиками, всегда прилизанный, он среди нас, балагуров и анекдотчиков, выделялся полным отсутствием чувства юмора.

Например, звучит такой анекдот. *Вражеский агент добивается в Одессу к резиденту. Звонит, как ему кажется, в нужную дверь и шепчет пароль: «У вас продаётся славянский шкаф?». На что ему рассерженный жилец отвечает: «Как вы мне надоели с этим шкафом! Вся Одесса знает, что шпион живёт этажом ниже».*

После нашего дружного смеха Ива Асса невозмутимо заявляет: *«Не понимаю, над чем вы смеётесь? Просто человек ошибся дверью».*

После второго курса музыкального училища меня призвали в армию: отсрочка студентам училищ не полагалась. Я отнёсся к этому спокойно, как к очередному и неизбежному этапу жизни.

Из призванных служить в Киеве, после первоначальной подготовки (т.н. «карантина»), были сформированы три отряда. В пополнение роты почётного караула я не попал по росту, моих 173-х сантиметров оказалось мало. В окружной военный оркестр баянистов не брали. По этому поводу я очень сожалел.

Попал на службу в штаб Киевского военного округа. Наша рота обеспечивала охрану объекта и пропускной режим. Служба нелёгкая: через день в караул, в армии говорят: *«Через день — на ремень»*. Причём отдых, полагающийся после бессонной ночи в карауле, нам не предоставлялся. Сутки между караулами были под завязку забиты политзанятиями, военной подготовкой, муштрой на плацу и хозяйственной работой (типа чистка снега).

Но служба в штабе была и по-своему интересной: не каждый может похвастаться, что он видел и даже слышал голос маршала Якубовского или маршала Куликова. Мы знали: если мимо подтянувшегося часового проходит генерал Чиж и поднимает вверх три вялых пальца, то следует сразу доложить своему командиру: *«Генерал Чиж объявил мне три наряда вне очереди»*. И слова *«Сам не знаю, за что»* были неуместны. А генерал Агарков всегда протягивал солдатам руку, и мы, в нарушение устава, пожимали её.

В роте я был назначен ответственным за разучивание солдатских песен. В специально отведённое время я «лепил» солдатский хор: выстраивал голоса, добивался качества звука и слаженного звучания. А наутро стоял вместе со всеми в строю, и наш старшина, который любил, чтобы солдаты песню орали и рявкали, командовал: *«С места, с песней, шагом ма-а-а-ри!»*. И всегда недовольный силой звучания, вдогонку кричал: *«Рот открывать на ширину приклада!»*

Самодетельность в армии, 1967 год

Мы организовали свой солдатский эстрадный ансамбль, подобрали певцов, и неплохих. Потом к нам подтянулись вольнонаёмные служащие штаба, жёны офицеров. Мы готовили концерты к праздничным дням, а за это имели по-

слабление в службе. Нам выделяли больше времени для репетиций, иногда даже освобождали от нарядов. В центре этой работы был я.

*«Мы, ребята из детсада...»,
1967 год*

Летом (будто мне судьбой приписано быть баянистом в пионерских лагерях!) меня увозили в детский дом отдыха «Лесники» под Киевом. Денег за работу мне не платили. Платили свободой, возможностью заниматься музыкой и питанием, не в пример солдатскому.

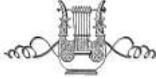

Тут я познакомился с гитаристом Петром Полухиным (ныне заслуженный артист Украины). Он был на несколько лет старше меня и учился в консерватории. Полухин посоветовал мне поступать в училище педпрактики при Киевской консерватории, где моим преподавателем по гитаре будет он. Я уже имел первоначальные навыки классического исполнительства на гитаре и, конечно, хотел играть более профессионально.

Гитара — уникальное явление в ряду других музыкальных инструментов. Её возможности, её душа пока никем до конца не познаны. Гитара очень проста для любительского музицирования: аккорды, аккомпанемент, песни. Но для допуска в святая святых, в мир совершенного звучания, гитара требует искренней любви, преданности и галантной настойчивости. Совсем как женщина — открытая для лёгкого флирта, а соитие только после свадьбы. Покори, завоеуй!

В училище при консерватории я учился два года. Выпрашивал увольнительные, ходил по Киеву, как «липовый» связист (вольнонаёмные из самодеятельности снабжали меня маршрутными листами), в критических случаях бывали самоволки. Индивидуальная работа с гитарой — в свободные минуты, в углу казармы или в курилке. Но эти с таким трудом добытые знания оказались бесценными.

В армии я служил без малого три года. Демобилизовавшись, вернулся в родное училище оканчивать 3-4-й курсы по классу баяна. Ребята, с которыми я начинал учёбу, училище уже закончили. В новой группе я был не только старше по возрасту, но и, объективно, сильнее их в музыкально-теоретической и практической подготовке. Думаю, мои советы и помощь сокурсникам были полезны. Но былого чувства студенческого родства уже не возникло.

В эти годы я работал в оркестре Кировоградского народного театра оперетты. В репертуаре театра были очень популярные в те времена оперетты О.Сандлера «На рассвете» и «Четверо с улицы Жанны». В музыкальную канву этих музыкальных спектаклей были органично вплетены песни опального певца и гитариста Петра Лещенко и одесские фольклорные напевы. На сцене артист пел и делал вид, что играет на гитаре, а я в оркестровой яме под микрофон играл партию сольной гитары. С этим театром я гастролировал по всей Украине, а в некоторых городах выступал со своими авторскими концертами.

На последнем курсе музыкального училища я всерьёз увлёкся композицией и авторской песней. Пришлось ко всему прочему много заниматься вокальной подготовкой, развивать диапазон голоса, дикцию и пр.

Композицию я изучал под руководством единственного в Кировограде профессионального композитора Кима Александровича Шутенко. Он был известен не только как композитор, но и как человек с потрясающим, даже парадоксальным чувством юмора.

Например, такой эпизод. Ким Шутенко сдал в печать сборник своих композиций «Фуги для фортепиано на темы украинских народных песен». Никаких творческих замечаний к его работе не было. Но он поставил издателям провокационное условие: учесть его пожелание посвятить фуги... Биллу Клинтону.

Кто только не пытался его отговорить! Мол, где ты со своими фугами, а где Билл Клинтон! Но композитор был непоколебим: *«Это моё авторское право. Я сам определяю, кому посвящать свои композиции. А Билл Клинтон мне нравится»*. И таки добился своего. Вот предо мной нотный сборник: Ким Шутенко. Фуги для фортепиано на темы украинских народных песен. А в левом углу на обложке крупно — *Биллу Клинтону посвящается*.

В 1970 г. я с отличием закончил музыкальное училище. С мечтой о консерватории пришлось расстаться: я уже был женат, мы с женой ожидали ребёнка. Нужно было обустраивать семейную жизнь. Позже я заочно окончил музыкально-педагогический факультет Кировоградского педагогического института им. А.С.Пушкина, где получил основательную вокально-хоровую подготовку.

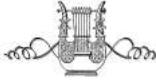
На этом этапе моё стремление стать всесторонне развитым музыкантом, моё желание познать разные виды музыкальной деятельности, было реализовано. Но я понимал — останавливаться на достигнутом нельзя. Иначе спад, регресс. Для музыканта-профессионала процесс совершенствования вечен.

...Вновь под музыку снятся ночами
Вожаку журавлиного клина
Дирижёрские взмахи крылами
Над клавиром бессмертного гимна.

...Вновь стремимся мы жить на пределе
У огня обострённого чувства.
Посчастливилось нам — мы летели
В освежающем ветре искусства!

* * *

Мы уже никогда не узнаем, когда, как и почему человек, подражая пению птиц, впервые попробовал воспроизвести голосом музыкальные звуки, отдалённо напоминающие мелодию. Кто первым додумался из разрознённых звуков свистящих косточек создать некое подобие музыкального инструмента? Но бесспорно и объективно, что человек всегда стремился окружать себя музыкальными звуками, и музыка развивалась вместе с ним.

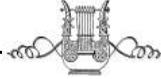
Существует теория, что если полностью и повсеместно перестанет звучать музыка, то человечеству грозит деградация и сумасшествие. Я этому верю.

Для физического выживания человека необходимы воздух, вода и пища. А что необходимо человеку для психического выживания? Однозначно — музыка. Мы уже знаем, что воздух и вода должны быть чистыми, а пища натуральной, без наполнителей, консервантов и пр. А какой должна быть музыка? Сейчас нас буквально заваливают консервированной музыкальной продукцией, изготовленной из второсортных продуктов, зачастую вредных и опасных. Так ли уж это безобидно?

Искусство, в том числе и музыка, по сути есть духовным отражением объективной реальности. В другом качестве, нежели быть зеркалом эпохи, искусство человечеству было бы не нужно. Шедевры музыки, живописи, литературы характеризуют максимальный уровень развития человека и человечества на том или ином этапе. Судя по звучащей сегодня музыке, свой пиковый уровень человек уже прошёл во времена Бетховена и Чайковского.

Тот музыкальный ширпотреб, который нам навязывается, недостоин нас. Он агрессивно воздействует на психику человека, зомбирует его и лишает чувственности. Мы сидим «на игле» примитивной музыки и сами становимся примитивными.

Один известный украинский рокер в интервью сказал буквально следующее: *«Я прослушал свои записи десятилетней давности и убедился, что в то время петь и играть на гитаре я совсем не умел»*. Кстати, он и сейчас не умеет ни того, ни другого. А где же его «творче сумління і відповідальність» за то, что, пользуясь мощнейшим воздействием музыки на психику человека, он десять лет кряду разрушал наши умы и души и продолжает это делать?

Проблема не нова. Ещё во времена Союза одна популярная поп-группа пела: *«Три аккорда, три аккорда для меня, как три рекорда»*. Вот как всё просто: с трудом выучить три аккорда на гитаре — и можно об этом «эпохальном достижении» объявлять на всю шестую часть суши. Конечно, такие «артисты» сами люди недалёкие и убогие. Но нас они считают людьми ещё более недалёкими и убогими. Ведь они «звёзды» на сцене, а мы внизу извивающиеся.

Попутно анекдот. *К одному преподавателю обратился человек с просьбой по-быстрому научить его играть на гитаре. На первом занятии преподаватель объяснил ему, как держать гитару, и показал несколько простых аккордов. Следующий урок был назначен через неделю. Но этот ученик не появился ни через неделю, ни через месяц. Преподаватель случайно увидел его с гитарой в футляре торопящимся к такси. «Что ж ты не ходишь на занятия?» «Ой, простите, ни минуты свободного времени. Всё концерты да гастроли, знаете ли...»*

Таких «музыкантов» несть числа. Они нам «доставляют удовольствие».

Век XVIII. Лондон. Знатный лорд говорит композитору Георгу Фридриху Генделю:

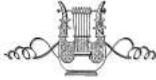
— *Сэр, сколько удовольствия вы доставляете людям своей музыкой!*

Гендель (огорчённо):

— *Только удовольствие? А я стремился сделать их лучше...*

Фабрики звёзд, «Сливки», «Стрелки» и иже с ними — они, что ли, хотят нас сделать лучше?

Йоган Себастьян Бах с утра надевает камзол, припудривает парик и степенно идёт в костёл. Приближается к органу, кланяется ему как высшему существу и садится за манаулы творить *Музыку*. Скажите на милость, а какая музыка родится у «композитора», сидящего на неряшливой постели с гитарой и сигаретой в зубах?

Как объяснить то воистину чудо, что музыка, созданная триста лет назад, сохранилась для нас? Ни тебе типографии для печатания нот, ни магнитофонов, ни кассет и дисков, вообще никаких средств для хранения и распространения информации.

Ответ один и однозначный: значит, эта музыка нужна нам. Всё-таки есть где-то в космическом эфире сокровищница высших достижений ума и духа человека и человечества.

В этом бесценном хранилище на виртуальных полках хранятся известные и пока не известные нам чертежи Леонардо да Винчи, и вторая часть «Мёртвых душ» Н.Гоголя, и еще не доступные нам партитуры И.С.Баха. Восхищаюсь блестящим афоризмом В.Гюго: *«Во всём есть музыка; мир исторгает гимн!»*

Но не сохранится во вземной духовной сокровищнице ничего из той «музыкальной пены», которая сейчас так заискивающе и так коварно претендует на место в нашей душе. И мы забудем эту музыку, и космический разум не примет.

Что же станет музыкальной памятью этих лет? Во все века были и сейчас есть гениально одарённые люди, которые отображают многослойность и полифоничность нашей жизни в больших и малых музыкальных произведениях. Как в своё время это делали Бах, Бетховен, Шостакович и наш Ревуцкий.

А нам нужно быть разборчивей к той музыке, которая нас окружает. *«Хор? Что вы, какой анахронизм!»* Позвольте возразить: хоровое и оркестровое звучание, как и любые другие виды «живого» исполнительства, более естественны для нашего ума и сердца, чем чуждая нам музыка без роду и племени.

Николаев – совсем не музыкальная периферия. Он наполнен «живой» музыкой. Но она сама к вам в дом, к вашему дивану не придёт. Она, настоящая музыка,

ждёт, что вы сами сознательно и с уважением обратитесь к ней. Идите в филармонию, театры, в концертные залы музыкального училища и училища культуры, просто идите навстречу звукам настоящей музыки!

И обязательно зайдите в Николаевский филиал Киевского национального университета культуры и искусств.

...Мне ветер сердце не остудит,
Храню, как жар в душе, слова –
Не могут жить на свете люди,
Не признавая волшебства.

Таинство музыки... Оттуда
Я к вам доверчиво веду
Святую веру в жизни чудо,
В свою судьбу, в свою звезду.

Слова и ноты

*М*ой первый литературный опыт состоялся, когда мне было лет десять. Помню, накануне Дня Победы отец задумчиво как-то произнёс:

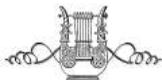
– *Я на фронте стихок написал про войну. Может, в газету отправим?*

Я прочитал. А что, неплохо. Зубасто. Речь шла о том, как мы в войну накостыляли Гитлеру и его «прихвостню Антонеску». Кто такой «прихвостень», я догадывался, а Антонеску, разъяснил отец, – румынский фашист и пособник Гитлера.

Но форму изложения я раскритиковал. Отец, может, в целях экономии бумаги, записал строфы из четырёх строк в три строки. Все рифмы оказались не на месте, что я и принялся исправлять. Переписал стих начисто, в четыре строки. Расставил, где нужно, запятые. Кое-где изменил слова. Чисто тебе «литературная редакция»!

К удивлению, стихотворение в газете напечатали. А я впервые обратил внимание на эту сторону умственной деятельности. С тех пор стихи я читал более дотошно, что ли, – не нужно ли подправить что-нибудь?

В школе я был редактором стенгазеты и подписывал карикатуры зарифмованными строками. Например: «*Костюченко Анатолий – лучше парня не найдёшь! Начал он плевать на землю, а потом на молодёжь*». Но пока потребности выражать мысли в стихотворной форме я не испытывал.

В армии я писал стихи, в чём-то подражая Сергею Островому, поэзию которого очень любил. Писал песни о романтической любви на фоне горной экзотики.

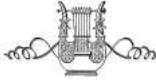
...Снова вспомню, как всё это было, —
Звон гитары и пляска огня,
Как ты песни мои полюбила
И, возможно, немножко меня.
Но туристы — народ-непоседа,
И их разные манят края.
Только нет-нет и спросится: где ты?
Может, спросишь и ты — где же я...

Но, к счастью, уже тогда понимал, что эта написанная мною песня, скорее, триста первая песня Юрия Визбора, чем первая — Александра Иванова. Пробовал писать тюремную лирику, иронические и пародийные песни и т.д. Некоторые из песен были весьма удачны и друзьям нравились.

Одна из первых песен, которую я рискнул спеть со сцены, называлась «Да и нет».

...Поезд тронулся, я вслед иду.
За печалью встречу вдруг беду...
Здесь, у стен вокзала,
Что ж ты не сказала
Мне в ответ —
Ни да, ни нет.

Без конца и без начала путь,
Приведёт ли он куда-нибудь?
Нашей жизни рельсы
Разбегутся если,
Не беда —
А может, да.

Не зажѐг я огонька, и пусть!
 Но тебя настигнет где-то грусть...
 Вспомнишь этот вечер,
 Мимолѐтность встречи,
 Наш дуэт –
 А может, нет.
 А может, да?

*Ж*о мой стиль, моя тема, моё видение были пока не определены. Только окончательно «переболев» подражательством и желанием всем угодить и понравиться, я нашѐл своё, пока наивное, но искреннее, поэтическое слово.

...Ты сохрани от вспыхнувшей свечи
 Волнение таинственного света,
 Дыхание горячее в ночи,
 Предчувствие вопроса и ответа.

Звезда надежды обожгла меня
 И приземлилась прямо к изголовью...
 Вот пролетели два счастливых дня,
 Как светлый миг, наполненный любовью.

Ты сохрани от дрогнувшей струны
 Безумие таинственного звука,
 Чередуванье солнца и луны,
 Переплетенье встречи и разлуки.

Звезда надежды обожгла меня
 И приземлилась прямо к изголовью...
 Вот пролетели два счастливых дня,
 Как светлый миг, подаренный любовью.

Ты сохрани от начатой строки
 Познание таинственного слога,
 Прикосновенье трепетной руки...
 Всё сохрани, молю я, ради Бога!

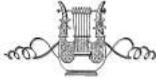
Звезда надежды обожгла меня
И приземлилась прямо к изголовью...
Вот пролетели два счастливых дня,
Как светлый миг, подаренный любовью.

Я понял, что каждый человек, невзирая на возраст и жизненные перипетии, в глубине души остаётся неисправимым романтиком, и его всегда будут волновать те же извечные вопросы: одержит ли победу добро над злом, есть ли на свете правда и что такое любовь? Я думаю, что все стремления, поступки и душевные порывы человека нужно рассматривать с философской высоты, как бы двигаясь от общего к частному.

Но чтобы воплотить задуманное в стихах, мне явно не хватало опыта работы со словом. Здесь на помощь пришло другое моё второе творческое увлечение — сочинение музыки на слова других поэтов. Я штудировал поэтические сборники в поисках подходящих для песен стихов и исподволь учился таинству поэтического слога.

Особенно благотворной оказалась дружба и совместное творчество с талантливыми поэтами Мыколою Солодченко и Анатолием Анастасьевым, журналистами районной газеты пос. Ольшанка Кировоградской обл., где я работал директором музыкальной школы. Мы вместе работали над стихами для песен, и для меня это стало настоящей школой поэтического письма. Сам же процесс создания песен был для нас не рутинным занятием, а остроумной творческой игрой.

Помню, мы с М.Солодченко писали песню о символе нашего края, о полноводной и тихой реке Синюхе. Ниже результат творческого соперничества кума Мыколы и кума Анатолия.

Вірші М.Солодченко.

Де б не бував я на дальніх вітрах,
Скільки б не чулась незнана говірка,
Бачу, як рівно пульсує в степах
Рідної річки тонесенька жилка.
Ой ти, Синюхо,
Серцю мила подруго,
Наче життя, голуба течія,
Доле моя!

Пародія А.Анастасьєва.

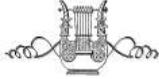
Де б не бував я на дальніх вітрах,
Скільки б не лилась із пляшки горілка,
Завжди я бачу у кума в очах:
– Більше хлюпни, бо у чарці ще мілко.
Ой ти, сивухо,
Серцю мила подруго.
Вилізла з пляшки зелена змія,
Доле моя!

А песня «Ой ти, Синюхо» получилась и стала своеобразным гимном *країни ГУГО* (аббревиатура М.Солодченко) – Гайворон, Ульяновка, Голованевск, Ольшанка – наши края! Люди до сих пор эту песню поют. И пародию помнят.

Наши песни публиковали областные газеты, издательства «Музична Україна» и «Мистецтво». Хоры, вокальные ансамбли и солисты охотно включали их в свой репертуар.

Кировоградский Дом художественного творчества в 1980 году издал первый сборник моих (как композитора) песен под названием «Пісні, що йдуть від серця». Авторами стихов к этим песням были М.Солодченко, А.Анастасьєв и В.Юхимович, известный украинский поэт-песенник.

Познакомились мы с ним в Киеве на Всеукраинском конкурсе ансамблей народной музыки. В.Юхимович был членом жюри, а наш ансамбль, руководителем которого

был я, участвовал в конкурсе. Мы стали лауреатами, победив традиционно сильные коллективы из Закарпатья. Василь Юхимович подошёл к нам сам и поблагодарил за хорошую игру.

Особенно ему понравилось исполнение («без усіляких там вихлясіє») нашей с М.Солодченко песни «Йде весільна осінь». Он похвалил нас за хорошую музыку и слова. Тут же предложил мне написать несколько песен на его стихи. В результате нашего творческого сотрудничества появилось несколько новых песен.

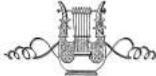
Как-то мне позвонил мой друг по музыкальному училищу — заслуженный работник культуры Ук-раины Николай Макода. В Кировограде он руководил известной во всей Украине детской хоровой капеллой «Соловушка».

— *Выручай*, — говорит, — *едем на конкурс в Киев, а «свежей» песни нет.*

Отложив в сторону все другие творческие проекты, мы с А.Анастасьевым написали звонкую детскую песню «Походная». Кстати, в те времена дети охотно и весело пели хором задорные пионерские песни. Что плохого?

«Соловушка» увезла нашу песню в Киев и спела её дважды — «на бис». Потом «Походную» опубликовала республиканская детская газета «Зірка», потом откуда-то появился отдельный буклет с этой песней, и она пошла по Украине. Наверное, не было ни одной школы, ни одного детского хора, которые бы не пели «Походную».

Николай Макода отблагодарил меня за хорошую песню весьма своеобразно, с присущим ему тонким юмором. В очередной афише после слов «Поёт детская хоровая капелла «Соловушка» было крупно написано: «*В программе произведения композиторов — П.Чайковского, А.Иванова, А.Пахмутовой...*» Вот так — чуть ниже Чайковского, но выше Пахмутовой.

С Николаем Макодой и хористами капеллы «Соловушка»

Действительно, я написал для «Соловушки» много песен на слова разных поэтов, они звучали на концертах, по радио и телевидению. Моё имя постепенно обретало известность.

Вспоминаю ещё один трагикомический случай, связанный с песней «Походная». Одесса. Лузановка. На пляже в одиночестве загораю я. Гремит ещё тот наш, совдеповский, колокол. Транслируются передачи московской радиостанции «Маяк», прерываемые редкими объявлениями. И вдруг в исполнении не известного мне хора разносится над морем:

Грайте, сурми,
Грайте, сурми, збір загону,
Барабани,
Барабани, бийте марш...

Люди добрые! Моя песня, из Москвы! Хочется поделиться с кем-то этой радостью, а знакомых ни души. Рядом загорают крупных габаритов мужик.

- *Слышишь песню?* – спрашиваю его.
– *Слышу*, – тон хмурый и недружелюбный.
А я – радостно:
– *Эту песню написал я!*

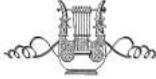
Он посмотрел на меня подозрительно, собрал одеяло и ушёл загорать в другое место. А вы говорите: композитор, цветы, овации!

В 1998 году вышел в свет сборник песен – «Олександр Иванов. Моєї пісні бентежна струна». Лучшие из моих песен впервые были изданы широким тиражом. Среди них – эпические «Яничари» (сл. Б.Мозолевского), реквием «Цвіте бузок» (сл. М.Солодченко), лирическая «Серпень» (сл. А.Анастасьева), задорная «Весёлые туристы» (сл. И.Измайловского), ностальгическая «Під чужим небом» (сл. Е.Маланюка) и много других песен, известных и не известных широкой публике.

Но моя лучшая песня, которая приходит ко мне во сне обрывками музыкальных фраз, ещё впереди.

...В беспределе зимней стужи
Почта ходит по часам,
Замороженные души
Разносятся по адресам.
В белом траурном конверте
Мне назло прислала ты
Извещение о смерти
Нашей зябнущей мечты.

А за окном моим зима,
Как продолжение письма,
А за окном моим зима, опять зима...
А за окном холодный снег
Скрывает память о весне,
А за окном моим холодный снег...

Замерзает птичья стая
На подлёте к небесам.
Отогрею ли тебя я
Или охладею сам?
Может, оттепель весной
Смоет льдиное клеймо?
И белеет предо мною
Неначатое письмо.

А за окном метель чиста,
Как продолжение листа,
А за окном метель чиста, метель чиста...
А за окном холодный снег
Скрывает память о весне,
А за окном моим холодный снег...

Хоть направо, хоть налево –
Безнадёжно замело.
В царстве Снежной королевы
Нет намёка на тепло.
Нам вскочить в крутые сани
И умчаться бы на юг.
Не поможем себе сами –
Не избавимся от вьюг.

А за окном опять метель
Заносит след моих потерь,
А за окном опять метель, опять метель ...
А за окном холодный снег
Скрывает память о весне,
А за окном моим холодный снег...

* * *

Уногда в круговерти будничных дел меня начинает тревожить предчувствие рождения новой мелодии, не давая покоя ни днём, ни ночью — пока из множества музыкальных комбинаций не созреет та единственная. Моя песня.

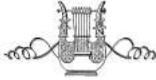
Потом она прозвучит со сцены и начнёт собственную, не зависимую от автора, жизнь. Возможно, её напечатают в издательствах и журналах, или, скорее всего, она распространится в ксерокопиях между почитателями песни, и я неожиданно для себя услышу её на концерте или по радио в новой интерпретации. Не исключено, что я получу письма с благодарностью за песню.

Когда-то (давно, но незабываемо) мне написали девушки из Житомирской области, в своей наивности даже не замечая некоторой курьёзности своей просьбы: «...*Ми співаємо Вашу пісню «Ой ти, Синюхо». Вона нам дуже подобається. Напишіть, будь ласка, що таке Синюха?»*

Я написал им о красавице-речке, тиховодной Синюхе, о небольшом посёлке Ольшанка, где волею судьбы судилось жить мне и поэту Мыколе Солодченко, моему песенному побратиму. Положил в конверт свои новые произведения. Пусть поют. Это хорошо, когда душа просит песни.

Сегодня, к сожалению, стали забывать, что музыка создаётся человеком. Многие думают, что музыка рождается от нажатия пальца на клавишу магнитофона.

Композиторы, чьи имена у нас на слуху, поставили сочинение песен на поток. Набросав в одну нотную строку мелодию, они поручают всю последующую работу аранжировщику, который по своему разумению строит её развитие: гармонию, бас, полифонические подголоски, вырисовывает тембральную картину, определяет темп и ритм. В результате музыка становится как бы ничьей, никакой и безликой.

Как не вспомнить великого Николая Римского-Корсакова, который никому не доверял работу над своими клавирами и партитурами. Он сам создавал оркестровки, скрупулёзно выписывая каждую партию симфонического оркестра. И когда звучит симфоническая поэма «Шехерезада», в каждой ноте — талант и вдохновение великого мастера.

С Мыколою Солодченко

Я не могу сказать, что в песне первично — музыка или слово. Иногда сначала рождается мелодия, своим звучанием как бы привлекая слово. Тогда мы вечером уединяемся с Мыколою Солодченко в музыкальной школе. Я несколько раз играю ему уже готовую музыку для песни, попутно объясняя, как я представляю её сюжет, и даже подсказывая отдельные строки. Солодченко безучастно и отрешённо молчит.

Но наутро он принесёт стихи во сто крат лучшие, чем я ожидал. Так мы написали много песен. Среди них мне особенно дорога «Лебеді лишились зимувати», удивительно прочувствованное соитие музыки и слова.

Скажу по секрету: самодеятельное творчество имеет одно очень важное преимущество перед творчеством профессиональным. Здесь поэт или композитор обязан регулярно «выдавать продукт», доказывая свою творческую состоятельность. Мол, не исписался ещё. А творчество не терпит суеты. Нужно, чтобы и мысль полностью созрела, и чтобы Муза вовремя пришла.

Самодельному автору проще. Он сам решает, что и когда писать. По себе знаю – иногда месяцами не пишется. Но неуловимый процесс накопления «критической массы» подспудно идёт. Потом происходит неожиданный, а на самом деле закономерный выброс огненной магмы.

В творческих вопросах я никогда себя не торопил. Тем более не стремился преуспеть в количестве стихов и песен. Записывал на обыкновенную или нотную бумагу только то, что рождалось естественным путём. Оттого, может, и не очень плодovit. Но и не бесплоден.

Поэт Анатолий Анастасьев

Моя передмова до творчості Іванова

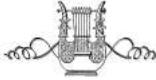
В його очах і на його обличчі
Не видно повсякденних творчих мук.
Чутливим серцем в шумі хаотичнім
Розпізнавати вміє кожний звук.

Надворі ніч шаліє горобина,
Б'є грім-віщун, як виляск батога.
І раптом – диво! – Щира нота лине
І у клавір закохано ляга.

У стоголоссі почуттів одвічних
Знаходить він свій неповторний шлях,
І пестує думки непересічні
У бардівських проникливих піснях.

Коли буває в настрої ліричним,
Гітарних струн торкається рука.
Дивуюся, як він ключем скрипичним
Сердець замки холодні відмика.

Анатолій АНАСТАСЬЄВ

Однажды я ехал отдыхать на море. Конечно, беру гитару – без неё никак. Забежал в редакцию к куму Мыколе попрощаться. Пока я зашёл к редактору (десять минут, не больше), Солодченко мне положил в карман лист бумаги. Уехал, устроился. Вспомнил: что же там написал Солодченко? Прочитал – слеза навернулась. Мелодия пришла ко мне не отрывками музыкальных фраз, а вся сразу, окончательная, как последний стук сердца.

Затремтять на струнах тихо пальці,
І гітара схилиться з плеча.
Зустрічає море мене вранці,
Як колись закохане дівча.
Море, приголуб,
Море, дай сльозу,
Що від тебе в світ я понесу?
Ніжний шерхіт хвиль,
Вечори розмов,
На березі народжену любов.

Буде шторм, за обрій даль пливтиму.
Над водою чайка промайне.
І тоді губами голубими
Цілувати будеш ти мене.
Море...
Утоплю я в хвилях своє горе,
А як радість, зачерпну до дна.
І сміюся я – сміється море.
І говорить піснею струна.
Море...

*Тобі, Сашко,
від Миколи СОЛОДЧЕНКА*

Светлая память о тебе, мой верный друг и побратим,
хранится в твоих песнях! А песни – в моём сердце.

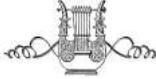
Авторская песня

Авторская песня пленила мою душу, всё моё естество в шестидесятых годах прошлого века, когда на волне хрущёвской «оттепели» громко заявило о себе новое уникальное явление — *поющая поэзия*. Для людей, утомлённых бравурными песнями о нашей якобы счастливой жизни и лирикой, не отягощённой глубокими чувствами, негромкое искреннее слово, спетое речитативом под гитару, было откровением для ума и катарсисом для души.

Для тысяч и миллионов людей (среди них и я) авторская песня стала тем духовным стержнем, той религией, на которой формировался новый тип человека — *человека думающего и чувствующего*. Абсолютно не тиражируемые радио и телевидением песни Юрия Визбора, Булата Окуджавы, Александра Галича, а позже Владимира Высоцкого знала вся страна. У певцов есть такое понятие — *полётность звука*, здесь же налицо новый феномен — *полётность песни*.

Кажущийся на первый взгляд лёгким и простым, жанр авторской песни чрезвычайно сложен, сродни «творческому многоборью». Совсем непросто быть одновременно поэтом и композитором, певцом и гитаристом. Но мне кажется, гораздо важнее, чем многогранность таланта, психологическая готовность барда к публичному духовному самообнажению, без которого немислима авторская песня.

...Город замер, как перед грозой,
И конца безысходности нет.

Ещё миг – и размоет слезою
Исчезающий твой силуэт.

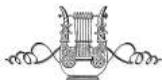
И хоть вы меня бейте и режьте,
Но не в силах прорвать немоту:
Я смотрю, как святая надежда
К перекрёстку идёт,
Как к кресту.

К своей теме, к своему стилю я шёл долго и упорно, по пути преодолевая соблазны подражательства и быстрой славы и, к счастью, не утонув в омуте псевдотюремной лирики, эрзац-пародий и частушек на злобу дня.

Свою первую программу авторской песни под названием «Песня, гитара и я» я рискнул представить на суд зрителей в 1975 году, когда мне было под тридцать лет. В рецензии на мой концерт корреспондент кировоградской молодёжной газеты «Молодий комунар» М.Пилипчук писал: «Жаль,

Мой авторский вечер

что мы узнали о творчестве этого незаурядного человека так поздно. Но столь глубокое философское осмысление жизни вряд ли возможно в двадцатилетнем возрасте».

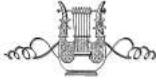
Мои концерты, конечно же, не проходили в переполненных Дворцах спорта и на стадионах. Хотя однажды я пел на стадионе. В Кировограде проводили грандиозное музыкально-спортивное действо, посвящённое Дню города. Мне предстояло спеть со сцены, установленной в центре футбольного поля, короткое попурри из своих песен и завершить его песней о Кировограде.

После этого на гаревую дорожку должны были вылететь гонщики на спортивных мотоциклах и, не сбавляя скорости, сделать круг по стадиону. Но только я начал петь, кто-то неправильно дал отмашку, и мотоциклы с рёвом понеслись. Я мужественно допел до конца, благо, микрофоны были мощные. Потом постановщика хвалили за удачную режиссёрскую находку.

Лауреаты республиканского конкурса патриотической песни Александр Иванов и Владимир Кондрашов

В Кировограде я стал лауреатом республиканского конкурса молодёжной песни. Это было первое признание моего творчества. Позже за песни и концертную деятельность мне была присуждена премия имени Юрия Яновского. Особенно приятно то, что творчество этого писателя мне очень близко.

Славному земляку
Юрию Яновскому,
автору эпоса «Вершники»

...Пусть в пульсе жизни отзовётся
Галопа ритм.
И сквозь века
Прислушайся –
То гулко бьётся
Большое
сердце
земляка!

Авторская песня – камерный жанр. Она требует полного контакта исполнителя со зрителем. Глаза в глаза. Душа в душу. Это не монолог автора, а, скорее, диалог со зрителями. Доверительность, исповедальность авторской песни всегда рождает сопереживание и встречную волну добрых чувств.

Мне приходилось выступать в школах перед скептически настроенными старшеклассниками, перед «зеками» на зоне под Северодонецком, в Дагестане и Болгарии, где русский язык не воспринимается с лёту. И никогда я не уходил со сцены без слов благодарности, как говорится, под стук собственных каблучков.

Помню, в Болгарии после концерта, когда толпа людей вокруг стала рассеиваться, ко мне подошла пожилая болгарка с чёрными пронзительными глазами:

– *Извините меня ради Бога. Разрешите, я Вас потрогаю за ухом.*

Я, удивлённый, согласился. Она долго ощупывала хрящики уха, надавливала то сильно, то слабо на ямочку у мочки уха.

Затем сказала:

– *Вы очень талантливый человек, и у Вас в жизни всё будет хорошо.*

Она ушла, будто растаяла в воздухе так быстро, что я не успел ни о чём её расспросить.

Авторская песня шестидесятых, столь любимая мною, была, конечно же, продуктом своего времени, когда за искреннее слово прощались все музыкальные и исполнительские недостатки. Сейчас вряд ли кого заинтересуют, пусть даже хорошие, стихи, небрежно спетые под примитивный аккомпанемент гитары.

Сегодня авторская песня — не только «поющее слово». Это плюс ко всему профессиональная композиторская и исполнительская работа. Современная авторская песня должна быть в равной степени интересной как в поэтических, так и в музыкальных и исполнительских проявлениях. Но обязательно оставаться искренней, личностной.

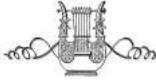
Через несколько лет я пополнил свою авторскую программу новыми песнями и назвал её «Мне ветер сердце не остудит». Главной же новацией было то, что к каждой песне я написал стихотворный эпиграф, заранее как бы настраивающий слушателя на нужную эмоциональную и тематическую волну.

...Ещё всё безоблачно слишком
и очень душевно пока.
Несут осторожно под мышкой
живую игрушку — щенка.

Он будет желанным покуда,
но если всё искренне так,
я думаю: — Боже, откуда
так много бездомных собак,

друзей человека... И вскоре,
как злого предательства сглаз,
их участь — сачок живодёра,
будь проклят рождения час.

Пал на душу грех непрощённый,
и как-то в тревожной ночи
вдруг сердце замрёт обречённо,
и совесть спросонок вскричит.

Стихи как эпитафия к песне. Эта творческая находка подвигла меня к созданию стихов, изначально не предназначенных для песен. В таком формате – стихи и песни – был издан мой музыкально-поэтический сборник с одноименным названием – «Мне ветер сердце не остудит». Впервые мои стихи отдельно от нот стали проникать на страницы газет и журналов, что приблизило меня к поэтическому сообществу. Вот одно из таких стихотворений – «Лепят ласточки гнездо».

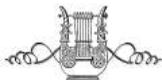
...Суждено ль проснуться рано
С теплым чувством – мой здесь дом, –
И смотреть, как неустанно,
Без сомнений и обмана
Лепят ласточки гнездо.

Словно по наитью свыше,
Прутики кладут крестом,
И растёт под зыбкой крышей
В уголке укромной ниши
Невесомый птичий дом.

И они, птенцов пугливых
Ограждая от невзгод,
Не в пример нам терпеливо,
С простотою прозорливой
Будут сохранять свой род.

В этом – суть предназначенья
И гарантия от зла.
Их не гложет отчужденье,
И не им сулит крушение
Трижды проклятый разлад.

Отчего в сплошном надколе
Наши гнёзда-этажи?
Переполненные болью,

Как хранилища бездоля
На развалинах души.

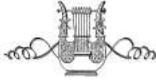
И пока беда за гранью
И есть шанс один на сто,
Посмотри, как ранней ранью
Обречённым в назиданье
Лепят ласточки гнездо.

В 2000 году Киевским национальным университетом культуры и искусств был издан сборник моих стихов и песен под названием «Всё сокровенное я доверяю вам». Я благодарен ректору М.М.Поплавскому за понимание и поддержку моего творчества.

Сегодня самым полным моим «собранием сочинений» есть книга «Зов романтики» (2006 г.). В неё включены песни с клавирами нот, стихи, кое-что из прозы, научная статья об авторской песне, рецензии, отзывы. Я польщён, что Государственная академия руководящих кадров культуры и искусств, издавшая «Зов романтики», адресовала мою книгу преподавателям и студентам, обучающимся по специальности «Сценарное мастерство», как учебно-методическое пособие.

*С лауреатом
Национальной
премии имени
Тараса Шевченко
поэтом
Дмитром Креминем*

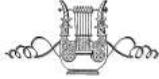

Свой поэтический отзыв о моём музыкально-поэтическом сборнике «Зов романтики» написал мой друг, николаевский поэт, лауреат Национальной премии имени Тараса Шевченко Дмитро Креминь.

*...Хорошая царица
Была Елизавет...*

Граф Алексей Толстой

Императриця Лізавет...
Вона любила Україну –
Ту, що не знав корнетом Фет,
А Фет-поет шукав тут чину.
Він жив у хаті край села
Посеред сербів, серед вігів...
Коляска ж царська перейшла
Із града Києва – в Чернігів.
У Розума, у козака,
Коло Десни, Дніпра і Сноу.
...За щастя ноти і рядка
Спасибі мовлю Іванову.
Така щаслива нині путь
Десь на Веселі Боковеньки,
Бо Іванови тут живуть
І ще співають Іваненки...
Маестро, друже! Є прогрес
У тім, що спогад не зів'яне,
І плачуть дзвони із небес:
– Що вам ділить, брати-слов'яни?
Навкруг – суцільний декаданс,
Але горить, горить планета.
В сльозах я слухаю романс,
Та Іванова, а не Фета.
Нема в тім нашої вини,
Ми діти «языка» і «мови»,
І не безрідні Івани,
А Іваненки й Іванови.
Хоч і ковбойські в нас штани,
Ми не Ковбойченки, братове!

Я чую музику небес,
Коли гортаю мудру книгу,
Щоб наш, слов'янський бог, воскрес –
З любові,
музики
і снігу...

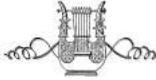
*Дмитро КРЕМІНЬ,
Лауреат Національної премії України
імені Тараса Шевченка*

Стараюсь быть как можно внимательнее к отзывам о моей работе в авторской песне. Принимаю без обиды замечания и предложения. Но советы приукрасить программу концерта смешливыми ситуативными песнями отвергаю. Понятно, что это технически не сложно. Берётся подходящий анекдот, рифмуется, исполняется, и в итоге – аплодисменты. Но *песне – песнево, а анекдоту – анекдотово*. Эти два уважаемых и любимых жанра, как мне думается, должны развиваться параллельно и независимо.

Может возникнуть вопрос: а как же быть со слушателями, которые жаждут исполнения примитивно-приблатнённых песен, именуемых сейчас шансоном? (Бедный шансон, а с ним – Вертинский, Азнавур, Утёсов!). Я всегда стремлюсь не подыгрывать залу, а обратить его в свою веру. Получается. Ещё не умерло стремление к искреннему слову и чистой ноте.

Не подумайте, что я человек не улыбочивый. Напротив, я поклонник и острой шутки, и тонкой иронии.

...Разберите меня вы на части –
Пусть я буду без рук и без ног,
Но найдите ту капельку счастья,
Что для вас я наивно сберёг.

А удвоить её в Вашей власти –
Ведь с тех пор, как людей создал Бог,
Правят парные страсти-мордасти –
Пары в ЗАГСе, как пары сапог.

Да и Троица тоже от Бога –
Вы простите уж мне, чудаку,
Три желанья простых до смешного –
Вам лизнуть руку, нос и щеку.

...Чисел бег остановится где-то
У истоков старинной молвы,
И вы вспомните семь чудес света,
А восьмым чудом станете Вы.

И на память о ночи бессонной
Согласитесь в преддверии дня:
Вам восьмым чудом быть недостойно –
Станьте первой, одной для меня.

...Вот и всё. Снова слов многократъ
Завершило свой круговорот
У единственной капельки счастья,
Что во мне в ожиданье живёт.

И меня не терзайте на части –
Пожалеете после о том.
Лучше вы, как хмельное причастье,
Принимайте меня целиком.

Жыне, работая над эссе, я пересмотрел свой архив. Собрал в отдельную папку рецензии и отзывы о моих концертах, о стихах и песнях. Удивился, как много известных людей, прозаиков и поэтов, народных и заслуженных, учёных и журналистов, меня поняли и признали. Они приходили на мои концерты, читали книги и даже сочли нужным сказать обо мне доброе слово в газетах и журналах. Спасибо им.

*С народным арти-
стом Украины,
профессором
Станиславом
Павлюченко*

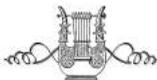
А вот папка №13. В ней собраны черновики не-
оконченных или забракованных стихов и песен.
Папка пухлая — мой фильтр работал хорошо. Может быть,
слишком хорошо. Вот одно из моих ранних стихотворений,
имитирующих запись в студенческом конспекте. Вроде ниче-
го, оригинально.

...Южные тревоги.
Ночи голоса.
Бронзовые ноги.
Дивные глаза.

Дальняя прогулка.
Томный разговор.
Тихий переулочок.
Затемнённый двор.

Жаркое дыханье.
Гулкий стук сердец.
Скрип двери нежданный.
Взвинченный отец.

Маленькая ссора.
Агрессивный пёс.
Высота забора.
Необычный кросс.

Горькие итоги.
Новые штаны.
Южные тревоги.
Нежный свет луны.

Открываю следующую папку. Здесь первые варианты стихов. Как они не похожи на окончательную версию!

Как-то поэта спросили:

– *Вы всегда читаете свои стихи по книге. Вы что, не знаете их наизусть?*

Он ответил:

– *При работе над стихотворением возникает такое количество вариантов, что всегда есть опасность прочитать вам не тот из них, который я признал окончательным.*

Вспоминаю, как долго я искал поэтическое решение одной из моих песен. Пока не пришло, как озарение, ключевое слово Таньсания. Если она Таня, а я Саня, значит, мы вместе – волшебная страна *Таньсания*.

Секрет этой песни в том, что вместо *Таньсания* можно петь как бы об африканской стране *Танзания*, что всеми будет нормально, хоть и не без удивления, воспринято. Но истинный смысл песни поймут только два человека – Таня и Саня. Тайная любовь...

...Запутанными тропками
Дойду в страну я эту,
Где жар сердец – как тропики,
Дыханье – словно ветер.
Далёкая и странная,
Зачем, не знаю сам я,
Зовёт волшебная страна
Таньсания, Таньсания.

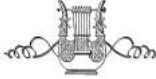
Смеясь над тупостью суда
И ханжества замками,
Любой из нас летит туда,
Где пьют любовь глотками.
Далёкая и странная,
Зачем, не знаю сам я,
Зовёт волшебная страна
Таньсания, Таньсания.

Мечта уходит за мечтой,
Звеня судьбы ключами,
Вдруг ты окажешься не той,
Что снишься мне ночами.
Но сердце, разум победив,
Зачем, не знаю сам я,
Заводит снова свой мотив
Таньсания, Таньсания.

Действительно, поиск одного нужного слова лишает стихотворца сна, аппетита и других радостей. Странные люди! В мире миллиарды людей никогда не писали стихов и не страдают по этому поводу. А здесь, — не точное слово в строке — уже трагедия. Да, уж такие они, поэты, — странные люди, не от мира сего.

...В ночной тиши не каждый замечает,
Как времени идя наперерез,
Вдруг исподволь биение легчает
И умолкает колокол небес.

Он отзвучит хрустальным перезвоном
С невиданными россыпями нот,
И этот звон печальным унисоном
С последним стуком сердца совпадёт.

Лишь Южный Крест замрёт оцепенело,
Бессленный страж на траурном посту,
И Козерог уложит неумело
Спать вечным сном упавшую звезду.

А в мире все останется как прежде,
Урочный час еще не вышел весь.
Давайте жить! Пока звонит надежду
Качающийся колокол небес.

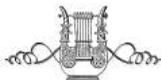
Слово — неуловимая жар-птица. Кажется, вот она, рядом, — яркая, манящая, желанная! Но стоит только сделать шаг, чтобы взять её в плен, она кокетливо чуть-чуть отлетает — и опять недостижима. И достается поэту в лучшем случае случайно обронённое золотое перо...

...Я к щемящему сонету
Набросал эскиз каймы
То сплошной чертою лета,
То пунктирами зимы.

И провёл холодной гранью
Между явью и мечтой
Штрих от точки замерзанья
До чуть тёплой запятой.

А когда в далёком марте
Будет снег сойти готов,
Я распутаю по карте
Многоточие следов.

Всё, что было наносное,
Смоет талая вода,
И останутся со мною
Только наши два следа.

* * *

Технический прогресс не стоит на месте. Уже стало возможным воспроизводить человеческую речь с помощью технических устройств. Но мы без труда различаем интонацию робота и интонацию человека. Робот говорит как бы на одной ноте, а наша речь имеет звуковысотное разнообразие. А это значит, что каждое произнесённое слово можно отобразить музыкальными звуками.

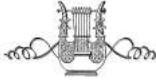
В опере, где каждое слово не произносится, а поётся, композитор использует речитатив как музыкальный аналог разговорной интонации. К слову, большим мастером речитатива был русский композитор А.С.Даргомыжский.

В песне же разговорная интонация заменяется мелодией, которая призвана усилить эмоциональное воздействие стихов. Вспомним, что в средние века под балконом прекрасной незнакомки пелась серенада, а не просто читались стихи. Трудно не согласиться с польским поэтом А.Мицкевичем: *«Подлинной лирической поэзии без музыки не существует»*.

Вокальное воспроизведение человеческой речи справедливо считается одним из самых древних проявлений творческого самовыражения человека. В результате сформировался самый популярный музыкальный жанр — песня. Самодельная (теперь говорят: авторская, бардовская) песня является одним из творческих направлений в песенном жанре.

Я недаром начал разговор об авторской песне издавна. Бытует мнение, что это творческое явление возникло в шестидесятых годах прошлого века во времена Булата Окуджавы. Это не так.

Первыми авторами-исполнителями были бродячие музыканты — скоморохи, гусяры. В Украине — кобзаря. В народной памяти сохранились имена талантливых кобзарей —

Федора Холодного, Остапа Вересая, Мыколы Кравченко. Они в своё время тоже были представителями авторской песни. Поэтическое чутьё, своеобразная экспрессивная напевная декламация и другие музыкально-поэтические приёмы, свойственные кобзарскому исполнительству, прослеживаются и в современной авторской песне.

Прообразом авторской песни была городская бытовая песня (кант), сформировавшаяся в XVII–XVIII ст. Авторами светских бытовых песен были талантливые представители разных слоёв населения – учителя и студенты, ремесленники и рекруты. Сегодняшние представители авторской песни – тоже люди разных профессий, избравшие музыкально-поэтическое творчество как способ выражения своих мыслей и чувств.

Тематической основой авторских песен становится личностное видение жизненных проблем, обращение к глубинным человеческим чувствам и душевным переживаниям. Главным исполнительским признаком песни утверждается искренность авторской интонации. В домашнем музицировании широко используется гитара как основной музыкальный инструмент для аккомпанемента песен. Творческий процесс создания песен дополняется их публичным авторским исполнением.

Признаки авторской песни прослеживаются и в романсе. Для романсов характерны лирические размышления о судьбе человека на фоне романтических представлений. Творческая деятельность в жанре романса привлекала музыкантов и поэтов, которые создавали насыщенные музыкально-поэтическими образами вокальные произведения с яркими проявлениями индивидуальной оригинальности.

Самым ярким представителем жанра авторской песни в первые десятилетия XX века был Александр Вертинский. Ему было суждено в бурные революционные годы покинуть родину и нести по свету свои неповторимые

«ариятки». В них он выливал свою пронзительную тоску по России и надежду на возвращение.

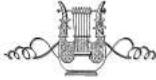
Несмотря на клеймо «врага народа» по капризу Сталина, воплотилась заветная мечта А.Вертинского, в то время артиста с мировым именем. С триумфальным успехом прошли его концерты в Москве, Ленинграде и в других городах. Песни Александра Вертинского и сейчас привлекают своим художественным совершенством и волнуют слушателей шемящей искренностью.

Как творческое явление авторская песня переживала времена подъёма, спада и забвения. В советские времена народное творчество пребывало под неослабным идеологическим давлением и всепроникающей цензурой. Авторская песня оказалась в опале.

Только с наступлением обнадёживающей хрущёвской «оттепели» авторская песня заструилась животворным духовно-интеллектуальным источником. В шестидесятых годах XX ст. сформировалась мощная когорта авторов-исполнителей, которых стали называть бардами. К авторской песне обращаются люди разных профессий. Это — геофизик А.Городницкий, спортивный тренер Ю.Кукин, писатель и киноартист Ю.Визбор, драматург А.Галич и другие талантливые личности.

В почётном списке бардов первое место по праву принадлежит мэтру авторской песни Булату Окуджаве. Его песни, которые называют «поющей поэзией», воспитали миллионы людей, не равнодушных к искреннему слову и чистой ноте. Эти песни стали утверждать лучшие человеческие качества — интеллигентность, духовность, порядочность.

К творческому портрету поэта-горлана Владимира Высоцкого добавлю только личное впечатление. Он обладал феноменальной способностью воздействовать на окружающих, подчиняя их сознание, мысли и чувства своему могучему интеллекту. Натиск на самые чувствительные точки

души и сознания — эмоциональная основа его песен, завораживающе привлекательных своей искренностью.

Бунтующий голос Владимира Высоцкого, пастельная лирика Булата Окуджавы, острое слово Александра Галича, искренний романтизм Юрия Визбора — это явление одного порядка, имя которому — авторская песня.

Ванналах авторской песни сохранится имя николаевского поэта и барда Вячеслава Качурина. Автор многих поэтических сборников и известных песен, он с гитарой одолел долгие маршруты на земле и море, щедро даря своё творчество — поющую поэзию.

Мы с Вячеславом дружим. Без зависти следим за успехами друг друга. Авторская песня — это не змеиное гнездо шоу-бизнеса с его жёсткой, грязной конкуренцией. На

*С председателем Николаевского
отделения Союза писателей
Украины поэтом
Вячеславом Качуриным*

бардовском поприще места под солнцем хватит всем. Наверное, со стороны интересно наблюдать, как Иванов и Качурин, уединившись, перешёптываются. Поверьте, мы говорим не о «своём высоком призвании в поэзии». Мы делимся впечатлениями и... анекдотами. Тем самым подзаряжая друг друга оптимизмом.

Ночется верить, что в летописи авторской песни найдётся скромное место и для моей фамилии.

...Всё острее в себе замечал я
Будоражащий цокот копыт,
Хоть в крови этот ритм не случаен,
Он от предков ещё не забыт.

Но любви затаённое пламя
Не согрело меня. А потом
Обожгла вдруг далёкая память,
Как щелчок взгорячённым кнутом.

И тогда, оседлав самолёты
И взнуздав, как коней, поезда,
Мчал к тебе, в наши юные годы...
Виноват я.

Прости.

Опоздал.

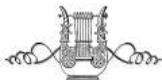

Журналистика

Это замечал, наверное, каждый. Вроде и мысль продумана, и устно её выразить можешь, а пробуешь записать — зависает перо над бумагой. Не идёт изложение. Это вопрос логики, лексики и элементарной грамотности. Пишут студенты и школьники сочинения — две страницы за два часа. Коряво, ещё и с ошибками. Может, не грамотны. А может, не каждому дано работать со словом? А прозаику, поэту, журналисту это доступно. Высокая образованность, широкий кругозор, особый талант. Таких людей нельзя не уважать.

В нашей редакции районной газеты (пос. Ольшанка) журналисты были как на подбор — пишущие, оригинальные, контактные. Во всех журналистских конкурсах — первые. Я тоже хотел выразить себя в журналистике, а заодно газете помочь. Вел культурологические рубрики. Например, «Пісні, обпалені полум'ям», «Співуча Україна» и др., писал статьи, очерки, рецензии.

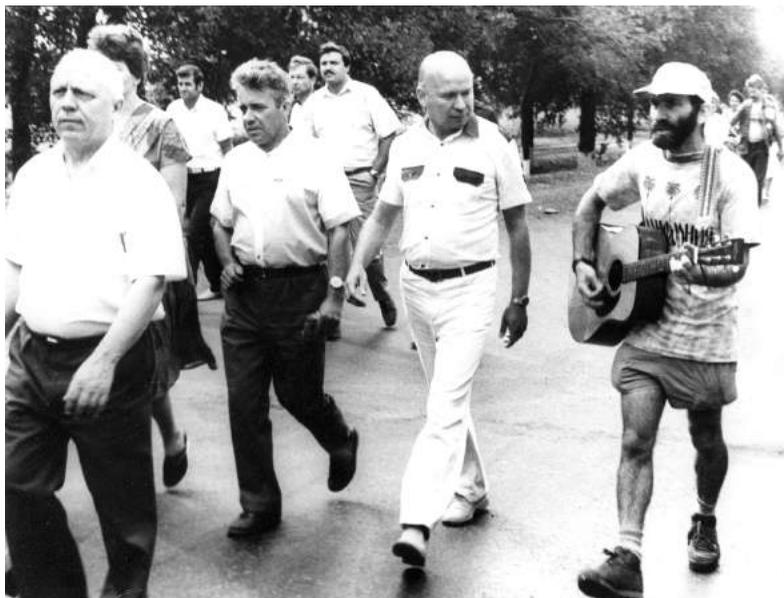
Летом (благо у учителей отпуск длинный) меня зачислили в штат газеты корреспондентом. Я гонял на УАЗике по колхозным полям. Общался с простыми людьми, впитывал их незатейливые житейские истории. На жатве сидел в кабине комбайна рядом с измученным недосыпаниями комбайнером. Выслушивал его и донимал вопросами.

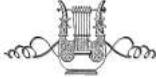
А вечером, как и он, с трудом смывал въевшуюся пыль и прилипшие остюки с зудящего тела. Потом сиделся писать очерк, пытаюсь живым словом отблагодарить этого комбайнера за тяжёлый, но благородный труд.

Нередко можно было увидеть на страницах республиканских и областных газет публикации, подписанные А.Иванов или К.Музыченко (мой журналистский псевдоним). Однажды моя статья промелькнула даже в элитной «Литературной газете», и это событие стало общим праздником для всех журналистов маленькой районной газеты. Здесь, среди друзей-журналистов, я стал лауреатом журналистской премии им. Л.Крохмального и членом Союза журналистов.

*Д*вижущей силой всех журналистских начинаний был редактор газеты Виктор Васильевич Вовченко. Благодаря ему незаметная районная газета дважды побеждала

*На марш-параде с американцами.
Крайний слева – Виктор Вовченко*

во Всесоюзных конкурсах городских и районных газет и становилась лауреатом премии им. М.Ульяновой, что само по себе уникально.

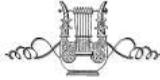
Помню, накануне шестидесятой годовщины, как тогда говорили, Великого Октября мы отправили письма всем руководителям социалистических стран (в том числе и Л.И. Брежневу) с просьбой ответить на один вопрос: *«Какое значение имеет для Вас лично и для Вашей страны Великая Октябрьская социалистическая революция?»*. И нам ответили! Эрик Хонеккер, Фидель Кастро, Густав Гусак, Юмжагийн Цеденбал...

Вы представляете? Материалы такого уровня в районной газете! Нас не просто хвалили, а превозносили за журналистскую находчивость, за свежий взгляд и пр.

Пока по всем ступенькам партийной лестницы не прокатилось возмущённое письмо из секретариата Брежнева. Мол, как смеет какая-то там районная газета тревожить дорогого Леонида Ильича своими глупыми вопросами. Объяснительные записки писали все. Редактор газеты, секретарь райкома партии, секретарь обкома партии, затем секретарь Компартии Украины, — и в Москву! Да уж, времена...

*Н*о мы были молоды и оптимистичны. Каждый день редакционной жизни (от суматохи утром — «Де фото на першу сторінку?» до поздних вечерних посиделок за «рюмкой чаю») — это отдельное приключенческое и юмористическое повествование.

Как-то я втайне от друзей отправил в областную газету «Кіровоградська правда» зарисовку одного случая из редакционной жизни. Мой материал поместили в субботнем номере на четвёртой странице. Там, где юмор. Эту газету я торжественно вручил на планёрке главному герою публикации куму Мыколе Солодченко. Как раз к месту — был его день рождения.

Бувальщина

ШТАНИ

Літнім ранком 197... року я вийшов із дому у новеньких штанях ще небаченого у наших краях фасону – ковбойських джинсах. Чорні і лискучі, з китицями і металевими заклепками, вони щільно обтягували стегна і збігали донизу широченними «колоколами». На сідницях були витаврувані два леви, які у такт ходьби розмахували лапами, наче у смертельному двобої.

Чимчикував я у редакцію газети на оглядини. Насамперед, до Миколи Солодченка, великого знавця різного роду дивацтв.

Миколу Сергійовича, який завжди носив коротенькі «дудочки», заморські штани вразили до оторопіння. Він довго оглядав мене з усіх боків і зробив такий висновок:

– *Цікавуці штани, ти кажеш, джинси називаються?*
– І з жалем додав: – *Але на мене, мабуть, довгуваті будуть.*

У мене миттєво виникла задумка веселої витівки, тому я солідно заперечив:

– *Нічого не довгуваті, ходімо поміряєш.*

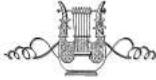
Після довгих вмовлянь він таки натягнув у фотолабораторії мої джинси. Вони йому були таки добре задовгі, але я, наскільки міг серйозно, пояснив, що зараз мода така – щоб аж по землі волочилися.

Тоді я і викинув козирного туза:

– *Миколо, побудь до перерви у моїх джинсах, а в обід я поставлю тобі пляшку коньяку.*

Аргумент мій був дуже сильним, і під тиском редакційного оточення, відомих любителів дармової випивки, Солодченко здався.

...Коли він вперше пробіг по коридору і вскочив у цех друкарні у цих неймовірних джинсах і вишитій сорочці, дів-

чата підняли веселий гвалт, а Микола Сергійович, наче нічого не сталося, бурчав:

– *Що за люди, наче штанів не бачили.*

Надалі Солодченко вже не виходив із кабінету, ховаючи ноги під письмовим столом. Але всі до нього забігали, начебто у справах, заглядали під стіл, а він хвищав ногами.

Раптом, у відсутності редактора, його викликали в райком. Він довго пояснював по телефону, що не може, що ледве ходить, бо хвора нога, але з обіду прискакає на одній. Але справа була, мабуть, дуже нагальна, бо вже через площу у редакцію біг інструктор райкому. Як у пастці, Солодченко бігав по кабінету, благав віддати його рідні штани, а під кінець не придумав нічого кращого, ніж підперти зсередини двері ногою.

Інструктор здивовано штовхався у двері, з кожним разом все вище повторюючи:

– *Ну, що за жарти, Миколо Сергійовичу!*

Коли вже дійшов до вереску, Микола відступив... Мабуть, Солодченко на все життя запам'ятав тираду оторопілого інструктора про антипартійні штани.

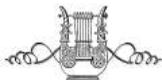
...Поступово напруга спадала, Микола Сергійович охоче виходив на перекур, ділився з хлопцями враженнями про «штани з-за бугра», мовляв, скільки на них таких гарних необов'язкових речей. От, наприклад, оцей повзунець на ширінці – і придумують же таке!

Через годину він вже сам заходив до дівчат з питанням, чи бачили вони диво-штани, невдоволено додаючи:

– *Ну, то заходьте до мене та гарно роздивіться. Що за люди такі, нічого їх не цікавить?!*

Я почав хвилюватись – моя витівка приймала непередбачений виверт.

Так і вийшло. Після чарки-другої в обід Солодченко навідріз відмовився віддати мені джинси:

– Тепер думай про вечерю, Сашко, – весело казав він,
– побачимо по настрою.

А мій настрій геть упав: що, як доведеться йти додому у чужих штанях?

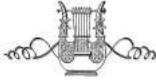
*Олександр ІВАНОВ,
автор невдалого жарту*

В Николаеве я тоже стремился сделать всё возможное, чтобы стать своим в журналистском сообществе. За мой десятилетний «николаевский стаж» на страницах газет и журналов, в эфире теле- и радиоканалов Николаева появилось множество материалов о Николаевском филиале КНУКиИ, который я возглавляю, о моей общественной и творческой деятельности.

Лично знаю ведущих работников масс-медиа и, пользуясь возможностью, заявляю о своём уважении к ним. Со стороны журналистов я тоже чувствую доброе отношение ко мне и очень этим дорожу. Не могу воздержаться от соблазна опубликовать поздравление журналистов «Рідного Прибужжя» к моему дню рождения.

ЗОРЯНА ДОРОГА

У світлий день маестро Іванова
Злітає із платана жовтий лист...
А світ почався з музики і слова,
Тому в серцях Вівальді, Моцарт, Ліст,
І ми над «Іліадою» Гомера
У вічності шукаємо основ...
Але сьогодні зовсім інша ера,
Тому, бува, в зажурі Іванов.
О, він чекав божественного звуку,
А не тусовок, рейваху невдах,
Щоб Аполлон свою граційну руку
Над лютнею возводив, нам на страх.

Аби співали мудрі, а не хитрі,
Талант дивився вічності в очу.
Погляньте: скресли ноти на пюпітрі,
Це пісня, Олександрє Кузьмичу!
Вона іде на Ваші іменини,
А Вашим літам забуває лік.
Трояндові спадають пелюстинки
На хліб і сіль, на вишитий рушник.
Мелодія маестро Іванова,
І ніжні ці окрилені слова.
І цілий світ друкованого слова,
І правда часу, як і ми, жива.
І десь дорога зоряна не сходжена,
І там синкопи зоряні сліди.
Бог Аполлон із Вами:
— З днем народження!
Веди нас в безмір музики, веди!
А там то ораторії, то меси,
І зала, переповнена ущерть.
І віриться, що навіть із Одеси
Прийдуть до Іванова на концерт!

P.S. Ви будете стояти, горді й дужі, —
Гітара, пісня і книжок стелаж.
А ми про все у «Рідному Прибужжі»
Напишемо святковий репортаж!

* * *

Тод 1985. Меня пригласили в творческую группу агитпоезда «Комсомолец Украины», который выехал «взбодрить жизнь» в Луганской области. В вагонах этого литерного состава были конференц-зал, музей оружия, выставка голографических картин, дискотека, несколько вагонов для экипажа поезда.

Мы останавливались у вокзала города или посёлка, и целыми днями нас возили на творческие встречи. Я выступал с гитарой в основном на шахтах перед спуском горняков в забой.

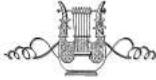
Везде просился: «Покажите шахту, никогда не видел», — и везде отказ, техника безопасности, мол. И вдруг на шахте им. Г.Капустина, названной в честь первооткрывателя угольных залежей на Донбассе, получаю добро. Мне дали в сопровождение горноспасателя, молодого парня. Снарядили — роба, каска с фонарём, самоспасатель, — всё как положено.

Спустились вглубь на 200 метров, потом вдоль тоннеля на вагонетке километра два, туда — к шахтёрам. А сверху и ниже нас десятки таких же горизонтальных выработок. И везде люди работают, дают уголёк. Так вот как он достаётся!

Одна самая небольшая шахта протяжённостью больше киевского метро. Да и сравнивать нечего, там мрамор и море света. А здесь глубина невообразимая и тьма кромешная. Только и света, что из фонаря на каске. А таких шахт десятки и сотни, вся земля изрыта, сверху ничего не растёт. Пейзаж — одни терриконы.

А вечером собирается у агитпоезда молодёжь. Те, кому завтра в забой — и на дискотеку. В мигающих огнях, как при фотовспышке, на миг проявляются фигуры в неестественных позах, раскачивается вагон под песню В.Леонтьева: «Все бегут, бегут, бегут, а он им светит...». А мне всё представляется тусклая лампочка на голове шахтёра в адовом подземелье.

...Я представить не мог такое,
Я сквозь миф и реальность лез.
Первомайск, Лисичанск, Кременное —
Терриконы встают до небес...

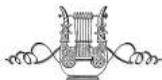
В своей автобиографии юморист Бронислав Нушич писал (привожу не дословно): «*Человек, который всю жизнь жалуется и плачет, за слезами ничего не видит. Человек, который несёт тяжёлую ношу, видит только землю. И только тот, кто идёт с высоко поднятой головой и с широко открытыми глазами, видит настоящую жизнь*».

Я всегда старался быть в гуще событий и всё увиденное и услышанное тщательно сохранял в своей памяти. А потом все впечатления, причудливым образом трансформируясь и обобщаясь, отражались в стихах и песнях. Очень точное определение этому процессу дал бельгийский поэт Э.Верхарн: «*Поэзию следует искать не в сочетании слов, но в атмосфере, которую создают эти сочетания*».

В стихах я не писал конкретно о том пожилом комбайнере, с которым познакомился на колхозном поле под селом Дорожинка. И не писал напрямую о молодом горноспасателе, который спешно выводил меня из задымленной шахты. Он затолкал меня в клеть — и наверх, к воздуху. А сам остался внизу. Вечером он не пришёл, как мы договаривались, к нашему агитпоезду, и я волновался. Но обошлось. Всего-то три дня в больнице с отравлением угарным газом. По шахтёрским меркам и пострадавшим не считается.

*В*сё же все мои стихи и песни *о них и для них*. И со сцены я пою *от их имени*.

...Я, конечно, не зря выбираю
Тот сюжет, что волнует всегда, —
Как мгновенья минуты рождают,
А из дней вырастают года,
Как за юностью следует зрелость
И пора урожай собирать:
То законов земных неизбежность,
И не вправе мы их изменять.

Послушай небо в слепую полночь,
Там позывные твоей судьбы,
И звук над миром – рассветом полнясь,
И вечность жизни, и зов мольбы.

Малышу школа лучше, чем садик,
До усов дорасти бы юнцу...
Почему седине мы не рады,
Даже если она нам к лицу?
Почему мы спешить согласны
И не можем себя унять?
Потому что мы жизни подвластны
И не в правилах ей изменять.

Хоть прожитое зримо сегодня,
Счет годам прошлым нужен едва ль.
Что с того? Пусть их будет и сотня,
Но никто чтоб нам сто не давал.
Чтобы сердце стучало тревожно,
Если жизнь спросит новый урок –
Забывать нам о возрасте можно,
Это, в сущности, маленький срок.

Послушай небо в слепую полночь,
Там позывные твоей судьбы,
И звук над миром – рассветом полнясь,
И вечность жизни, и зов мольбы.

Бело – совсем не периферия

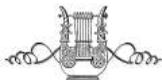
В 1970 году я опять стоял на пороге выбора. По окончании музыкального училища предстояло определиться с местом работы. Одно из предложений было весьма заманчивым – работа музыкантом оркестра в Заслуженном танцевальном ансамбле «Ятрань».

Этот коллектив после киевского танцевального ансамбля П.Вирского был вторым в Украине. Хорошая зарплата, зарубежные гастролы – это привлекало. Но нужно было срочно осваивать новый для себя музыкальный инструмент – бандуру. И играть в оркестре именно на ней. Мне, уже подготовленному баянисту и гитаристу, этого не хотелось. Да и надежда получить квартиру была призрачной.

В управлении культуры мне предложили работу директора музыкальной школы в одном из четырёх райцентров области – на выбор. Наиболее привлекательным мне показался посёлок Ольшанка, районный центр на южной окраине Кировоградской обл.

Он был основан в 1774 году, когда императрица Екатерина II своим указом позволила селиться в нижнем течении реки Синюхи болгарам, бежавшим из-под турецкого ига. Сейчас это район многонациональный, но болгарские культурные традиции сохранились и сегодня. Как музыкант я впоследствии с интересом изучал самобытный болгарский мелос и ритмы.

После беседы с руководством района я интуитивно почувствовал, что на этих людей можно положиться. И не ошибся.

Сначала для музыкальной школы было выделено старое здание бывшей земской управы. Через несколько лет мы перешли в более просторное помещение. Главное, началось строительство новой музыкальной школы по типовому проекту, первой в Кировоградской области. Мы видели, с какой настойчивостью руководство района решает этот очень непростой вопрос — утверждение проекта, включение в план строительства, финансирование и т.д.

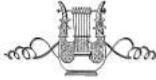

*На сцене вокальный квартет,
1976 год*

Со своей стороны, мы старались быть полезными в культурной жизни района. Участие в областных и районных конкурсах художественной самодеятельности, в многочисленных концертах укрепляло наш авторитет и значимость. В итоге музыкальная школа (впоследствии школа искусств) заняла ключевое место в духовном развитии региона.

Спустя год с начала нашей работы на сцену впервые вышел детский ансамбль баянистов. В следующем учебном году мы создали оркестр народных инструментов. Ещё через два зазвучал духовой оркестр — значительное событие для райцентра.

Силами преподавателей были созданы трио баянистов и ансамбль народной музыки, ставшие неизменными победителями районных и областных фестивалей. Кроме этого,

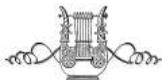
Оркестр народных инструментов музыкальной школы, 1974 год

преподаватели и учащиеся школы были основой всех районных коллективов художественной самодеятельности — народного хора, оркестров, танцевальных ансамблей, театральных коллективов. Мы стали деятельным, полезным, даже незаменимым культурно-просветительным учреждением.

Я руководил небольшим, но весьма неплохим эстрадным ансамблем. Мы играли джазовые композиции в стиле диксиленд, вокально-инструментальную и народную музыку. Репертуар был подобран на все случаи жизни. И диапазон нашей работы был весьма широк — от джазовых фестивалей до обслуживания свадеб.

Кстати, по болгарскому обычаю, на свадьбе должен обязательно играть приличный оркестр. Мы были востребованы, и наша свадебная деятельность была расписана на месяцы вперёд. Были случаи, когда изменяли дату проведения свадьбы с тем, чтобы играли именно мы.

Кто-то может подумать, что это так, развлечение да зарабатывание денег. Отнюдь. За эту работу, действительно, неплохо платили, но работать надо было на износ. Во-первых, музыка должна звучать два дня с утра до ночи. Во-вторых, уметь играть всё, что попросят гости. Приходилось много

Наш ансамбль, 1974 год

репетировать, чтобы пополнить репертуар новыми песнями. А какой объём музыкального материала нужно знать и быть готовым исполнить — это неисчислимо.

В 1976 году состоялось долгожданное и значимое событие — открытие новой музыкальной школы. Двухэтажное здание современной архитектуры с концерт-

Урок по классу гитары

ным залом и просторными аудиториями. В классах — всё необходимое: музыкальные инструменты, технические средства, новая мебель. На сцене два рояля. Когда мы их выгружали, весь посёлок собрался, и каждый хотел помочь. Теперь была возможность расширить и углубить учебно-воспитательную и творческую работу с детьми.

К 1978 году наша музыкальная школа уже имела отделы фортепиано, баяна и аккордеона, духовых и струнных инструментов.

Она стала многопрофильным музыкальным учебным заведением, способным удовлетворить любые запросы желающих обучаться музыке.

Стала очевидной необходимость реорганизации музыкальной школы в школу искусств. Моя инициатива была поддержана. Так у нас появилось сначала отделение живописи, а впоследствии – хореографическое и театральное отделения.

Конечно, всё было не так просто и не так быстро, как в моей скорописи. Мы создавали первую на Кировоградщине школу искусств. Многие организационные и учебно-методические вопросы приходилось решать самостоятельно, как говорится, на свой страх и риск. Комиссии и проверки были постоянными (но нежелательными) спутниками нашей новаторской работы. Но все преподаватели были людьми сплочёнными, стойкими и преданными своему делу. А главное, у нас был *результат*, который, как ни старайся, не перечеркнёшь.

Лауреат Всеукраинских конкурсов трио баянистов
Ольшанской школы искусств, 1979 год

Со временем нашим опытом стали интересоваться другие школы области и Украины. Подключилась пресса. В конце концов, давление на нас ослабело. Неожиданно появилось «мнение», что мы идём по правильному пути. Наша школа была признана в области базовой по внедрению передового опыта эстетического воспитания.

Можно было бы успокоиться, почить на лаврах да опытом делиться. Гости если не каждый день, то через день, точно. Но, как говорил поэт, — «*Покой нам только снится*».

В 1979 году я познакомился с доктором философских наук профессором Владимиром Александровичем Разумным. Дело было в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ), где был представлен новаторский опыт работы Ольшанской школы искусств Кировоградской обл. Наш опыт.

В.А.Разумный — создатель новой концепции эстетического воспитания школьников. Для её реализации он искал по всему Союзу единомышленников и последователей, которые согласились бы в порядке эксперимента испробовать на практике его идеи.

Вкратце суть эксперимента такова: все учащиеся младших классов общеобразовательной школы (подчёркиваю — все) как первоначальный этап должны познать азы творческой деятельности в музыке, живописи, в хореографическом и театральном видах искусства.

Для этого создаются Центры эстетического воспитания, где для каждого школьного класса (весь класс) проводятся творческие занятия под руководством опытных преподавателей. Например: 1-Б класс: *понедельник* — Музыка — 2 часа; *вторник* — Хореография — 2 часа; *среда* — Театральная подготовка — 2 часа; *четверг* — Изобразительное творчество — 2 часа.

В конце учебного года каждый класс в полном составе выходит на сцену и показывает музыкальный спектакль по мотивам сказок или произведений детских писателей.

Как результат, обыкновенный класс общеобразовательной школы становится самостоятельным творческим коллективом, где *каждый* школьник умеет петь, танцевать, играть роль или нарисовать эскиз театральной декорации.

Педагогическая цель: сплотить классный коллектив на решение единой творческой задачи (подготовка музыкального спектакля). Это в конечном счёте будет способствовать активизации творческого мышления, улучшению дисциплины и успеваемости.

После всестороннего обучения в Центре эстетического воспитания школьник, определив свои творческие склонности и предпочтения, продолжает эстетическое совершенствование в школе искусств по избранной им самой специальности.

Идеи В.А.Разумного оказались мне близкими. Я давно задумывался над тем, что в школе искусств обучается только небольшая часть детей, а остальные оказываются вне зоны эстетического воспитания.

Мы согласились провести эксперимент на базе нашей школы искусств. Не буду вас утомлять излишними подробностями, но было очень сложно. Организационные, финансовые и учебно-методические проблемы казались просто неразрешимыми. Но, к чести областных и районных руководителей, мы получили поддержку и «зелёный свет», а собственно сама работа нас не пугала.

По окончании первого учебного года на базе Центра эстетического воспитания был проведен областной семинар. В Ольшанку съехались все руководители районов области, заведующие отделами культуры и образования, директора учебных заведений и т.д.

Организацию семинара взяла на себя заместитель председателя облисполкома Евгения Михайловна Чабаненко. Низкий ей поклон за всё, что она сделала для признания нашей работы. Впоследствии она на каждом областном совещании с присущей ей эмоциональностью говорила:

— Ви не можете створити Центр естетичного виховання? А у Вільшанці змогли. Розумієте, у Вільшанці, де навіть залізниця немає!

Да, в Ольшанке нет железной дороги. Зато были нормальные руководители, были мы, педагоги-подвижники, которые хотели одного — хорошо делать свою работу и стремиться к максимуму.

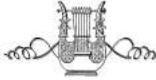
Семинар же мы провели более чем достойно. Особенно его практическую часть — Праздник искусств Центра эстетического воспитания школьников. Я не преувеличиваю — выступления детей произвели на гостей ошеломляющее впечатление. Особенно понравился спектакль силами учащихся 1-Б класса по мотивам сказки «Про соломяного бичка».

В инсценировке, которую разрабатывали педагоги и дети, эта сказка обрела новый драматургический сюжет. Удачными были в ней хоровые и танцевальные номера, декорации, костюмы.

Роли дети распределили сами. Особенно запомнились в своих ролях Дед, Баба, Соломенный бычок и другие персонажи. Но изюминкой спектакля стали диалоги, песни и танцы охотников. На протяжении всего спектакля охотники безуспешно охотятся на зверей, а в финале вместе со всеми действующими лицами празднуют примирение и взаимопонимание.

Ребята класса (часто непослушные и неуправляемые) с удовольствием согласились исполнять роли охотников. Во время репетиций они остроумно импровизировали и проявили немало выдумки, подбирая себе одежду и снаряжение. Все роли ребята воплощали в сценические образы с естественным артистизмом, присущим только детям.

Когда в финале спектакля дети пели и танцевали заключительную сцену, шли сплошные овации. В конце все гости неожиданно встали, прочувственно глядя на сцену. И в этом была самая высокая зрительская оценка выступления детей.

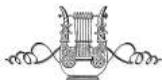
После спектакля разгорячённые и взволнованные маленькие артисты непринуждённо общались со зрителями. В их поведении произошла удивительная метаморфоза. Они уже не были забитыми сельскими детьми. Смело смотрят собеседнику в глаза. Речь уверенная. Со взрослыми разговаривают на равных, с чувством собственного достоинства. Дети ощутили себя *личностями!*

В газетах прошла волна публикаций о нашей школе. На экраны телевизоров вышел хороший телефильм. Все наши оппоненты и критики вдруг нас «зауважали» и полюбили. Наша школа стала гордостью области и района. Мы стали уважаемы и почитаемы.

Неожиданная и приятная новость. К нам едет Центральное телевидение из Москвы снимать фильм о Центре эстетического воспитания. Конечно, прибывших гостей мы окружили заботой и вниманием. Наши земляки всегда отличались гостеприимством.

Режиссёром съёмок была Нинель Дмитриевна Егорычева, лауреат кинематографической премии им. братьев Васильевых, известный кинодокументалист. Заранее подготовленного сценарного плана не было. Да и понятно – режиссёр не могла знать тонкостей нашей работы. Поэтому несколько дней они просто снимали то, что им казалось интересным и важным, – фрагменты спектаклей и уроков, беседы с родителями и учениками, местные пейзажи и сам посёлок.

В один из дней я проводил в концертном зале школы искусств свой авторский концерт для участников какого-то семинара и пригласил на него наших гостей из Москвы. Сказать, что им понравилось, – это всё равно что ничего не сказать. Простите за нескромность, но они возвели меня в ранг лучших бардов всех времён и народов. Но я понимал, что их в большей степени удивил сам факт встречи с автором-исполнителем в глухой провинции.

Нинель Егорычева стала буквально требовать от меня:
– *Напишите для фильма песню. О любви к искусству. О музыке. Да что Вам говорить, сами знаете о чём...*

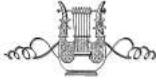
Я для вида отнекивался, а в голове уже рифмовал строки. На следующий день я ей спел песню «Посвящение оркестру».

Душа созрела для полёта,
И миг счастливый не забыть –
Когда из тысячи мелодий
Моя любимая взлетит.
И понесёт на чудо-крыльях
К тем, кто в оркестр навек влюблён,
Как будто новый мир открыли
И стал неповторимым он...

Царят в том мире вдохновенье,
Надежда, вера и любовь,
И к возрасту здесь нет почтения,
Здесь каждый молодеет вновь.
Игре волшебной поклоняясь,
Как исповеди на духу,
Здесь музыка с души снимает
Рассудочности шелуху.

Вот все сольются воедино
Под дирижёра мудрый взмах –
И чувства разум победили,
И пульт ромашками запах.
Как ветер, трепет пронесётся,
Волненье всколыхнёт до дна –
Баян то плачет, то смеётся,
И сердцу в такт дрожит струна.

Пусть инструменты, словно в гамме,
Ведут мелодию одну –
Они поют сегодня с нами
Про нашей юности весну.

И тех времён припомнив тосты,
Как прежде, всем друзьям желал,
Чтобы всегда вот так вот просто
Оркестр людей за душу брал.

Прослушав песню, Нинель Дмитриевна произнесла очень важную фразу:

– *Я всю Вашу песню включу в фильм.*

Объясню, почему я эту фразу назвал важной. Фильм снимался по схеме один к пяти. То есть из пятидесяти метров отснятого материала в фильм будет отобрано только десять. Поэтому режиссёр никогда не говорила о том, какие кадры обязательно войдут в фильм.

И вот мы приступили к съёмкам эпизода с моей песней. Нинель Дмитриевна выстроила мизансцену так: я сижу в концертном зале в окружении своих коллег. Творческую задачу она охарактеризовала коротко и не без юмора:

– *Делайте вид, что вы якобы для них поёте. А вы все делайте вид, что якобы его слушаете.*

Но один вопрос оставался для меня нерешённым. По своей творческой привычке я написал к песне стихотворный эпиграф. Как быть с ним?

Уже когда включили свет, настроили камеру и звук, я, наконец, решился:

– *Нинель Дмитриевна! А стихи перед песней читать?*

Она, улыбаясь, ответила:

– *Читайте, читайте! Я их всё равно вырежу.*

Расставались мы с москвичами, как лучшие друзья. Мы устроили для них посиделки у костра на берегу Синюхи. На закате я на прощание пел им песню:

...Есть в костре и моя хворостинка,
Ярче вспыхни, гори – не сгорай!
Если глаз вдруг коснётся слезинка,
Ты её от друзей не скрывай.

Память всё сохранит, что дороже,
В этом сила волшебная есть –
Все вернёмся домой мы, но всё же
Наше сердце останется здесь...

Спустя некоторое время мне позвонили с Центрального телевидения:

– *Смотрите ваш фильм в передаче «Сельский час».*

В этот день на улицах Ольшанки не было ни души – все у телевизоров. Перед нашим фильмом выступал какой-то учёный и говорил:

– *Мы страна самых богатых в мире чернозёмов, и нам должно быть стыдно закупать хлеб за границей.*

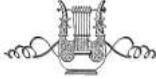
Как он прав! А потом зазвучала украинская песня на фоне наших родных пейзажей. И пошёл фильм. Искренний, душевный и глубокий.

Не много радостей у сельских жителей. Не часто им говорят добрые слова. А тут – просто чувствовалось в ауре посёлка приподнятое настроение. Люди оживились. Обсуждают каждый кадр фильма. Улыбаются, смотрят горделиво. Шутка ли, Москва признала Ольшанку! Значит, мы тоже не лыком шиты. Знай наших! В эти дни я был просто счастлив от сознания того, что не прозябаю здесь, а действительно делаю полезное дело, и все прожитые годы имеют смысл и ценность.

Фильм о нашей школе несколько раз повторяли в эфире и даже показали по Интервидению. Один из моих учеников стал офицером и служил в Германии. Он мне писал:

«...Пришёл со службы, включил телевизор и остолбенел – мою Ольшанку показывают, родные места, знакомых людей и Вас с гитарой! Как мне стало радостно! Будто здесь, в Германии, свежим ветром с Синюхи повеяло. Извините, что давно не писал. Но поверьте, как только беру гитару в руки – Вас вспоминаю. Передайте привет...»

Ваш ученик Володя Маленко

Писем мы получали очень много. И во всех слова благодарности, признания, поддержки. Эти письма я храню до сих пор.

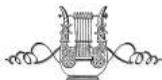
*Т*елеграммой из Москвы нас поздравил профессор В.А.Разумный, научный руководитель нашего эксперимента. Владимир Александрович в нашем Центре эстетического воспитания лично не был, но эпистолярный и телефонный контакт между нами был очень плотным. Я подробно информировал Владимира Александровича о нашей работе, а он использовал эти материалы в своих книгах и статьях, тем самым поддерживая нас.

Приведу некоторые фрагменты из писем Владимира Александровича ко мне:

«...Благодарю за присланные материалы. Передал их основателям государственной программы эстетического воспитания. Позже вышлю Вам свою книгу «Эстетическая деятельность клуба», вышедшую в издательстве «Советская Россия». Летом выходит хорошо иллюстрированная книга для Франции – там пишу о Вашем Центре эстетического воспитания».

«...Рассказал о Вашем опыте в Министерстве культуры СССР. Они очень серьёзно изучают опыт новаторов. Ждите специалистов. В другие регионы, о которых я рассказывал в прессе, творческие группы уже выехали».

«...В ближайшее время выйдут две мои книги: «Методы эстетического воспитания» и «Воспитание политической культуры». Вышлю их Вам – для критики. Сейчас заканчиваю работу над книгой «Система эстетического воспитания в СССР» – для зарубежного читателя. Буду писать об опыте Вашего Центра. И ещё. В ноябрьском номере журнала «Клуб и художественная самодеятель-

ность» выйдет интервью со мной о необходимости государственной комплексной программы эстетического воспитания в СССР. Согласитесь ли Вы высказать своё мнение? Желательно более остро».

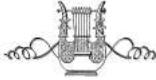
«...Внимательно слежу за Вашими успехами. Они для меня имеют принципиальное значение, потому что я тоже отстаиваю идею вариативного и комплексного эстетического воспитания. У нас так много чудесных педагогов...».

Последние три года пребывания в Ольшанке я работал заведующим отделом культуры райгосадминистрации. Своё детище, Центр эстетического воспитания и школу искусств, я передал в надёжные руки. Благо и опытные преподаватели сохранились, и молодая поросль педагогов из числа наших выпускников крепко стала на ноги.

Для тех, кто забыл, — напомним, для тех, кто не знает, — скажу: девяностые годы — лихие годы. Экономический коллапс в стране больно отразился, в первую очередь, на такой ранимой и незащищённой сфере, как культура. Повсеместно закрывались клубы и библиотеки, тысячи культработников оказались ненужными. Тогда никто не задумывался, что разрушение культурного слоя пагубно скажется на жизнеспособности общества. Подобно тому, как разрушение озонового слоя грозит гибелью всему живому.

Особенно послушные руководители рьяно выполняли главное в те годы указание: *«Привести у відповідність з обсягами фінансування кількісний склад працівників культури»*. Судьбы людей подгоняли под цифру финансирования!

Не могу сказать, что нам удалось без потерь противостоять этому крестовому походу против культуры. Но массового закрытия культпросветучреждений и принудительного увольнения работников культуры мы сумели избежать.

Продолжал стабильно работать Центр эстетического воспитания и школа искусств, как и прежде, демонстрируя высокие творческие результаты. Но теперь эстетическим воспитанием детей были озабочены только сами преподаватели и отчасти родители.

Но я верю – накопленный нами бесценный опыт деятельности Центра эстетического воспитания школьников будет востребован. Моя жена, Иванова В.Л., которая вместе со мной работала в Центре, провела научное исследование и защитила диссертацию по этой проблеме. В 2006 г. Государственная академия руководящих кадров культуры и искусства опубликовала её монографию «Дитячі центри естетичного виховання».

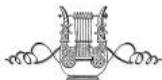
Нашим последователям будет легче. Научные, учебно-методические и организационные вопросы деятельности Центров изучены и проверены на практике. В добрый путь!

* * *

Сегодня, подводя определённый итог прожитого, я могу быть довольным достигнутым в музыке и поэзии, в педагогике и науке. И хотя статус жителя областного центра получил сравнительно недавно, поверьте, я и в «дониколаевский период» своей жизни никогда не комплексовал по поводу того, что живу и тружусь на периферии.

Для меня периферия не синоним какой-то глухомани, а тем более не признак второсортности, а ещё хуже – суррогатности. Для меня столица, центр – не геополитическое понятие. Центр – там, где я живу. Вращаюсь, творю, работаю. Создаю и созидаю.

В подтверждение своих слов приведу убедительный, на мой взгляд, пример из жизни знаменитых украинцев периферии на территории моей родной Кировоградщины. В 1840 году в селе Бешбайрак (ныне – Кропивницкое Ново-

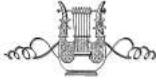

украинского района Кировоградской области) родился выдающийся деятель культуры, известный украинский драматург, режиссёр и актёр Марк Лукич Кропивницкий, основатель первого украинского профессионального театра. Его именем названы Кировоградский украинский музыкально-драматический театр, Николаевская городская центральная библиотека.

Земляком М.Л.Кропивницкого является известный украинский драматург, актёр, режиссёр и театральный деятель Иван Карпович Карпенко-Карый. На Хуторе Надия, вблизи села Николаевка Кировоградской области, прошли последние 20 лет жизни писателя. Здесь частыми гостями были его братья Николай и Панас, Марко Кропивницкий, Мария Заньковецкая, Михаил Старицкий, Анна Затыркевич-Карпинская. Перед отъездом из усадьбы гости высаживали дубы в память о вместе проведённом времени. Выдающийся украинский поэт Максим Рыльский написал стихотворение «Карпові дуби», где назвал эту традицию, как «дар майбутнім, скажемо, літам, привіт іще незнаним поколінням».

В 1956 году в усадьбе И.К.Карпенко-Карого был создан музей-заповедник «Хутір Надія», памятник украинской культуры. Мне посчастливилось бывать здесь. Я прогуливался в долине спокойной речки Камышеватая Сукогня. Там по сей день стоит селянская хата, построенная ещё в 1871 году, а вокруг неё растут яблони, груши, вишни. В глуби усадьбы радует глаз небольшое озеро, а надо всем этим удивительным уголком природы стоят могучие и величавые дубы.

Ежегодно на Хуторе Надия происходит торжественное открытие фестиваля «Театральна осінь». Поклониться этим памятным местам съезжаются видные деятели культуры и искусства. В эти дни Хутор Надия становится центром культурной жизни страны. Звучат речи, стихи, песни. Я то-

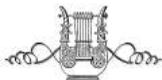
же здесь пел свои песни и вовсе не чувствовал себя человеком с периферии.

Когда я ехал по направлению в пос. Ольшанка Кировоградской обл., то, конечно, не предполагал, что останусь здесь на долгие 28 лет. Думал, за два-три года организую работу музыкальной школы, и – поближе к цивилизации. Всё-таки моя малая родина – г. Александрия. Там отец, братья. Родным считаю и г. Кировоград. Много друзей и знакомых в Киеве. Ольшанка же была незнакомой и непознанной.

Но постепенно я стал прирастать к этой земле, к этим людям. Из года в год я сам искал всё новые причины, чтобы здесь остаться. Моя школа, мои ученики и коллеги, мои друзья, – как они будут без меня? А я без них? Не хотелось оставлять после себя некое невосполнимое пятно.

До сих пор для меня остаётся загадкой, как сумел мой друг, ольшанский поэт Мыкола Солодченко, так точно в стихах выразить то, о чём я сейчас с трудом пишу в прозе.

...Сашка неначе підмінили:
 Занудьгував – не милий світ.
 В Кіровограді говорили,
 Що це з похмілля чи пристріт.
 Сашко ж втомивсь в Кіровограді
 Серед отих людських штовхань,
 Тому й погодився він радо
 Майнути десь у глухомань.
 Диплом одержав – й спозаранку
 Примчав автобусом в Вільшанку,
 Хоч спершу й страшно ще було,
 Та за плечима друг – гітара,
 Синюха розливала чари,
 Болгарське ніжилось село.
 Сашко узявся до роботи,
 Учить дітей, творить пісні,

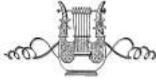
Джмелями загули турботи,
Як в хлібороба навесні.
Він, як спортсмен, високу планку
Бере і нам хвилює кров.
Скажіть, чи знав би хто Вільшанку,
Щоб не приїхав Іванов?
Жили б в намулі ми до смерті,
Щоб не його дзвінки концерти.
Живе він скромно. А проте
Таку гарячу має вдачу!
А півгодинну передачу
Чи хтось забув з нас по ЦТ?

О, нерозлучна оця пара!
У вечори і тихі дні
Дзвенить натруджена гітара
У кабінеті на стіні.
А скільки, рідна, відіграла,
А скільки оплесків зібрала,
І кожен слухать її рад.
Кузьмич – це гордість наша й слава,
Як і Висоцький й Окуджава.
Він наш,
Він наш,
Вільшанський бард!

*Микола СОЛОДЧЕНКО,
співавтор і кум*

Всё-таки, каюсь, одну попытку уехать из Ольшанки я предпринял. В Киеве я познакомился с одним доктором наук. Мы с ним посидели в ресторане, поклялись в вечной дружбе и ударили по рукам – дальше по жизни только вместе.

Через несколько месяцев я поехал к нему в гости и как бы на смотрины. Километрах в пятнадцати от Евпатории, прямо на берегу моря (море – детская мечта!), отстроен новый посёлок. Это, так сказать, социальная база огромного

комплекса по выращиванию кролей. Известно, что кролики – это не только ценный мех... Да вы знаете.

Но наша пресловутая гигантомания! Ума не приложу, как можно додуматься строить комплекс на сто тысяч кроликов в песках, где даже трава не растёт, а ближайшая зелень за тысячу километров? И второе. Какой-то умник решил, что кролей можно выращивать на потоке, как бройлеров. А они пребывать в большой компании себе подобных не любят – дохнут повально.

В посёлке жили академики, доктора наук (среди них мой новый друг), научно решавшие проблемы смертности кроликов. Те проблемы, которые без всякой науки давно понял остарбайтер из Закарпатья, сидящий с сигаркой возле проходной:

– Синок, кріль не може з одного боку їсти, а на інший бік срати. Йому рухатись треба, і срати він буде, де захоче. І срав він на академіків...

Он ещё не раз произнёс своё любимое каркающее слово. Относительно моря и жары, начальства и зарплаты и всего остального. То ли дело в Карпатах. Смереки в небо, трава по пояс, вино в колыбе.

И так я затосковал по речушке в гранитных берегах, по лесам-перелескам, по семье и друзьям!.. Небось, сейчас пьют вино. Только не в колыбе, а у приезжего молдаванина, которого для конспирации мы называли финном. «*Сашко, фін привіз свіженьке вино. Заплануй, о п'ятій ідемо до фіна*». Ах, наивный мой кум Мыкола Солодченко!

Вспомнил эпиграмму, которую я ему написал.

...Солодченко – талантище
І гарні пише до пісень слова.
Він міг би арії писати ще,
Аби на ранок не боліла голова.

А Солодченко в пику мне ответил четверостишием на русском языке.

...Кузьмич встречает Музу осторожно,
Ведь главное здесь – не переборщить.
А вот перешампанить – это можно,
И даже нужно переконьячить.

Я задумался: правильный ли я делаю шаг? Стоит ли ради своей романтической мечты о море перечёркивать прошлое? Наверняка потери будут весомее обретений.

Да, здесь море. И музыкальная школа снаружи хороша. А работать кто будет? Жёны этих кролиководов, ленивые и неуправляемые. И разве важно, что из окна квартиры вид на море? Писать про парус одинокий? Так уже написано. Я наспех собрался и по-английски, не прощаясь, уехал *домой*.

*П*ретья (!) полка в вагоне – поезда забиты – хорошее место для воспоминаний.

...Когда я входил в школу, меня всегда окружали мальчишки. Я весело здоровался с ними и каждому взъерошивал вихри на голове. Однажды, когда все «осчастливленные моим прикосновением» разбежались, предо мной остался один мальчик. Он стоял, наклонив голову, готовый расплакаться.

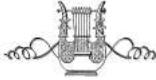
– *Петя, что с тобой? Ну-ну, успокойся. Беги на занятия.*

А слёзы уже в два ручья.

– *Вы ещё не погладили меня по голове....*

Ах, Петя-Петя... Хороший мой, безотцовщина. Если не я, кто тебе потреплет по макушке и подскажет, что пора подстричься?

...На первое занятие по хореографии привели 1-В класс. Преподаватель в растерянности – среди ребят есть мальчик, переболевший детским церебральным параличом. Знаете, ручку носит у груди и ножку волочит. Поставить в танец – нонсенс. Но, с другой стороны, он и так среди ребят изгой. Что – опять его отделить от класса и посадить в углу?

Принимаем решение: пусть изучает танцевальные движения вместе со всеми. Прошел месяц – не узнать нашего Васю. Он и в ребячью компанию принят как равный, и хоровод водит за ручку с девочкой. А главное, просветлел он сам, оживился, воспрянул. А потом мы в спектакле роль для него подобрали. Кота-дворника играл в «Кошкином доме» – и, скажу вам, неплохо играл.

...На сцене выступает 3-А класс. Исполняется массовый украинский танец. Дотошный гость спрашивает меня на ухо:

– *Это действительно выступает весь класс? И никакого отбора лучших вы не делали?*

– *Нет,* – отвечаю.

– *А посмотрите, в первой линии дети действительно танцуют, а вторая линия только на подтанцовке.*

Я хотел ему объяснить, что для танца это свойственно. На первом плане – солирующая группа, на втором – подерживающая. Хотел объяснить, да не успел. Первая линия скользящим движением отошла в глубь сцены, а на её место вышла вторая линия. И в точности изящно повторила все танцевальные движения солирующей группы. Больше гость вопросов не задавал, а охотно аплодировал.

Не хочу хвастаться, но вести полемику с оппонентами я умею.

Оппонент:

– *Мы посмотрели выступление 3-Б класса и обратили внимание на следующие недостатки. Во-первых – оставляет желать лучшего хоровая интонация. Во-вторых – танцевальные движения недостаточно отточены.*

Я:

– *Перед вами выступал обыкновенный класс общеобразовательной школы, который не формировался по требованиям хорового и танцевального коллективов...*

– *И всё же...*

– Хоровым пением каждый класс занимается только два урока в неделю. Хореографией – тоже два урока в неделю.

– И всё же...

– И всё же, – подхватываю я, – все дети поют и танцуют. Повезите меня в любой город или село Украины, в любую школу, в любой 3-Б класс. Я хочу увидеть, как у них с хоровой интонацией и достаточно ли хорошо отточены танцевальные движения.

Немая сцена. Как в «Ревизоре» незабвенного Н.В.Гоголя.

Поезд подошёл к Первомайску. Ещё двадцать пять километров – и я дома. Ура-а-а!

...Зовут далёкие края,
Дороги в никуда...
Ответ – ты знаешь, где твоя
Зовущая звезда?

Ведь часто, главному взамен,
Приходит суета,
И не прощает нам измен
Далёкая звезда.

Пусть жизни срок уходит весь,
Как сквозь песок вода,
Но вечен тот, в чьём сердце есть
Горящая звезда.

Поплавский, каким я его знаю

Самая трудная для меня глава. Придётся писать о человеке, подарившем мне новую жизнь. Научную и творческую. Не обойтись без слов благодарности, которые могут понять превратно. Но разве только мне Поплавский открыл новые горизонты? Даже недоброжелатели признают, что взрастание скромного института культуры до уровня Национального университета культуры и искусств — это целиком и полностью заслуга Поплавского и команды, сформированной им же. А высокий статус вуза открывает новые перспективы и возможности для каждого сотрудника университета.

Вторая трудность для меня заключается в том, что о неординарной личности Поплавского Михаила Михайловича очень много уже написано. Простите великодушно, но мне тоже есть что рассказать.

Зима 1997-98 годов была непривычно холодной. В наших краях — южный регион Кировоградщины — лежали снега. Дороги не расчищались. И жизнь замерла.

В это время началась кампания по выборам депутатов в Верховную Раду Украины. Как обычно, с высоких трибун громко декларировалось, что эти выборы «...будуть найпрозоріші, демократичні і вільні та стануть виявленням мудрості електорату...». Но электорат — это такое — может и оши-

биться. Потому в высоких кабинетах заранее уже просчитали, кто должен стать депутатом. Карусель админресурса за-вертелась.

Был утверждён кандидат от власти и по нашему избира-тельному округу – Ольшанский, Голованевский, Ульянов-ский, Новоархангельский и Добровеличковский районы Кировоградской области. И вдруг как снег на голову реги-стрируется независимый кандидат – Михаил Михайлович Поплавский.

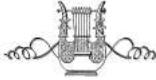
Народ оживился – избирательная кампания обрела ин-тригу и непредсказуемость. А руководству госадминистра-ций дополнительные хлопоты, как зубная боль. Теперь нужно было не только содействовать нужному кандидату, но и противодействовать его оппоненту.

Например, просто скрывать от *мудрого электората* место и время встречи независимого кандидата с избирателями. Или задержать его кортеж на часок-другой по дороге под предлогом милицейской проверки автомобиля. А избирате-ли, не дождавшись кандидата, разойдутся. Причём с обидой на него. На худой конец, можно просто в нужный момент и в нужном месте отключить свет.

Председатель Ольшанской райгосадминистрации Григо-рий Алексеевич Харченко вредить Поплавскому не хотел, но и помогать не мог. Вызывает он меня, заведующего от-делом культуры, и говорит:

– Кузьмич! Поплавский приезжает к нам с артистами. Значит, будем считать его визиты культурной акцией. Вот ты и занимайся организацией его встреч со зрителями. Под-чёркиваю – не с избирателями, а со зрителями. Дома культу-ры в твоём подчинении. Люди есть. Действуй. А в случае чего я тебя прикрою.

Так я стал незримой тенью Поплавского в Оль-шанском районе. Не нужно рассказывать, как быстро Михаил Михайлович умеет расположить человека к

себе. Я тоже легко и, главное, охотно подчинился его влиянию, стараясь помогать ему во всём.

Поплавский побывал во всех сёлах нашего района. И не единожды. На встречах с избирателями был прост, искренен, и это подкупало. О непростых проблемах села он говорил честно, правдиво и со знанием дела, — ведь сам человек от земли. Его же соперник избрал тактику обещаний. Мол, расцвет села точно совпадёт с датой его избрания в народные депутаты.

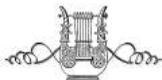
Но главным козырем Поплавского была свита. Его всегда сопровождали самые известные киевские артисты. Вы только представьте: в селе на сцене, как говорится, на расстоянии вытянутой руки — Ирина Билык, Верка Сердючка, Богдан Бенюк, Виктор Павлик, супруги Белоножко, популярнейшая тогда «Аква Вита»... Я просто не могу перечислить всех и за это прошу прощения. Разумеется, такого у нас никогда не было и, к сожалению, уже не будет.

Прошло больше десяти лет, а люди всё ещё помнят те незабываемые минуты, когда имели возможность не только послушать со сцены, но и пожать руку столичной знаменитости, получить автограф и просто поговорить.

Я с интересом постигал Поплавского. Но, как оказалось, и он присматривался ко мне. Наверное, его чем-то удивлял этот сельский абориген со званием заслуженного работника культуры Украины, который носитя со своими книгами, песнями и гитарой. Как-то Поплавский вскользь сказал:

— Вот закончим с этими... та-та-та... выборами, и я подумаю о тебе.

С выборами всё шло нормально. Мои сотрудники докладывали (а кто лучше культработника знает настроение людей?), что большинство за Поплавского. Но на подсчёте голосов нас, наивных, «конкретно кинули». Я не хотел верить и сегодня не верю в наше поражение.

К чести Поплавского, он результаты выборов не оспаривал. Он знал, с какой удивительной оперативностью бюллетени были вывезены с участков в территориальные комиссии, потом в окружные и далее, где их след терялся окончательно. Действительно, доказать что-либо было невозможно.

Я очень переживал неудачу на выборах, считая себя виноватым перед Михаилом Михайловичем. Хотя, как я сейчас понимаю, упрекать себя было не за что.

Прошло несколько месяцев. Неожиданный ночной звонок:

– *Это Поплавский. Предлагаю Вам должность заместителя директора по учебно-воспитательной работе Николаевского филиала нашего университета. Думайте.*

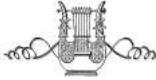
А подумать было о чём. Предстояло поменять хорошее старое на неизвестное новое. Но не мог себе представить, как я скажу Михаилу Михайловичу – «Нет». Вот и сказал твёрдое – «Да!»

Теперь я знаю о Михаиле Михайловиче Поплавском неизмеримо больше, хотя и сегодня он для меня остаётся загадкой.

Удивительно уже то, что простой сельский парень, не имея высоких покровителей и полагаясь только на себя, сумел защитить две диссертации и стать доктором наук. А потом – ректором института культуры.

Это в Киеве, где всё схвачено, поделено и продано. В футболе бывает так: вратарь готов отразить самый хитроумный удар, а мяч неожиданно проскакивает у него между ног. Остаётся только делать хорошую мину при плохой игре: *«Ладно уж. Пусть Поплавский потешится ректорством, а потом будет видно».*

Для другого доктора наук и ректора эти перипетии могли бы стать главным и единственным успехом в жизни. Но Поплавский как бывший студент, утомлённый научным коммунизмом и марксистско-ленинской эстетикой, уже

разработал свою стратегию развития вуза и тут же приступил к её реализации. Этому ему не простили. Как следствие — увольнение.

Эпопея с восстановлением в должности ректора тоже весьма показательна. В поддержку ректора выступили студенты. Сегодня стало привычным, что молодёжь с плакатами участвует в нескончаемых политических дразгах. Но тогда протестная акция студентов имела совсем другое значение и не могла остаться незамеченной.

Вторая составляющая победы Поплавского — его история с помощью средств массовой информации обрела широкий общественный резонанс. Впервые был поставлен вопрос, как говорится, ребром. Защищено ли право гражданина на труд нашим трудовым законодательством? И, вообще, является ли Украина правовым государством?

Я думаю, что удовлетворение судами исков Поплавского — это юридический прецедент, весьма поучительный для нашей Фемиды.

С именем Поплавского справедливо связывают стремительный взлёт Киевского национального университета культуры и искусств. Не исключаю, что процесс развития и становления нашего университета в своё время станет темой научного исследования, где ключевыми словами будут: Поплавский — стратегия — Национальный университет культуры и искусств.

При всей очевидности того, что культура — это не только клубы и библиотеки, каждую пядь образовательного пространства Поплавскому пришлось отвоевывать.

Я помню, как при аккредитации для Николаевского филиала специальности «Менеджмент социально-культурной сферы» мне довелось визировать документы в Киевском экономическом институте менеджмента. Высокие и рядовые чины, считающие себя монополистами в царстве ме-

неджмента, не стеснялись в комментариях: «*Какой может быть менеджмент в университете культуры?*». И далее: «*Поплавскому? Не отдадим!*».

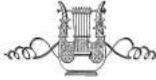
Даже когда Поплавский брался за освоение «целины» — нового, никем не занятого поля, — это встречало жёсткое противодействие. Организация Академии парикмахерского мастерства вызвала не только бурное *обсуждение*, но и бурное *осуждение*. Этим «знатокам культуры», наверное, не дано знать, что во всём мире дизайн причёски давно признан одним из направлений искусства и необходимость подготовки специалистов этого профиля в Украине была более чем очевидна.

Но, как говорится, собака лает, а караван идёт. Бесспорно, в основе больших и малых побед университета культуры и искусств — безошибочная стратегия Поплавского и его отменные бойцовские качества.

***Александр Иванов —
Михаилу Поплавскому***

...Друзья, давайте в кои веки,
не оставляя на потом,
о настоящем человеке
мы речь сегодня поведём.
А время хоть проходит быстро,
нам навсегда дано сберечь,
как Вы дарили божьи искры
неповторимых наших встреч.

Простых дорог не выбирали,
пусть будет много их ещё.
И сколько раз мы опирались
на Ваше верное плечо!
Все сокровенные надежды
Вам доверяли, как себе.
Вы дружбу множите, как прежде,
на верность собственной судьбе.

Привыкли жить Вы на пределе,
не замечая грань едва...
Ну почему, на самом деле,
Вам не считают год за два?
Но будет добрым то примером,
когда в возвышенной тиши
Вы закаляли нашу веру
в большом огне своей души.

Пока не гаснет в сердце пламя,
любые ветры нипочём.
Храним мы прошлое как память,
а больше – будущее ждём.
Друзья, давайте в кои веки
речь откровенно поведём
о настоящем человеке,
с которым рядом мы живём.

Бывают *руководители* от словосочетания «*руками водить*». Для них очень важно изящество руководящих указаний. Они слывут либералами и демократами. С ними работать легко и приятно. Результаты работы не интересуют ни самого руководителя, ни его подчинённых.

Другой тип руководителя – укротитель. Обычно это тупица, которого заботит один вопрос: не забыли ли подчинённые, «*кто в доме хозяин*»? Он с утра до ночи тестирует сотрудников нелепыми приказами и ненужными поручениями. Внимательно следит, все ли готовы исполнять его дурацкие указания. Не брезгует садистскими методами, добиваясь безусловного подчинения себе. Любит щёлкать кнутом. Обожает бег по кругу вокруг себя, Всесильного. Работать *некогда*. И, собственно, *некому*.

Поплавский – тот редкий тип руководителя, который первым становится в упряжку, как он сам говорит, «перти плуга». И что вообще невиданно в среде современных руководителей – берёт на себя ответственность за результаты. Халатного отношения к работе он не

то что *не прощает* — он *не может простить*. С неисполнительным подчинённым Михаил Михайлович бывает крут. Он уверен, что его жёсткие санкции нужны делу и полезны для самого работника как стимулятор жизненной активности *от Поплавского*. Предполагаю, Поплавский понимает, что в его темпоритме жить и работать может не каждый. Но людей флегматичных и расслабленных он не любит. Они для него аномалия.

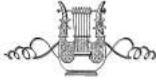
По известной версии, проект «Поющий ректор» был задуман для привлечения внимания к университету культуры и, добавлю, к личности самого Поплавского. Дальновидно было просчитано, что после «шоковой терапии» сформируется здоровый интерес к творчеству поющего ректора. Только такой результат мог положительно сработать на имидж университета.

Так и произошло. Но в основе успешности проекта «Поющий ректор» — стремление самого Поплавского к сценической деятельности и его желание сполна реализовать себя в песне.

Мой сын, ученик одиннадцатого класса, который на дух не переносит украинскую попсу, с интересом смотрит шоу-программы Поплавского. Они ему нравятся. Михаил Михайлович очень удачно избрал своё творческое направление. Во-первых — оптимистичная и душевная украинская песня, по стилю приближённая к народной. Во-вторых — римейки любимых песен, ставших почти народными.

Но главное не то, что исполняется, а как исполняется. Главный козырь Поплавского — театрализация песни. Динамика массового действия, оригинальные сценические решения, костюмы и реквизит, свет и звук — всё это свидетельствует о тщательнейшей проработке номера. Значит, об уважении к зрителю. Это не остаётся незамеченным.

Вот простые и искренние стихи херсонского поэта А.Анастасьева, адресованные Михаилу Михайловичу Поплавскому.

Слова звичайні і простий мотив.
Співа Поплавський. Як же він співа!
Ласкавить слух м'який речитатив
І відм'яка пекуча «Кропива».

Співочий ректор. Золота душа,
Не терпить в шоу-бізнесі халтури,
Йому і не байдужа й не чужа
Майбутня доля нашої культури.

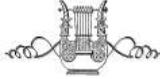
Таланту десь прокльонеться росток –
І вже з його щасливої долоні
Торують перші кроки до зірок
Майбутні українські примадонни.

Людина добра, чесна і проста.
Його, безмежно відданого сина,
Матуся рідна ніжно пригорта
І міцно обіймає Україна.

*Анатолій АНАСТАСЬСВ,
Херсонська обл.*

На концерты Поплавского приходят даже не признающие его творчества. Поучиться. Разгадать секрет успеха. «Ребята, не жалейте для чая заварки!» – вот простой и мудрый совет Поплавского. И он не жалеет для своих творческих проектов ни сил, ни средств. Видеоклипы с его песнями на зависть артистическому бомонду безупречны по качеству и эстетически совершенны. Сегодня фактически только Поплавский способен ежегодно представлять свои новые шоу-программы на главной сцене Украины и успешно преодолевать это испытание.

Реализация проекта «Поющий ректор» стала заметным явлением современной культурной жизни. Деятельность Поплавского привлекает всё новых и новых сторонников и... придиричиво отслеживается недругами. Но равнодушных нет. Михаил Михайлович интересен во всех своих прояв-

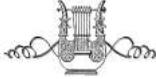

ниях, что бы там ни говорили. Он является воплощением украинской (уже не американской!) мечты о жизненном успехе.

В газете Верховной Рады «Голос України» была небольшая заметка о рейтинге популярности в контексте статистики изменения фамилий. Оказывается, что в Украине есть люди, желающие поменять свою благозвучную фамилию на – Бубка, в честь нашего легендарного прыгуна с шестом. Есть Петренки, которые хотят называться Шевченками. А в Ивано-Франковской области есть человек, который изменил свою фамилию на – Поплавский. А почему нет? Поплавский – это собирательный образ успешного украинца.

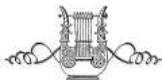
Лауреат Национальной премии имени Тараса Шевченко поэт Дмитро Креминь – человек, который чрезвычайно дорожит своей поэтической независимостью и редко пишет стихи, адресованные конкретному человеку. Но и он посчитал нужным сказать доброе слово Михаилу Михайловичу Поплавскому.

..От і знову горить над землею
 Новорічна зоря молода.
 Мій маестро і мій корифею.
 Доки Ви – нас не зігне біда.
 І яка нам не випаде доля,
 Коли знов поведуть в холуї, –
 Ми усі зі Співочого Поля
 З України, із серця її.
 Одиссей віднайде Пенелопу,
 Ну а в нас забагато Ітак.
 І з Європи йдемо у Європу
 Під виття хуторянських собак.
 То Америка їм, то Росія,
 І чужі, не свої прапори...
 Але є у нас хутір «Надія» –
 Нам не милі чужі хутори.
 Ви – на сцені. Припав на коліна
 У прощанні великий артист.

А за Вами стоїть Україна,
Ваша молодість, голос і хист.
І коли Ви ішли під землею
І давали вугля на-гора, –
Вас чекала вона, корифею,
Україна співоча з Дніпра.
Рік Собаки. Вітри лиховісні,
Мовби справжній обозний музон.
А чекаємо Вашої пісні,
Німувати і Вам не резон
(На Донбасі у бронзі Кобзон).
Рік Собаки. А доля прийдешня
Нас гукає до рідних джерел.
Ваша матінка, сива черешня,
Жде в польоті Вас, юний орел!
Воскресайте! У зоряній славі
Вам підспівують вже солов'ї,
Доки знов нас орлята двоголові,
Заклювавши, ведуть в холуї,
І шакали у Році Собаки
Виють знов у зимовий туман.
Але йде Одісей до Ітаки.
Український іде караван.
Хай щаслива нам випаде доля,
А нещастя – лише моветон.
Ми усі зі Співочого Поля:
Є в Поплавського мудрий закон.
І тому не потягнуть нас здуру
В дике поле, в нові холуї...
Піднімайте і тост за культуру
І закон за безсмертя її!
В Рік Собаки на всяку псяюху
Не втрачайте святий вокаліз.
Так за царство Великого Духу!
За Поплавського –
«браво» і «біс»!

*Дмитро КРЕМІНЬ,
лауреат Національної премії
імені Тараса Шевченка*

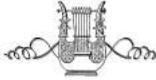

Поплавский не раз говорил, что свой образ сформировал он сам. Это, действительно, так. По его формуле в числителе он неординарная личность, а в знаменателе — ректор и доктор наук. Поплавский очень умело «подогревает» интерес к себе. Он дозированно подбрасывает всё новые и новые «жареные» подробности о себе. Пресса, жадная ко всему сенсационному, с удовольствием «заглатывает наживку». Вот и хорошо. Пусть говорят и пишут о том, что хочет *он*. Зато теперь настырные журналисты не будут чего-то искать-выискивать в «запретной зоне» и лезть в его непознанную душу.

Приколы Поплавского тоже имеют своё потаённое значение. Он как бы тестирует нас на наличие здравого смысла и чувства юмора. Пусть каждый, приняв информацию о бычьих яйцах, об утреннем сексе или о воде, заряженной от рук Поплавского, сам определит меру достоверности и проверит свой уровень IQ. Или задумается о полезных для здоровья продуктах. Или, проснувшись утром, захочет на практике проверить теорию Поплавского о прелестях утреннего секса. Что плохого? Может, нам всем пора уходить от нашей безликой одинаковости и притворного ханженства? Может, нужно сказать спасибо Поплавскому за то, что он провоцирует нас на вздорные мысли и склоняет к самоиронии?

Поплавский многогранен. Вот он народный депутат Верховной Рады Украины четвертого созыва. Четыре года ответственной работы на посту заместителя председателя Комитета по вопросам культуры и духовности.

Поплавский — инициатор создания и генеральный продюсер телевизионного детского конкурса «Крок до зірок». Уже почти десять лет этот телевизионный проект находит талантливых детей и предоставляет им возможность громко заявить о себе на всю Украину. Благородная цель.

Телепроект «Наша пісня» инициирован Поплавским с целью популяризации украинской песни среди молодёжи. Участником этой телевизионной программы может стать каждый талантливый исполнитель украинской песни, независимо от званий и иных заслуг. *«Я хочу, щоб і через багато років наші онуки слухали і співали українські пісні»*, — говорит Михаил Поплавский. Он снова искренен в своих чувствах и стремлениях.

«Батьківська хата» — социально-культурный проект Михаила Поплавского. Сочетание украинской традиции гостеприимства и европейского уровня сервиса — новое направление в готельно-ресторанном бизнесе.

Поплавский — поющий ректор. Значимый пропагандист украинской песни. Заслуженный деятель искусств Украины.

Поплавский — ректор Киевского национального университета культуры и искусств. Автор десяти учебников для студентов и аналитических книг, написанных из личного опыта успешного человека.

*К*аждая из названных сфер деятельности могла бы быть отдельной и самостоятельной жизненной программой. Но все эти ипостаси удивительным образом сочетаются в деятельности одного и того же человека. В этом и есть загадка и феномен Михаила Михайловича Поплавского.

*С ректором
КНУКиИ,
профессором
Михаилом
Поплавским*

***Поплавському Михайлу Михайловичу
присвячується***

Край неба сонце заночує,
Поснуть тривоги і жалі.
А він не спить, він серцем чує
Святу мелодію землі.

І згадка, мов зірниця зблисне, –
Він йшов вперед не навмання
Від босоногого дитинства
До зрілих літ і визнання.

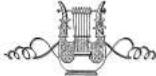
У цій землі його коріння,
Простого роду гідний син.
Одна для нього Україна,
І в Україні він один.

Палке, бурхливе і пісенне
Його життя. А над усе –
Це десять років, як зі сцени
Він щиру пісню нам несе.

Ця пісня, як душі тремтіння
Від материнського тепла.
Ця пісня, як політ невпинний
На крилах юного орла.

Поплавський з нами! – Це йому є
Підвладні сонячні далі.
І він чутливим серцем чує
Святу мелодію землі.

*Олександр ІВАНОВ,
Миколаїв – Київ*

* * *

На чудаках держится мир. И не улыбайтесь иронически. Это им, чудакам, мы обязаны большими и малыми открытиями. Это они придумали корабль на воздушной подушке и эскалатор, зонтик и змейку на ширинке. *Думающие* над чертежами подъёмника на Луну и *мечтающие*, чтобы лифт был надёжнее лестницы, — тоже чудаки. Вы тоже *думающие* и *мечтающие*.

Дмитрий Менделеев любил на досуге изготавливать чемоданы, и теперь чемоданная промышленность радуется изобилию этой продукции.

Один чудаков додумался смотреть на солнце сквозь закопчённое стекло, и теперь весь мир носит солнцезащитные очки.

Альберт Эйнштейн открыл *теорию вероятности*, и мы верим, что если девушку спросить: «Вы не подскажите, где находится библиотека?», — то есть *вероятность* того, что разговор продолжится в постели.

Один чудаков изобрёл перископ, чтобы незаметно заглядывать в женскую раздевалку, а теперь все подводные лодки могут тайно подглядывать друг за другом.

Один чудаков придумал надувную резиновую женщину, и все мы задумались: хорошо это или плохо? А потом — где продаётся и сколько стоит?

Один чудаков придумал многоэтажные дома, а другой чудаков придумал песню «Эй вы, там, наверху!». Теперь каждый дом напоминает «Музыкальную шкатулку».

Это Феликс Мендельсон первым додумался распространять свои композиции по городам и странам через путешествующих друзей и знакомых, и пусть продюсеры не кичатся новизной своей профессии.

Один чудака придумал компьютер. А я придумал, как зашифровать письмо. На компьютере включаете **Еп** и набираете русский текст. Вовек никто не прочитает. И адресант тоже. Пока не подставит, пользуясь клавиатурой компьютера, под каждую английскую букву её русское значение.

Михаил Поплавский решил выйти на сцену, чтобы «кулёк» стал Национальным университетом культуры и искусств. И что? Сработало!

Слава чудакам!

Вовеки слава!

Николаев

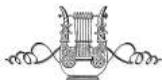
*Н*иколаев – город, достойный любви и уважения. В его славной истории имена генерал-фельдмаршала князя Григория Потемкина, первого градостроителя Михаила Фалеева, военного губернатора адмирала Алексея Грейга, композитора и историка Николая Аркаса.

Десятки, сотни, тысячи людей созидали, творили и просто работали во благо города. О некоторых из них мы помним и сегодня. Имена простых граждан города забыты. Но почему забыты? Тепло их рук помнят мачты кораблей, стены зданий, бульжники мостовой...

Настоящее время неизменно становится временем прошлым. Становится историей. И все мы, ныне живущие, большими и малыми деяниями оставляем свой след в истории родного Николаева.

...Город снова проснётся с рассветом,
И пока он ещё в тишине,
Я пройду по любимым проспектам,
Как на исповедь наедине.
И среди сокровенных отметин
На ладонях его площадей,
Знаю, есть где-то штрих неприметный –
Это линия жизни моей.

*М*ои зарисовки в стиле литературного эссе – это не панорамная картина сегодняшней жизни. Тем более, я не берусь делать прогнозы и предсказания. Сегодня

*С заслуженным деятелем искусств
Украины Николаем Кравченко*

трудно предугадать, какие факты и имена настоящего времени станут в обозримом и необозримом будущем исторически значимыми. Но выскажу своё мнение.

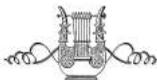
Думаю, что историческими личностями нашего времени могут стать Герои Украины Алексей Вадатурский, Юрий Бондин, Николай Романчук, Николай Бялик; Герой Социалистического Труда Владимир Погорелов;

поэты Дмытро Креминь и Вячеслав Качурин; академики Михаил Александров, Виктор Бузник и Георгий Романовский; советский и партийный деятель Владимир Васляев; скульпторы Юрий и Инна Макушины; художники Андрей Антонюк и Олег Приходько; театральные деятели Николай Кравченко и Николай Берсон.

Конечно же, в историю Николаева войдут люди, которые в разное время руководили городом. В их числе и Владимир Дмитриевич Чайка. Лично мне этот человек нра-

*С мэром Николаева
Владимиром Чайкой*

вится. Мы близко знакомы, хотя постоянных дружеских контактов между нами нет. К сожалению. Но я всегда рад нашим случайным встречам и дорожу ими. Особенно, если найдётся время поиграть на гитаре, попеть, пообщаться.

Владимир Дмитриевич весьма прилично играет на гитаре и знает бесчисленное количество песен. А свою любимую — «Белые крылья» — всегда готов спеть на публике. Не вижу в этом ничего плохого. Он старается не заостенеть в рамках своей высокой должности и остаётся человеком открытым, контактным, приветливым.

В его деятельности, наверное, есть ошибки и недостатки. Да как им не быть при таком количестве городских проблем! Но сейчас не об этом речь. Многое со временем переосмыслится, кое-что отсеется как не существенное. Но историческим фактом останется то, что Владимир Дмитриевич Чайка три срока подряд избирался мэром города и руководит им в наше непростое время.

Очень дорожу дружбой с ректором Национального университета кораблестроения им. адмирала Макарова Георгием Фёдоровичем Романовским. Доктор технических наук, профессор. Президент Академии наук кораблестроения Украины. Академик Академии наук высшей школы Украины. Заслуженный деятель науки и техники Украины. Лауреат Государственной премии Украины. Такой послужной список (и, наверное, неполный) этой личности.

Георгий Фёдорович знает себе цену. У него хорошо развито чувство собственного достоинства. Но не «забронзовел». В общении остаётся простым и дружелюбным.

Георгий Фёдорович мне рассказывал, как в детстве тянулся к музыке. Играл в духовом оркестре. Освоил баян. Он и сейчас не стесняется выйти на сцену и сыграть студентам на баяне свои любимые мелодии.

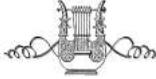
*С академиком Георгием Романовским.
Слева – заслуженный деятель искусств Украины
Анатолий Сирота. Справа – композитор Евгений Долгов*

Именно благодаря авторитету, организаторским и человеческим качествам Г.Ф.Романовского совет ректоров Николаева, возглавляемый им, стал сильной, сплочённой и дружной командой.

В этом единении я усматриваю и психологический подтекст. Ректор в своём вузе пребывает на вершине пирамиды и как бы в одиночестве. А в среде себе равных он более свободен в проявлении личностных качеств. То есть, оставаясь лидером, он душевно раскрепощается и становится членом достойного и привлекательного для него сообщества.

Мои коллеги, ректоры вузов, достойны самых лестных отзывов и добрых слов. К сожалению, сейчас у меня нет возможности сказать отдельно о каждом из них.

В этот светлый сентябрьский день 2007 года жители Николаева собрались на набережной Ингула. Флагман украинского флота большой противолодочный корабль «Гетьман Сагайдачный», пройдя плановый ремонт на судостроительном заводе им. 61 Коммунара, возвращался в бое-

вой строй. На малом ходу красавец-корабль проплыл мимо провожающих и, протиснувшись в створ разведённого моста, взял курс на Севастополь. Счастливого пути и семь футов под килем!

...Корабли отошли от причала
И волнение лишь стихнет едва,
Я знакомому чувству начала
Посвящаю простые слова.
Говорю про попутные ветры,
Как минуя чужие моря,
Только здесь мы с любовью и верой
Опускаем судьбы якоря.

Раннее утро, а на причале Черноморского судостроительного завода людно. Все в напряжённом ожидании. Сейчас буксиры с натугой потянут огромную тушу авианесущего крейсера «Варяг» далеко от нашей земли. Этому боевому кораблю уготована позорная участь. Его проведут через три океана к китайским берегам, где он и найдет своё упокоение.

Для людей, пришедших проводить своё детище в последний путь, — это чудовищное крушение. Тысячи людей, с присущим корабелям самопожертвованием, создавали самый совершенный в мире корабль. И всё тщетно. Годы жизни, тяжёлая работа, истрёпанные нервы. В конце концов, зря истраченные деньги — в миллиардах исчисляются.

Рядом со мной стоит Пётр Николаевич Гришин. В кораблестроении прошёл путь от судового сборщика до заместителя главного инженера завода.

— *Это не корабль уходит*, — тихо говорит он, — *это уходит эпоха большого кораблестроения.*

Печальный караван как бы нехотя выходит на фарватер и медленно скрывается в предутреннем тумане. Люди молча расходятся. Как с похорон.

С П.Н.Гришиным, заслуженным экономистом Украины, управляющим отделением «Укрэксимбанка», я познакомился случайно на каком-то официальном приёме. Ни к чему не обязывающий разговор. Слово за слово, и чувствую, что между нами настраиваются невидимые струны.

Как-то захожу к нему в кабинет. Пётр Николаевич без настроения.

— *Понимаешь, когда мы были с николаевской делегацией в Москве, наш мэр Чайка, я и другие встречались с нашим земляком, композитором Игорем Крутым. Сегодня я прочёл в журнале «Натали», что Игорь Крутой написал футбольный гимн для донецкой команды «Шахтёр». Я возьми и позвони мэру: есть ли свой гимн у нашей футбольной команды? Чайка ответил, что гимна, к сожалению, нет. И, наверное, в наказание за инициативу, поручил мне заняться этим вопросом. Прямо не знаю, с чего начать. Может, Крутому позвонить?*

Я ничего не комментировал, но на ус намотал.

Через три дня я опять у Гришина.

— *Принёс!* — говорю радостно.

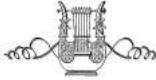
— *Что принёс?* — не понял Пётр Николаевич.

— *Гимн футбольной команды «Николаев» принёс!*

Гришин оторопел. Он ещё не знал, что я серьёзно занимаюсь музыкально-поэтическим творчеством. Устроили прослушивание. Сначала в узком кругу. Потом ещё раз, для всех. Подъехал Владимир Дмитриевич Чайка. Послушал. Всеобщее одобрение.

И вот презентация гимна на стадионе. Владимир Чайка приветствует. Андрей Дерик поёт. Александр Иванов раскланивается. Петр Гришин улыбается.

Потом был футбол. Звучал гимн, и трибуны охотно скандировали слова припева.

Николаев, футбол, победа!
Николаев, футбол, победа!
Николаев, футбол, победа!
Победа, победа, футбол!

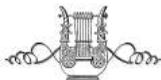
Взлетай, футбольный мяч,
Во славу николаевского спорта.
Ура! Играет матч
Крутых парней сплоченная когорта.
С вами те, кто Николаев любит,
Мы – душой едины.
Вместе с верными друзьями клуба
Вы – непобедимы!

Свисток, и бой пошел
За каждый сантиметр родного поля.
Удар, и вот он – гол!
Вершина вдохновения и воли.
С вами те, кто Николаев любит,
Мы – душой едины.
Вместе с верными друзьями клуба
Вы – непобедимы!

Николаев, футбол, победа!
Николаев, футбол, победа!
Николаев, футбол, победа!
Победа, победа, футбол.

Читаю в газете «Николаевские новости»:

«...Пошли последние минуты матча. Разочарованные болельщики, уже не надеясь увидеть забитый гол, потянулись к выходу. И тут над стадионом зазвучал наш футбольный гимн «Николаев, футбол, победа!». Футболисты воспрянули духом и пошли в последнюю атаку...».

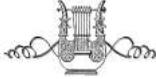
И что вы думаете? На последней минуте забили гол и вырвали победу! Музыка помогла выиграть футбольный матч!

Тришину П.Н. я обязан знакомством с кандидатом сельскохозяйственных наук, заслуженным работником сельского хозяйства Украины Александром Александровичем Чебаном. Он нас пригласил в своё родное село Семёновка Арбузинского района. Мы прогуливались ухоженными и опрятными сельскими улицами. Александр Александрович с гордостью знакомил нас с местными достопримечательностями. Вот школа, Дом культуры, церковь. Во всём укладе села чувствуется исконно крестьянская основательность и надёжность.

Встречались с сельчанами. Они неспешно и уважительно обсуждали с Александром Александровичем свои житейские проблемы. Потом мы совершили лодочную прогулку по Южному Бугу. Предвечерний пейзаж – красота неопишная! Была рыбалка и уха. На правах хозяина Чебан про-

С Петром Гришиным и Александром Чебаном

изнёс простой и искренний тост за родную землю. За ту землю, на которой живёшь. Как это мне близко!

Для этих простых людей я написал песню, простую и понятную им.

...Де над Бугом пливуть тихі зорі,
В хвилях промінь, як срібне весло,
Задивилось у води прозорі
Мое рідне українське село.

*Ой, Семенівко, гей, Семенівко,
Моя рідна і свята!
На стежках твоїх
Цвітом вкрилися
Мої пройдені літа.*

Коли жайвора пісня лунає
Над селом, наче голос живий,
В гомінливих гуртах поспішає
На роботу народ трудовий.

Приспів.

В парку клени стоять, як дозорні,
Літній вечір розсипав пісні, –
То співають їх хлопці моторні
І дівчата стрункі й чарівні.

Приспів.

Куди б доля мене не водила,
Пам'ятаю і вдень, і вночі –
Я в Семенівці виростив крила,
Щоб здолати життя далечінь.

*Ой, Семенівко, гей, Семенівко,
Моя рідна і свята!
На стежках твоїх
Цвітом вкрилися
Мої пройдені літа.*

Я люблю людей дела, людей слова. Для меня важна, прежде всего, простота человека при его глубинной значимости. Такие люди, как правило, интеллектуальней и интереснее, чем самовлюблённые и заносчивые персоны.

Вы бы побеседовали с руководителем сельхозпредприятия «Оксамит» с. Мешково-Погорелово Николаевского района Николаем Николаевичем Крымчаковым! В его неторопливом житейском повествовании слышится целая полифония мыслей и чувств. В главной партии – незатейливая мужская философия. А в подголосках – тонкий юмор и ирония.

Я с Крымчаковым познакомился случайно, по какому-то пустяковому поводу. А узел дружбы затянулся накрепко.

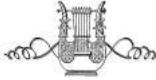
Николай Николаевич! Пусть время нам не подвластно, но сохранить молодость в душе мы сможем. Просто обязаны.

С Николаем Крымчаковым

...В геронтологию не веря
И чуя молодость в душе,
Остановить сумеешь время
На сороковом рубеже.

И так держать! – вплоть до могилы.
Едва погаснет в спальне свет,
Такою чувствуешь ты силу,
Что нет сомнений – сорок лет.

А если паспорт вдруг напомним,
Что ты король, а не валет,
Прими сто грамм (стакан неполный) –
Помолодеешь на пять лет.

Хоть редко, но бывает, знаешь,
Как, потеряв ста граммам счёт,
Таким младенцем приползаешь,
Что даже кот не узнаёт.

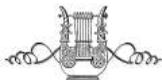
Ну а всерьёз. – Звезда в эфире
Летит. Что загадал себе,
Всё сбудется, всё станет мирным.
На целом свете... и в семье.

У меня учился целеустремлённый и талантливый студент Денис Кузьменко. Стал блестящим гитаристом. Сейчас играет в популярной московской группе «Серебро». Я не раз встречался с его родителями по чисто учебно-воспитательным вопросам.

Так я познакомился с Вадимом Леонидовичем Кузьменко, областным анестезиологом, заведующим отделением реанимации областной больницы. Бывал в его отделении. К счастью, не в качестве пациента. Чистота, порядок. Медсёстры, как звоночки, – быстрые, хлопотливые, внимательные. А ведь работа на грани жизни и смерти с больными и капризными людьми.

В одну из московских больниц попал с сердечным приступом заслуженный артист России Игорь Старыгин. Все его знают как исполнителя роли мушкетёра Арамиса. До утра он пролежал в коридоре на каталке, и никто к нему не подошёл.

Утром, когда влиятельные друзья похлопотали, его перевели в палату. Но мытарства на этом не закончились. Утку не принесут, укол не сделают, пока не заплатишь. Речь, ко-

нечно, не о заслуженном артисте, но о каждом человеке, больном и страдающем.

Такое в отделении Кузьменко невозможно в принципе. Здесь о клятве Гиппократата ещё помнят. И вытаскивают людей буквально с того света.

Звоню:

— *Вадим Леонидович есть?*

— *Нет. Уехал по санавиации в Доманёвку (Казанку, Новый Буг, Первомайск...).*

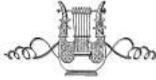
Это значит, что Кузьменко ждёт больной в критическом состоянии. И так в выходные и праздники, днём и ночью. Человек ждёт спасения. От той, что в чёрном, с косой.

Мы с Вадимом Леонидовичем задумали провести эксперимент на стыке медицины и музыки. Хотим выяснить, могут ли специально подобранные музыкальные ритмы положительно воздействовать на работу сердца при пороктизмальной тахикардии? Может ли музыка стабилизировать сердцебиение при мерцательной аритмии? Вопросы интересные. Но сложные и ответственные. Цена — жизнь и здоровье человека.

Как-то накануне Дня медицинского работника я предложил Вадиму Леонидовичу написать о нём статью в газету. Он отказался. Мол, что это даст? Для работы действительно ничего. А пиар ему не нужен. Кузьменко вне зоны званий, почестей и славы упрямо делает своё дело. На аппаратуре, которой лет и лет. Без современных лекарств. Наверное, когда-то всё будет. Когда-то. А человеку нуж-

С Вадимом Кузьменко

на помощь сейчас. Когда главная лечебная сила – талант и самоотверженность врача.

*С заслуженным деятелем искусств
Украины Олегом Приходько
и с заслуженным художником Украины
Юрием Макушиным*

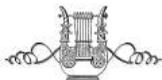
Я назвал имена только нескольких горожан Николаева. Конечно, круг моих друзей гораздо шире. Десятки, если не сотни, интересных неординарных людей, близких мне по духу. Даже беглое перечисление фамилий может утомить читателя. Скажу

только, что в моём ближнем круге друзей известные музыканты и художники,

доктора и кандидаты наук, поэты и журналисты, работники образования и культуры, режиссёры и артисты, офицеры и предприниматели. Люди достойные, поверьте мне.

* * *

Друзья, которых мы выбираем. Это весомый показатель глубинной сущности человека. Очевидно, что круг моих друзей формировался не по профессиональному признаку и не по принадлежности к определённому сословию. Но общие признаки есть. Самодостаточность личности без самовозвеличивания и самовлюблённости. Преданность своему делу, своему призванию и, простите за высокопарность, своей родине.

Из бардов-шестидесятников я больше всего любил творчество Александра Галича. На общем фоне авторской песни его поэзия мне казалась более объёмной и выразительной. Его талант действительно многогранен и совершенен. По киносценариям А.Галича поставлены популярные фильмы «Верные друзья» и «На семи ветрах». Его пьесы с успехом шли во многих театрах страны. Он был интересен и как киноартист. Был любим миллионами поклонников авторской песни и поэзии.

Галичу с его обострённым самолюбием было, конечно, нелегко утверждаться в творчестве. А кому легко? Во все времена и при любой власти это сложно.

Галич не выдержал и эмигрировал. Что он обрёл? Редкие концерты перед такими же эмигрантами, как он сам. Причём здесь его стихи и песни воспринимались совсем не так, как в России. Они потеряли в благополучной Европе социальную значимость, жизненную остроту и превратились в далёкое эхо прежней жизни. Ещё более редкие статьи в эмигрантских газетах. В основном о том, что было. Без намёка на ожидаемый самим Галичем творческий всплеск.

Он умер на чужбине, по официальной версии, от удара электрическим током. Это физиологически. А духовно он умер, я думаю, от разочарования и ностальгии. От той страшной болезни, когда вроде ничего не болит, а душа разрывается как при наркотической ломке. Так умирают деревья, вырванные с корнем из земли.

Для меня Александр Галич был как бы виртуальным далёким другом. Я слушал его песни, читал стихи и, прикрыв глаза, мысленно разговаривал с ним. Когда я узнал, что Галич покинул родину, я испытал ни с чем не сравнимое потрясение. Как он мог предать своего верного и преданного друга? Я чувствовал себя так, будто он убежал с поля боя, а меня раненого оставил под пулями.

В эти дни я полностью пересмотрел свои взгляды на диссидентское движение. Многие из диссидентов, прикры-

ваясь часто смехотворными политическими мотивами, уезжали за границу ради своих мелочных, шкурных интересов. Они якобы обретали свободу (кому они там нужны со своим свободолюбием?). Нет, они просто ехали за сытой жизнью, за соблазнами чужого мира. И предавали родину. Народ. И каждого из нас.

Что вы хотели бы изменить в жизни, если бы вам довелось прожить заново? Вопрос праздный и провокационный. Прошлое не подлежит пересмотру. Это тот базис, на котором строится настоящее и будущее. Без прошлого нет будущего, и это не просто красивая фраза. Но прошлое отнюдь не отработанный материал. Оно так же загадочно, как и будущее. Часто, казалось бы, навсегда ушедшее, даёт о себе знать и находит продолжение в настоящем и будущем. Вспомним народную мудрость, что новое — это хорошо забытое старое. Или что старый друг лучше новых двух.

С народным артистом Украины, профессором Виктором Шпортько

В моём фотоархиве много фотографий детских лет. Эти снимки сделал живший по соседству мой сверстник Вадим Крайник. Он серьёзно занимался фотоделом и мечтал стать кинооператором. В 1963 году я уехал в Кировоград учиться в музыкальном училище, а Вадим по-

дался в Москву поступать во Всесоюзный государственный институт кинематографии. На этом наши пути разошлись. И казалось, навсегда.

Прошло 30 лет. Неожиданный телефонный звонок.

— *Саша Иванов? Здравствуй! Я — Вадим Крайник. Помнишь такого?*

Боже мой, Вадим! Будто ветром из детства повеяло.

— *Вадим, где ты, как ты? — И сразу вопрос о его детской мечте: — Так ты стал кинооператором?*

— *Да уж, потягал кинокамеру по всему Союзу. А осел в Киеве. О себе подробно расскажешь при встрече. Пока тебя разыскивал, кое-что узнал о тебе, заслуженном.*

В его голосе слышалась знакомая ирония. Добродушная, дружеская.

Встречу в Киеве мы организовывали с истинно детективной тщательностью. В толпе мы бы просто не узнали друг друга. Столько лет прошло! Договорились встретиться на станции метро «Театральная» у барельефа Ленину. Малолюдное место в конце вестибюля. В детстве Вадим был выше меня, и я ожидал увидеть высокого крупного мужчину. А ко мне подошёл человек среднего роста, похожий на артиста Евгения Евстигнеева.

Вечером Вадим мне подробно рассказывал о своих путях-дорогах. Он снимал документальные фильмы на Сахалине и в Грузии, о вулканах Камчатки и пустынях Узбекистана. Знал знаменитого кинорежиссёра Сергея Параджанова, встречался с академиком Николаем Амосовым.

В титрах 70-ти документальных фильмов значится — оператор Вадим Крайник. Героями фильмов были академик Андрей Сахаров, авиаконструктор Олег Антонов, маршал Ки-

С Вадимом Крайником

рилл Москаленко, дирижёр Стефан Турчак и много других легендарных личностей. У моего друга семь медалей и дипломов за победы на кинофестивалях.

В принципе, и от случайного попутчика в поезде можно услышать не менее захватывающие истории, но это не стало бы поводом для дружбы. Здесь другое. Здесь — личный интерес к жизненному пути вновь обретённого друга. Здесь — неуловимая сопричастность двух судеб.

Теперь мы с Вадимом не просто дружны, мы едины. Встречи, телефонные звонки и даже столь не популярный в наши времена жанр, как письма. Они для нас как глоток живой воды из родника нашего детства.

Торой, как зов издалека, вдруг встревожит душу острое желание побывать в родных местах. Я откладываю все дела и еду в Александрию, город моего детства. Прогуливаюсь по знакомым и уже таким незнакомым улицам и площадям. Радуюсь тому, что город молодеет, отстраивается, прихорашивается. Жаль, что не молодеют мои ровесники — знакомые, друзья. Иных уж нет, а те далече, как говорил один из персонажей «Горе от ума». Мы всё ближе к вечности. И я пока не знаю, нужно ли этому огорчаться. Но чувствую, наш дух ещё жив и силен.

...Мотора сонное сопенье,
Его медлительность кляня:
— Друзья, — кричу я в нетерпенье, —
Друзья, вы слышите меня?

Я затерялся в ритме буден,
Но к вам лечу, как только смог,
И постигать мы вместе будем
Клубок запутанных дорог.

От нити той первоначальной,
Что нас вела в потоке дней,

До нити чёрной и печальной,
Когда теряли мы друзей.

И вздрогнет поседевший волос,
Когда в задумчивой тиши
Вдруг зазвучит мой хриплый голос,
Как стон израненной души.

А спеть хотелось про другое:
Друзья, я верю горячо,
Что всех нас счастье ждёт такое,
Какого не было ещё!

Что мы ещё такие же, как прежде,
Что мы ещё воскреснем к жизни вновь
И перемножим давние надежды
На снова обрётённую любовь!

...А скоро в путь. Под небом крики чаек,
Но как тревожен этот вещий крик!
И потому я с точностью не знаю,
В последний раз ли к роднику приник.

Огдав долг далёкой памяти, я снова вижу вдали огни родного маяка. Там, за горизонтом, мои студенты, моя семья, мои друзья. Где-то на Сухом Фонтане или в Яхт-клубе, на величавой набережной или в тенистом Каштановом сквере меня ждут новые песни и ещё не написанные стихи.

Город родной – путь к маяку!
Припадаю к тебе, Николаев,
Как при жажде к роднику.
Путь к маяку – город родной!
Слышу песню твою, Николаев,
В криках чаек над водой.

О женщинах, и не только

Как-то мой знакомый, доморошенный философ, шёпотом поведал мне о своём очередном открытии:

— Знаешь, я думаю, что женщина — особь вообще не рода человеческого, а существо ещё непознанного нами вида. Наверное, инопланетного происхождения.

Действительно, поступки женщины не подвластны логике. Ход её мыслей предугадать невозможно. Умозаключения женщины находятся за гранью здравого смысла. Она может закатить скандал без видимой причины. Она не вовремя плачет и невпопад смеётся.

Мой знакомый, заикаясь и потея, говорил своей подруге, что их отношения зашли в тупик, что им нужно расстаться. Хотя бы на время... Он очень боялся её истерики. А она стояла близко-близко, смотрела на него влюблёнными глазами, загадочно улыбалась и... лила кипяток из чайника ему в ширинку. Он, взволнованный, почувствовал это не сразу. Но она сразу почувствовала, что он уже не вернётся.

Женщина загадочна и непредсказуема. Это константа. Но это мы, загипнотизированные ею мужчины, возвели непредсказуемость в ранг женских достоинств и на все лады воспеваем это не лучшее из человеческих качеств.

А поэтессы не находят добрых слов в наш адрес. И строка не ложится, и рифма не идет. Они не опускаются до та-

кого мелкотемья, как мысли и чувства мужчины. А если что-то и напишут, то как-то с натугой и коряво. И только в контексте рабской принадлежности женщине. Для них мы не более чем прилагательное к их существительному и в других ипостасях неинтересны.

Я всегда поражался женскому умению сориентироваться, приспособиться, устроиться и пригреться.

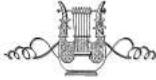
Молоденькая девочка привампиривается к богатому любителю молодого тела и искренне полагает, что теперь ей принадлежит если не всё, то хотя бы половина от его бизнеса, имущества и миллионов. Она никогда не признается, что за её услуги и сто долларов – хорошая цена.

Но стоп. В этом примере всё-таки просматриваются элементы рыночной экономики. Она – товар. Он – покупатель. А цена – не наше дело.

Приведу вариант песни, которую мог бы петь престарелый ловелас своей молодой пассии.

...Пред тобой, как пред Всевышним,
Моя исповедь чиста –
Я порой грешил излишне,
Да кружила суета.
Содержанию и форме
Говорил: – Иду на Вы!
Просто я не знаю формул
К уравнениям любви.

Вот мою шальную юность
Мимо ветром пронесло –
Там мужское то проснулось,
Что спать больше не могло.
Напролёт любовью ввали,
И, закрыв покрепче дверь,
Штурмом те высоты брали,
Что с трудом берём теперь.

Так прошла во сне сердечном
Сороковая весна –
Только тем любовь и вечна,
Что сюрпризами полна.
Для себя открыл я тайну –
Там начало всех начал,
Где пришёл тот день случайный,
Что тебя я повстречал.

Другая задачка. Не из учебника. Он молод и красив. Она молода и красива. Он любит её. Она любит его. Они в равной степени удовлетворены друг другом днём и ночью. Они как стороны равнобедренного треугольника, устремленные к вершине. Брак.

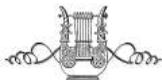
На этом равенство заканчивается. Он будет обязан заботиться о доме, автомобилях и достатке. Она будет заботиться о своей молодости и красоте. Он будет обязан дарить ей шубы, бриллианты и всё, что она попросит. Она будет дарить ему свою молодость и красоту.

При разводе они всё поделят пополам. Конечно, кроме её молодости и красоты. Это она унесёт с собой. Вот такое условие задачи. Вопрос: кто из них был инициатором развода?

Он впервые напьется до положения риз. Он будет рад случайному собутыльнику, потому что друзей уже не осталось. Всех вытравила она.

Он будет, размазывая слёзы, говорить о том, какая она хорошая, хрупкая и нежная. Как он её оберегал, защищал и поддерживал. Будет вспоминать Канары и Мальдивы, казино и рестораны. «Я такие ей песни заказывал, а в конце заказал...»

...Послушай встречи голос вещей,
И хоть минута коротка,

Пусть робкой птицей затрепещет
В моей руке твоя рука.

Доверься чувствам непритворным,
Мосты для бегства не готовы.
Пусть ручейком вольётся горным
Твоя любовь в мою любовь.

Прими улыбку на прощанье,
Хоть по щеке бежит слеза,
Пусть глянут с тайным обещаньем
Твои глаза в мои глаза.

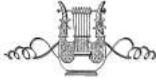
Девочка из села переезжает в город, на учёбу. Родители места себе не находят. Как же она без нас? Такая неприспособленная, беззащитная, наивная. Хоть бы здесь наша Галя не научилась плохому. Эти городские, они такие!..

А Галя вечером уже стоит возле, скажем так, злачного места. Ищет приключения на свою ещё не сформировавшуюся часть тела. Её не узнать! Накрашена неумело, но ярко. Короткая юбочка, сигарета. В глазах прямо мольба: ну хоть кто-нибудь пригласите куда-нибудь!

Но первый блин — комом. Попадёт она разве что на дискотеку. Там Галя с незнакомым пареньком немножко выпьет. Так и познакомятся. Потом она попросится к нему домой послушать диски. Там она выпьет больше. Ей станет жарко, и она разденется. До трусиков. А чего стесняться? Это же город!

Ехать в общежитие будет уже поздно, и Галя ляжет к этому сопливому парнишке в постель. Только погреться. А потом этот монстр, это чудовище, этот маньяк её изнасилует в грубой извращённой форме.

Так Галя будет говорить на суде. Она, защищая своё достоинство, будет жаждать крови. Но в конце концов уступит и согласится взять деньги.

А когда неожиданно (после трёх звонков на новый мобильный телефон) приедет мама, она встретит её в ситцевом халатике и в тапочках на босу ногу. Худенькая, беззащитная и наивная.

Бытует мнение, что женщина проявляет чрезмерную озабоченность своей внешностью, чтобы нравиться мужчинам. Это не так. Они сами определяют эталоны красоты, и мнение мужчин при этом не учитывается. Вопреки представлениям мужчин о женственности, женщина доводит своё тело до такой худобы и измождённости, что при сексуальном контакте следует опасаться не возбуждённых вскриков, а грохота костей.

Она назло соорудит причёску в стиле вороньего гнезда и нанесёт такой многослойный макияж, что о поцелуях и прикосновениях не может быть и речи. Наконец, она нарастит длиннющие ногти. А ведь это древнейшее оружие! Даже любовные царапины на спине очень долго не заживают и оставляют шрамы.

Ребята! Разве это мы просили её стать скелетом, обтянутым кожей, или разукрашенной куклой и вооружиться ногтями, неуместными ни в дневной, ни в ночной жизни?

Недавно в маршрутке видел двух девочек лет 13-14-ти, которые увлечённо рассматривали свои наманикюренные ногти. Своей заинтересованностью друг другом и нечленораздельными возгласами они напоминали двух обезьянок, избавляющихся от паразитов. Конечно, теперь эти девочки не будут помогать маме мыть посуду или стирать. У них же ногти! Им будет неудобно листать страницы, писать и работать на компьютере. Но всем этим можно пожертвовать ради... А ради чего, собственно?

Не спешите делать вывод, что я пишу о пустяках. Каждый поступок — это шаг. Но на каком пути? Женское предназначение — брак, семья, дети — Да! Гламур, богема, нар-

кота, разврат – Нет! Простите покорно за нравоучения, но дорога, которую осилит идущий, начинается с первого шага. Я очень хочу, чтобы эти девочки не ошиблись, оказавшись на распутье.

Я отнюдь не домостроевец. Считаю, что женщине наравне с мужчинами должно быть доступно всё. Но она, сама женщина, должна не за всё браться. Она сама должна понимать, что главная её миссия – родить и воспитать детей. Без выполнения репродуктивной функции жизнь женщины теряет смысл, становится пустой и, извините за прямоту, никчёмной. И не нужно говорить: «Зато она реализовала себя в политике (науке, спорте, творчестве и пр.)». Это второстепенное и не обязательное.

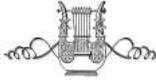
Повторюсь, первостепенная функция женщины – деторождение. В этом уникальность женщины, её неповторимость и сила. Если женщина *не хочет* или доводит свой организм до такого состояния, что *не может* родить ребёнка, – это преступление перед человечеством.

Конечно, понимать это должна, в первую очередь, сама женщина. Например, та, которая, поднимая тяжеленную штангу, надрыгает свои внутренности. Что значит её рекорд по сравнению с жизнью нерождённого ребёнка?

Женщины, от имени мужчин, прошу и заклинаю – оставайтесь женщинами! А мы вас будем любить за вашу естественную привлекательность, за верность материнскому и супружескому долгу.

«Когда придёт любовь, не знаю...» –
Поёт динамик на стене,
Хоть столько истин изрекает,
Что даже и не снилось мне.

Но свысока я усмехаюсь:
– Эх ты, мембранная душа,
Когда любовь придёт, не знаешь?
Она вчера ко мне пришла!

Мы, мужчины, не можем жить без женщин, без этих инопланетных существ. Великий поэт и великий знаток женской красоты А.С.Пушкин имел привычку на банкете ронять под стол вилку. С тем, чтобы, поднимая её, потрогать женщин за колени. Его современники оставили свидетельства, что поэт проводил под столом немало времени. А женщины старались сесть поближе к нему. Но это не более чем пикантный эпизод.

Александр Сергеевич был чрезвычайно восприимчив к женскому очарованию и влюблялся с первого взгляда. В этом он черпал вдохновение и на волне нахлынувших чувств писал незабвенное: «Я помню чудное мгновенье...»

Это стихотворение поэт посвятил Анне Петровне Керн, которая была далеко не красавицей. Но было же в ней нечто такое, что всколыхнуло душу поэта!

Алексей Константинович Толстой с первого взгляда влюбился в женщину, лицо которой скрывалось под карнавальной маской. «Средь шумного бала, случайно...» Этой женщиной оказалась Софья Андреевна Бахметьева, которая стала его женой на всю жизнь.

В любви всё закономерно и случайно. От случайной искры может разгореться огонь большой любви.

...Неожиданно всё это...
Средь концертной суеты
С «монализировским» секретом
Улыбнулась тайно ты.

Может, снова я влюбился
На изломе чудо-лета?
И весь мир преобразился.
Неожиданно всё это...

Что же такое любовь? Учёные считают, что это одна из форм психического состояния человека. На мой взгляд, этот ответ ничего не проясняет. Как конкретный

индивидуум узнает, является ли любовью то чувство, которое он испытывает? На этот вопрос ответ знаю я. Внимание!

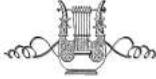
Представьте себе, что у вашего дома собрались первые красавицы мира. Чуть в стороне от них стоит скромная женщина. Она не такая красивая и длинноногая, но милая и привлекательная. Вы проходите мимо Анжелины Джоли, Наоми Кемпбелл и Жанны Фриске и выбираете её, *женщину вашей мечты*.

Рука об руку вы идёте навстречу новому дню. И дай вам Бог построить надёжный Дом любви.

...Ты позови меня манящим взглядом,
Я прилечу к тебе и буду рядом.
Нас всегда сквозь года
Ждёт венчальная звезда.
В небе есть наш заветный звёздный остров,
Только попасть туда совсем не просто.
Лучше нам строить дом,
Дом любви для нас вдвоём.

В том доме крыши нет пока,
А вместо крыши облака.
Есть только стены из песка,
А нужно строить на века.
Воздушным замкам веры нет –
Они не простоят много лет.
Ты только навсегда позови,
Построим вместе Дом любви.

Помнишь, как нас влекли за далью дали?
Только напрасно мы о них мечтали –
Ведь вдали от земли
Не построить Дом любви.
Может, пора с тобой решить однажды,
Сколько пройти навстречу должен каждый,

И найти на пути
Перекресток Дом любви.
В том доме крыши нет пока,
А вместо крыши облака.
Есть только стены из песка,
А нужно строить на века.
Воздушным замкам веры нет –
Они не простоят много лет.
Ты только навсегда позови,
Построим вместе Дом любви.

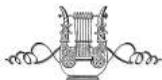
* * *

*Ч*есть и хвала мэру Москвы Юрию Лужкову. Он проявил истинно мужской характер, запретив проведение гей-парада в столице России. В этом вопросе я его единомышленник.

В природе случаются отклонения. Людей с нарушенным генетическим кодом можно понять и посочувствовать им. Но они, по всей видимости, не нуждаются в нашем сочувствии. Гомосексуалисты и лесбиянки при каждом удобном случае демонстрируют свою самодостаточность. Более того, свою избранность.

Психически нормальные люди не выставляют свои физические и физиологические недостатки напоказ. Они делают всё возможное, чтобы не выделяться и хотя бы приблизиться к норме. Низкорослые предпочитают высокие каблукы, больной экземой прячет язвы, инвалиды используют протезы, напоминающие отсутствующую, увы, руку или ногу.

Не понимаю и не признаю тех людей, считающих не зазорным во всеулышание заявлять о своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Тем более недопустимо агрессивно пропагандировать свой способ жизни, в том числе и посредством гей-парадов.

Боюсь, скоро в общественном сознании сформируется мнение, что гомосексуализм — это норма, а мы, гетеросексуалы, — аномалия.

Масла в огонь подливает телевидение. К примеру, в популярном в молодёжной среде «Комеди клабе» самая любимая тема — нетрадиционная сексуальная ориентация. Причём шутки по этому поводу снисходительные, добродушные и поощрительные. Это не просто недопустимо. Это опасно!

Одна молоденькая певица сказала в интервью, что она хочет выйти замуж, но вокруг одни «голубые». Действительно ли их так много? Нет. По медицинской статистике, их от трёх до пяти процентов. Остальные просто «косят под голубых». Неужели «гомосексуалист — это звучит гордо»?

О, времена, о, нравы!

Отдельное обращение к бисексуалам. Если вы можете ходить направо и налево, то прибивайтесь к нашему берегу! Катастрофически не хватает производителей.

Мой друг Володя Жежель любит назидательно говорить: *«Мы занимаемся этим не шутки ради, а рода продления для!»* На слове «для» он делает ударение и поднимает вверх свой длинный указательный палец.

Помните, пока мы решаем, как нам быть с ориентацией, китайцы молча делают своё дело!

Никогда не думал, что мне придётся писать об этой проблеме.

Стихов не ждите.

О времени и о себе

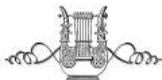
Учёные пока бессильны решить проблему перемещения человека во времени. Я думаю, эта проблема вообще неразрешима как бессмысленная и бесполезная. Не могу представить себе, как я, нынешний профессор, вхожу в Александрийскую музыкальную школу 1962 года и встречаю там пятнадцатилетнего педагога Александра Кузьмича Иванова.

Что я ему скажу? И станет ли он меня слушать? Ведь молодость так нетерпима к советам старших. Этот белобрысый музыкант всё равно пройдёт шаг в шаг по моему тернистому пути, впитает все мои достоинства и недостатки и станет заслуженным работником культуры Украины профессором А.К.Ивановым.

А может, заглянуть в будущее? Но я давно избавился от привычки, едва открыв книгу, нетерпеливо подглядывать на последние страницы, чтобы узнать развязку сюжета. Заранее зная эпилог, согласитесь, неинтересно читать страницу за страницей *книгу жизни!*

У всё же машина времени есть в каждом из нас. Это наша память, с лёгкостью переносящая нас в прошлое. Или мечтания, предвосхищающие будущее. Вот я виртуально перемещаюсь в тот памятный день, когда моей любимой дочери Ольге исполнилось шестнадцать лет.

...Когда фанфары громко
Разбудят белый свет,
Проснётся вдруг девчонка,
А ей шестнадцать лет.

И солнечные кудри
Растреплет у окна,
И усмехнется утру,
Как взрослая она.

Наивная девчонка
С косичками вразлёт,
Не раз еще тихонько
Над куклами всплакнёт.

Но в этот день чудесный
Её счастливей нет.
Она сравнима с песней
В свои шестнадцать лет.

Как по мановению волшебной палочки, совершаю путешествие в то время, когда только зарождалась любовь между мной и Валентиной. Мы встретились в Киеве на курсах повышения квалификации директоров школ искусств.

Вспоминаю, как нас неудержимо влекло друг к другу и как мы оба яростно сопротивлялись этому. Довольно продолжительное время между нами всё было очень неопределённо. Я писал наивные стихи о встречах и разлуках, о несбыточных, как тогда казалось, надеждах.

...Бескрайний мир соткан из встреч и разлук.
В столетьях их пульс бесконечен.
Не может быть вечным кольцо твоих рук,
А жаль, что не может быть вечным.

Но даже постигнув ушедшего суть
И болью вызывая к утрате,
Не вправе мы время назад повернуть,
А жаль. Очень жаль, что не вправе.

Зачем же надежда под сердцем звенит –
Разлука – прелюдия встречи.
Не может быть речи, чтоб всё изменить,
А жаль, что не может быть речи.

Теперь я знаю, что мечты и надежды сбываются, если страстно этого желать. Пройдя через непростые испытания, мы с Валентиной Леонидовной идём по жизни вместе, словно повенчаннные судьбой.

Семья, 1996 год

...Мне то не кажется, то кажется,
Что полюбил Сатурн Луну.
Взывает к ней: – Моя красавица,
Люблю тебя одну!

Но далеко Сатурну быть дано,
И окольцован он давно.

Мне то не кажется, то кажется,
От сердца к сердцу льётся свет.
И у Луны лучи рождаются
На те лучи в ответ.

Но вот беда, с Землёй обручена
На веки вечные Луна.

Мне то не кажется, то кажется,
В рассказе этом есть печаль –
Ведь им нести разлуки тяжести
По сумрачным ночам.

И между ними миллионы вёрст,
И против все законы звёзд.

Мне то не кажется, то кажется,
Что где-то рядом счастье тут.
Луна с Сатурном улыбаются,
И тем они живут.

Друг другу светят они до сих пор
Преградам всем наперекор.

Семнадцать лет уже мы, Александр и Валентина, в браке и остаёмся желанными друг другу, как в медовый месяц. У нас замечательный сын Леонид, без пяти минут студент. А, кажется, совсем недавно я записал в стихах диалог с ним, шестилетним.

– Виростай вже, – батько хоче, –
І тоді у парі
Будем з ранку і до ночі
Грати на гітарі.

Батько весело базіка:
– Оперу напишем!
Я досвічений музика –
Буду головнішим.

– Досить, татку, говорити.
Як піду до школи,
Будеш ти мені вторити,
А я вести соло.

*Сын Леонид,
1995 год*

Меня всегда волновала и волнует проблема скоротечности времени, и я, не сдерживая себя, снова и снова возвращаюсь к этой теме. Считаю важным напомнить читателю, а на концерте слушателю, что все мы, увы, не вечны, что время течёт неумолимо и каждый прожитый миг единственен и неповторим. *«Каждый день, как последний, живу»*. Полагаю, что это важнейший жизненный принцип. Верю, что острота чувств зависит от желания откликаться на зов правды, добра и любви.

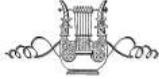
...Когда-то люди годы не считали.
И где считать им – были б только живы,
Чтоб мы сейчас об их потерях знали
И, как могли, годами дорожили.

Пройдёт весна и лето, лишь под осень,
Как лепесток роняет зрелый мак, –
Где прежний я? – себя ты тихо спросишь.
И будет поздно.
Пусть не будет так!

И потому лишь только сердцу внемля,
Живу, года на крохи теребя,
Люблю я всё – пульс жизни, солнце, землю.
Люблю тебя.
А ты люби меня.

*Александр
и Валентина
Ивановы*

Ещё один звонок из прошлого прозвучал, когда я уже стал николаевцем. В газете «Вечерний Николаев» читаю под статьёй имя и фамилию автора — Екатерина Наточа. Не та ли это Катя, начинающая журналистка, которая в семидесятых годах прошлого века непродолжительное время работала в районной газете пос. Ольшанка? Да, она. Узнал. Екатерина вежливо ответила, что меня тоже узнала. Поговорили.

Оказалось, что Екатерина — жена поэта и журналиста Владимира Юрьевича Пучкова, книгу стихов которого «Вечерний чай» я уже успел прочитать и по достоинству оценить. Пучков — удивительный автор, со своим неповторимым сильным голосом в поэзии. Его творчество мне очень близко по духу и привлекает изысканностью поэтического стиля.

Потом мы с Екатериной вспомнили общих знакомых — редактора районной газеты Виктора Вовченко, легендарных Мыколу Солодченко и Анатолия Анастасьева.

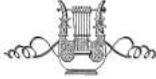
Накануне я как раз получил от Анастасьева весточку. Он узнал, что я уже живу и работаю в Николаеве, а это совсем рядом с его родной Большой Александровкой на Херсонщине! Пишет в письме, с присущим ему юмором:

«Приїжджай якнайшвидше. Поїдемо до моїх друзів у Херсон. Будуть тобі концерти, телебачення, преса. А тоді майнемо в Асканію Нову. Ти ж не був у наших херсонських степах! Там кам'яні баби стоять. По півтори тисячі років їм...»

Здесь его скоропись берёт паузу. Затем почерк становится ещё энергичней.

«Звичайно, у нас баби є молодші, ніж ті, що у степах. Тож приїжджай...»

Разумеется, я поехал. И понятно, что не ради «баб». Вместе с поэтами Дмытром Кремином и Вячеславом Качуриным мы поехали в Большую Александровку помочь Ана-

толию Анастасьеву на достойном уровне провести творческий вечер. Тем самым мы проявили солидарность со своим коллегой, талантливым сельским поэтом.

Конечно же, участие столь представительной делегации из Николаева в творческом вечере А.Анастасьева стало значительным событием для райцентра, да и для самого поэта. Растроганный Анастасьев со сцены прочёл свои стихи, посвящённые нашей многолетней дружбе.

...Пам'ятаю – над Синюхою
У Вільшанському краю
Зачаровано ми слухали
Щиру музику твою.

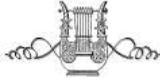
То вона вривалась бурею
В молоді серця до нас,
То розчулено зажурую
Невимовною лилась.

Навівала твоя музика
Почуття нові мені,
І між нами дружби вузлики
Зав'язалися міцні.

Маю дякувати долі я,
Що збрала нас колись,
І життєві наші колії
Врізнобіч не розійшлись.

Як і в юності палаємо
Творчим пошуком добра –
Ти на Бузі в Миколаєві,
Я в степах біля Дніпра.

І ніщо для друзів відстані
Крізь сльоту і тумани,
Якщо раз назавжди піснею
Заручилися вони...

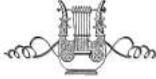
Николаев проник в моё сердце, во всё моё естество и стал для меня родным городом. Я прочувствовал его многослойную полифоничную ауру и, никого не отталкивая локтями, органично вошёл в его жизненное пространство. Здесь живу, работаю и творю в меру своего скромного таланта. Здесь обрёл надежду, веру и любовь.

...У Яхт-клуба я вспомню невольно,
Как по берегу шли я и ты.
Это здесь мы доверили волнам
Океанские наши мечты.
И привиделось в дымке безбрежной,
Как Ингул их понёс в Южный Буг.
Нас тогда обвенчала надежда
У слияния встреч и разлук.

* * *

К работе в Николаевском филиале Киевского национального университета культуры и искусств я приступил с сентября 1998 года в должности заместителя директора по учебно-воспитательной работе. Мой опыт организации педагогической и творческой деятельности помог мне быстро адаптироваться в вузе. Я был рад работать и общаться с людьми, которые по праву занимают видное место в научной и творческой элите. Смеею надеяться, что им тоже было легко находить общий язык со мной.

Но не всё было безоблачно. Я был вторым лицом в вузе, а отношения с первым лицом не складывались. Я никак не мог приноровиться к управленческому стилю, который про себя называл *нервно-паралитическим*. Для меня было неприемлемо принимать участие в бесконечных разборках, интригах и склоках. Кроме того, я был невольным и нежелательным свидетелем нечистоплотных и беспринципных деяний.

Я стал человеком неудобным и в какой-то мере опасным. Меня нужно было выжить любой ценой. Не буду описывать этот процесс. Но недавно пересмотрел дневники тех лет. Если надумаю писать о человеческой гнусности, то материал уже есть. Ещё какой!

Решение я принял для многих неожиданное, но абсолютно правильное. Добровольно ушёл «на понижение», заведующим кафедрой. Хотя по условиям контракта имел полное право оставаться заместителем директора ещё два года. Но не в моих правилах любой ценой держаться в должности, жертвуя при этом нравственными принципами и душевным спокойствием.

Журналист Юрий Юрин в статье в журнале «Горожанин» достаточно точно подметил одну важную черту моего характера:

«...Что меня поражает в нём: с одной стороны, он уступчив во второстепенном, легко прощает житейские ошибки, а то и грехи. Но в другом, в главном, в принципиальных вопросах Иванов жёсткий и бескомпромиссный до упрямства. Такая вот амплитуда характера».

На музыкальной кафедре я был в своей стихии. Здесь над нами, преподавателями и студентами, властвовала музыка, бальзам для моей израненной души. Постепенно я восстановил привычный ритм творческой работы. Наконец-то завершил книгу стихов и песен «Всё сокровенное я доверяю вам». Издал аудиоальбом со своими песнями «Исповедь наедине».

А главное, создал учебник для высших учебных заведений образования, культуры и искусства «Гармония. Теория, практика, методика». Мой учебник получил грифы Министерств образования и науки, культуры и искусств Украины. За этот учебник и в совокупности за научные статьи, учебно-методические материалы и за творческую деятельность Высшей аттестационной комиссией Украины мне было присвоено звание профессора.

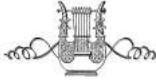
Значение меня директором филиала было неожиданностью для всех, а в первую очередь для меня. Ректор университета М.М.Поплавский приехал в Николаев и на директорате просто зачитал соответствующий приказ. Без предварительных консультаций и обсуждения. Решения, которые М.М.Поплавский считает очевидными, он принимает сам, быстро и решительно. Это правильно.

Я тоже не сторонник пустых дебатов по поводу и без повода. Поэтому количество заседаний Учёного совета и директората свёл к минимуму. Все текущие вопросы решаю в рабочем порядке. Безотлагательно. Отменил приёмные часы. Сотрудников и студентов принимаю по такому принципу: первый шаг — в приёмную, второй — в кабинет директора. Стараюсь делать всё от меня зависящее, чтобы ВУЗ работал стабильно в научном, учебном и творческом направлениях.

Если уж глава называется «...и о себе», то позволено рассказать о моих сформировавшихся годами предпочтениях и привычках.

Директор Николаевского филиала КНУКиИ А.К.Иванов со студентами

Как-то корреспондент мне задал вопрос: «А где Вы любите отдыхать?»

Я ответил насколько мог серьёзно: «На диване».

О, диван для думающего человека, как трамплин для акробата. На нём после суетного дня так приятно предаться размышлениям. Можно пошуршать газетами или страницами книг. На худой конец, посмотреть телевизор. Лично я телевизионной скоротечности предпочитаю неспешное чтение.

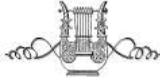
Что касается летнего отдыха, то люблю съездить в Крым или в Карпаты. Но ненадолго. Недели на две, не больше. Потом я начинаю скучать по привычной обстановке, по работе, семье, друзьям. Даже замечал, что уезжаю из дому грустным, а возвращаюсь радостным.

Как-то французский врач сказал такую шутивно-парадоксальную фразу: «Сейчас медицина достигла таких успехов, что здоровых людей практически не осталось». Это для меня слабое оправдание, почему я не соблюдаю православные посты, а тем более диету. Это как бы для укрепления здоровья, которое пока меня не подводит. Предпочитаю пищу простую и сытную. После фуршетов с причудливыми блюдами дома ем картошечку с селёдкой. Не откажусь от обыкновенного гуляша с кашей.

В воскресенье могу взяться за приготовление обеда. Моё появление в кухонном переднике сын Леонид комментирует так: «Ура! Сегодня будет мужская пища!» Люблю работать с мясом. С тестом ни в коем случае.

В быту непритязателен. Для меня главное, чтобы в квартире всё было функционально, а потом уже красиво. То есть, если настольная лампа хорошо смотрится в интерьере, но плохо освещает стол, то это меня не устраивает.

Из домашних животных отдаю предпочтение кошачьим. Конечно, не тиграм и леопардам. Обыкновенным котам и кошкам. К этим удивительным существам у меня любовь и уважение с детства.

Когда-то у нас жил кот по кличке Пушок. Он имел сильно развитый охотничий инстинкт и приноровился промышлять соседских цыплят. В наказание отец увёз его на свою работу в пожарную часть, находившуюся далеко за городом.

Пушок прижился в среде бойцов-пожарных и облюбовал местом обитания брезентовый гамак на крыше автомобиля под пожарной лестницей. Это было ещё то зрелище! Автомобиль с рёвом несётся по улице, а на крыше кот как вперёдсмотрящий.

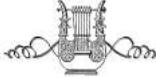
Потом Пушок неожиданно исчез. А через полгода, уже зимой, он пришёл домой. Ему пришлось преодолеть территорию брикетной фабрики, четыре моста через реки-речушки, пригородный посёлок и сам город! Эта невероятная способность к поиску родного дома, целеустремлённость и преданность поразила малолетнего меня.

Абсолютная привязанность к человеку в сочетании с гордым независимым поведением (вспомните – Р.Киплинг, «Кот, который гуляет сам по себе») – непостижимая тайна этих маленьких загадочных существ.

Под пристальным кошачьим взглядом иногда становится не по себе. Словно кто-то далёкий и неведомый наблюдает за суетностью и брэнностью нашего жития-бытия и имеет об этом своё нелицеприятное мнение. Хотелось бы пофилософствовать с ним на эту тему.

О творческих планах. Следующей моей работой станет научное исследование в области музыковедения, посвящённое проблемам исполнительства на украинских народных инструментах.

В 1975 году в газете «Культура і життя» была опубликована небольшая заметка «Кобзи їдуть за Урал». В ней в пафосном тоне сообщалось, что украинскими народными инструментами интересуются далеко за пределами Украины. В то время, когда в самой Украине на всех уровнях музыкального образования культивировались русские домробалалаечные оркестры.

Я поехал в село Мельнице-Подольское Тернопольской области, где изготавливались кобзы, сопилки, сурмы, и закупил комплект украинских музыкальных инструментов для Ольшанской музыкальной школы. Мы первыми на Кировоградщине, а возможно, и в Украине, стали внедрять украинское инструментальное исполнительство в учебный процесс музыкальной школы.

Пришлось с нуля изучать особенности изложения музыкального материала для оркестров украинских народных инструментов. По этой проблеме я выступал с докладом на Всеукраинском семинаре руководителей оркестров и ансамблей украинской музыки в г. Киеве в 1981 году. Впоследствии в Кировограде был издан сборник моих инструментовок для ансамблей народной музыки под названием «Гей, заграйте, музики!»

С тех пор я по крупницам собирал материал по проблеме украинского музыкального исполнительства. Пришло время обобщить опыт работы украинских музыкантов в этом направлении.

Я завершаю своё повествование. Как в беге по кругу (в музыке – это форма рондо), опять возвращаюсь к исходной точке. К жизнестойкому роду Ивановых. Мои бабушка и отец по нашим меркам были долгожителями.

Значит, у меня, генетического наследника, ещё есть время жить, работать и творить. Этот шанс, завещанный мне, не упущу, не растрочу попусту, а приумножу. Клянусь, сынок!

...И пока меня, бегущего по краю,
Не подкосят в жухлую траву,
С каждым словом я живу и умираю,
В каждой ноте умираю и живу.

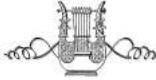
Послесловие

Как же так случилось, что мы, послевоенные пацаны, босоногие и голодные, в дальнейшей жизни стали и генералами, и простыми инженерами, а я — профессором музыки? Не так просто ответить на этот вопрос. Здесь судьбы людей, не тиражированные под клише, со своими внешними обстоятельствами и внутренними мотивами.

Я брезгливо отношусь к сегодняшним обличителям прошлого. Они сильны задним умом. С лёгкостью невероятной раздают направо и налево советы и оценки. Развенчивают, изобличают кого-то и что-то.

Уж они-то знают — как следовало жить *нам!* Знают, ни дня не прожив в тех временах и обстоятельствах. Они пока не ведают, что новое поколение (если не поумнеет), точно так же будет развенчивать их самих, их решения, поступки и достижения. А если поумнеет — будет только ставить под сомнение величие деяний и духовный стержень сегодняшних политических столпов. И с удивлением не обнаружит ни величия свершений, ни духовной мудрости. И опять всё начнётся заново. Совсем как в коммунистическом гимне — *...разрушим до основанья, а затем...*

...На улицах Киева снова бои.
Но где же враги? Все как будто свои.
О Боже, за что нам такая напасть! —
На улицах Киева делится власть.

Здесь проклята все святая судьба,
А в дьявольской пляске безумствует рок.
Здесь только и слов, что позор да ганьба,
Здесь каждый себе и судья, и пророк.

А нам всё не время взлететь в небеси,
И лень прошептать – Сохрани и Спаси!
И всё недосуг нам познать с высоты –
Зачем не к добру покосились кресты.

И в Киеве что-то с погодой не так.
Не свежие ветры, а жуткий сквозняк.
И проданы оптом благие дожди,
И куплены в розницу горе-вожди.

Им каждому дай только главную роль,
Хотя что ни образ, то голый король.
Театром абсурда натешимся всласть! –
На улицах Киева делится власть.

Все мы дети своего времени, а ещё точнее – его заложники. Своя правота есть у несдавшегося и шагнувшего на костёр Джордано Бруно и у Галилея, склонившего голову перед невежеством.

Сегодня учёные бьют тревогу. Исчезают биологические виды. Нарушится равновесие – и конец всему живому. И человеку тоже. Льву не достанется антилопа, гиене – её останки, а далее орлы-стервятники, жуки всякие, червяки, в конце – микрофлора.

Но, думается, опасность подстерегает нас с другой стороны. Со стороны самого человека. По моей несовершенной философии, все мы в структуре своего биологического вида олицетворяем весь остальной животный мир во всём его разнообразии. Повадки, образ жизни, поле деятельности

и пр., условно, конечно, но достаточно чётко, указывают на животную сущность каждой человеческой особи.

Среди нас живут кукушки, с лёгкостью бросающие своих детей. Катастрофически возросло число хищников, которые за неимением уже истреблённых ими объектов для охоты и возросших appetites начинают пожирать самих себя. Очень много пригревшихся на груди змей. В последнее время развелось немало шакалов, которые раньше в наших краях не встречались вовсе. Увеличилась популяция сурков. Им бы только набить желудок, спастись и отоспаться. В конце концов, есть жаворонки и совы. Зато затихли, затюканные «фабриками звёзд», соловьи и иволги. И лебединую песню не услышишь.

Так сохраняется ли ещё хотя бы зыбкое равновесие видов в человеческой среде? Сколько у нас ещё есть времени для обретения человеческой сущности? Ведь что бы там ни говорили, эволюция человека неумолимо продолжается. Но не сбилась ли она с правильного пути? И далеко ли до необратимой мутации?

Я больше всего прочего боюсь, что мой или ваш сын приноровит свою руку не к скрипке, а к пистолету и станет однопалым. А у девочки на геном уровне укрепится мысль, что её счастье обязательно осуществится при умелом использовании и распределении своего тела.

Учёные, отслеживая перекосы и отклонения в природе, разрабатывают спасительные концепции и локальные проекты, из которых кое-что реализуется. А вот угроза саморазрушения человечества пока волнует не многих. А эта проблема и важнее, и во сто крат сложнее. Как-никак предстоит совершенствовать *Человека Разумного*.

О новой книге и её авторе

Автор предлагаемой массовому читателю книги «Портрет на фоне времени» (автобиографическое эссе) в особых рекомендациях и представлении не нуждается. Имя директора НФ КНУКиИ, профессора, заслуженного работника культуры Украины Александра Кузьмича Иванова хорошо известно не только в нашем регионе, но и далеко за его пределами. А по прочтении этой замечательной автобиографической книги мы еще раз утверждаемся в самобытности и незаурядности таланта Александра Кузьмича во многих творческих ипостасях — музыковед, бард, композитор, поэт. Теперь он заявляет о себе как прозаик.

Преподаватель музыки с 15-летнего возраста (о чем свидетельствует соответствующая запись в Трудовой книжке), романтик в самом хорошем смысле этого слова, автор «Портрета на фоне времени» почти в течение полувека не только «влюблен по собственному желанию» в музыку и поэзию, но и самым добросовестнейшим образом заряжает этой любовью тысячи и тысячи почитателей своего незаурядного таланта.

...Еще в 30-х годах прошлого столетия известный детский писатель Борис Житков советовал свою книгу «Что я видел» читать по 1-2 главе в день. Новую книгу профессора А.Иванова следует читать в один присест. Содержание книги подкупает искренностью и занимательностью сюжета, дает возможность в увлекательной форме проследить формирование эстетических и философских взглядов автора. В книге к

месту использованы стихи самого автора, некогда уже напечатанные в отдельном сборнике.

Заслуживает особого внимания и чисто человеческого уважения глава книги «Родословная как она есть». Уже в её предисловии говорится: «Вот у меня — род сельских батраков. Ни тебе бравого гусара, ни барина, ни попа захудалого. Ни одного мало-мальски заметного предка, воспоминания о котором (а лучше — документы, реликвии) передавались бы из поколения в поколение». И несмотря на такое предупреждение, биография А.Иванова оказалась удивительно интересной. Это хронология жизни нашего современника, родившегося в первом послевоенном году.

Родословная подаётся в художественном плане с удачно описанными лирическими отступлениями и авторскими размышлениями о том, свидетелем чего он непосредственно

*Семен ТУПАЙЛО,
член Национального союза журналистов
Украины, лауреат премии им. Н.Аркаса*

был. С любовью и нежностью говорит автор о своих родителях — отце и матери, о своих предках по отцовской и материнской линии. Особенно колоритно и рельефно выписан образ бабы Дуни, родившейся ещё в позапрошлом веке. Любовь и уважение друг к другу цементировало воедино большую и дружную семью Ивановых. Не случайно следующая глава названа словами из любимейшей песни «Родительский дом — начало начал».

Исключительно трогательно и правдиво описываются детские годы будущего профессора, его первые шаги становления как музыканта. Ведь музыка уже для юноши А.Иванова была не временным увлечением, а основным делом всей его жизни.

Не могу умолчать ещё об одной, на мой взгляд, важной черте характера автора новой книги. Это любовь не только к Украине, но и, как говорится, к своей малой родине. Без малого почти 30 лет, а это половина всей жизни, отданы районному центру родной Кировоградской области – посёлку Ольшанке, его людям, многие из которых стали друзьями и единомышленниками Александра Кузьмича на долгие годы.

Интеллигент в первом поколении, уроженец города Александрии на Кировоградщине хорошо знает жизнь и проблемы сельских тружеников. Ему, профессиональному музыканту, знакомы и не чужды интересы тех, кто пашет поле и выращивает хлеб. «...Все мои стихи и песни о них и для них. И со сцены я пою от их имени», – пишет А.К.Иванов в главе «Журналистика».

В этом районном центре Александр Кузьмич состоялся как признанный музыкант. Здесь был молодым директором школы искусств, руководил районным отделом культуры, получил звание Заслуженного работника культуры Украины. Здесь был по-настоящему замечен своим знаменитым земляком, ректором прославленного университета, профессором Михаилом Михайловичем Поплавским – человеком, безусловно, достойным и уважения, а по большому счёту – и заслуженного восхищения.

Вот почему отдельная глава в книге посвящается знаменитому земляку Александра Кузьмича – «поющему ректору», доктору педагогических наук, заслуженному деятелю искусств Украины М.М.Поплавскому. Автор благодарен судьбе, что в его жизни встретился такой человек, как Михаил Поплавский. В этой главе, на мой взгляд, удачно раскрыт

феномен и незаурядный талант М.М.Поплавского — ученого, культуролога, педагога и организатора с большой буквы.

В целом могу сказать, что новая книга (далеко не первая) руководителя одного из престижных вузов нашего региона, которым является Николаевский филиал КНУКиИ, — хороший подарок многотысячной армии наших читателей. Да, многотысячной. А хотелось бы (и в этом есть необходимость) иметь многомиллионную аудиторию читателей. Для этого необходимо, как минимум, издать «Портрет на фоне времени» А.К.Иванова на всеукраинском уровне.

И еще об одном. Как филолог и литературный редактор многих изданий не могу не отметить высокую художественность и писательское мастерство книги А.Иванова. А это ещё одна, не менее убедительная сторона, безусловно, многогранного таланта нашего уважаемого земляка.

*Семен ТУПАЙЛО,
член Национального союза журналистов Украины,
лауреат премии им. Н.Аркаса*

И это всё о нём

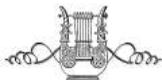
ШКОЛА ГАРМОНИИ ПО ИВАНОВУ

*И*звестному композитору, поэту-барду, заслуженному работнику культуры Украины Александру Кузьмичу Иванову исполняется 60. С юбилеем!

6 ноября в Николаевском русском художественном драматическом театре широко отметят и его персональный юбилейный праздник, и 45-летие педагогической и творческой деятельности.

Маэстро будут поздравлять и представители широкой общественности, и его студенты – вот уже несколько лет А.К.Иванов руководит Николаевским филиалом Киевского национального университета культуры и искусств. Однако «два крыла» юбиляра – педагогика и песня – осенили многих его учеников и последователей. Он – человек искусства, этим и интересен.

*А*втострада в этот зимний день была такой скользкой и опасной, что праздника души, ожидавшегося в знаменитом селе Степовом, искать было – чистым героизмом. И даже в самом селе, с его сказочно-ажурными строениями, узорчатыми под снегом деревьями, на душе не потеплело. Холодный, промёрзший Дом культуры гулко

откликнулся на голоса и шаги: артисты-аматоры все-таки съезжались со всей области!

А когда в вестибюле показалась мощная фигура легендарного директора госпредприятия «Племрепродуктор «Степовое» В.Г.Погорелова, Героя Соцтруда и депутата областного совета, стяжавшего и лавры умного мецената, — тогда показалось и солнышко из-за туч. И вдруг оказалось, что где-то рядом — кафе, кофе, коньяк с морозцу, а музыка шемящей теплыню хлынула в зрительный зал. И прибывшие из дальних мест аматоры сольного и хорового пения сгрудились возле телевизора, где еще живой Александр Присенко своим незабываемым и таким просветленно-горьким тенором выводил: «Лети, журавлику, лети...».

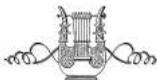
Моложавый, с абсолютно не тронутым морщинами лицом, элегантный мужчина возник у нас перед глазами — и тоже прильнул к экрану, сняв шапку с головы. Аккуратная лысина как-то весело оттеняла его молодое улыбчивое лицо. А когда отзвенела последним аккордом шемящая песня умершего певца, чьей памяти и был посвящен этот песенный фестиваль, он скорбно склонил голову и чуть слышно произнес: «Да... это голос».

Когда мы познакомились, в кейсе моего визави оказалась книга его песен «Моеї пісні бентежна струна» — с текстами и нотами, он с какой-то обезоруживающей улыбкой подписал её и протянул руку:

— Иванов. Александр Кузьмич.

По волшебному мановению руки знаменитого земляка, «поющего ректора» Михаила Поплавского, заслуженный работник культуры Украины А.К.Иванов переехал из Ольшанки, райцентра соседней Кировоградской области, в наш город и стал преподавать в Николаевском филиале КНУКиИ, занял кафедру, был назначен заместителем директора филиала.

Потом ушел от этой обременительной административной работы, чтобы полностью отдать свой педагогический

и музыкальный талант воспитанию юношей и девушек, мечтающих о музыкальной карьере. В конце концов, после многих директорских гамбитов и сам стал директором реформированного филиала, пополнив список руководителей этого культурологического научного учреждения.

Однако в тот незабываемый морозный день оказалось, что в наш край, вовсе не бедный певческими и иными талантами, приехал очень одарённый человек. Открытый и песне, и человеческому общению. Оказалось, что в соседней с Первомайском Ольшанке в разные годы работали многие нынешние николаевцы, а кое-кто там и родился, и вырос, и стал известным человеком. Собственно, сам Иванов уже сформировавшимся человеком, артистом и педагогом и прибыл в Николаев на пике своей карьеры.

А тогда, сидя в холодном зале циклопического, преогромного Степовского Дома культуры, он краешком батистового носового платка украдкой смахивал с глаз то ли снежинку, то ли порошинку, то ли скупую мужскую слезу. И было от чего: еще была свежа боль утраты, в конкурсе-фестивале участвовала дочь маэстро Александра Присенко, заслуженного работника культуры Украины и в недавнем прошлом завкафедрой и замдиректора Николаевского филиала ещё Киевского института культуры имени А.Е.Корнейчука.

С тех песенных встреч прошел не один год, и в 2007 г. уже 5-й песенный фестиваль имени А.Присенко намечается провести в едва ли не единственном уже селе, где труд и песня еще не отrekliсь друг от друга. Как в те легендарные года, когда песня рождалась не только в столице, а и в маленьком заснеженном селе, восходила и становилась хитом ли, шлягером — и на сцене столичных концертных залов. И в Киеве, и в Москве.

Не забудем, что и бессмертная «Червона рута» прилетела в Украину из Москвы, с экрана ЦТ. А в «глубинке» жизнь кипела не только на полях и в цехах тогда еще не раста-

щенных на металлолом заводов и фабрик. Однако время имеет счастливую привычку приносить не только горести. В этом убежден и юбиляр, маэстро Александр Иванов.

Тогда, в зале Кировоградского педагогического института имени А.С.Пушкина, собралось много студентов, а профессорско-преподавательский состав тоже не проигнорировал событие. Ну как же! Ведь в родной «альма матер» со своим авторским концертом выступал выпускник вуза, самодеятельный композитор и бард (это слово произносилось вполголоса еще) Александр Иванов. И в родной вуз он прибыл не только сам, со своей неизменной гитарой, — его песни вдохновенно пела образцовая детская хоровая капелла «Соловейко».

Дебют недавнего студента Александра Иванова — песня «Цвіте бузок» — был встречен бурными аплодисментами. И было от чего! «Пісня майбутніх колумбів», «Веселые туристы», другие мелодические песни лились со сцены, очаровывая всех. И надо отдать должное тому времени: невообразимо трудно было представить тогда стайки детей-бомжей, птенцов украинской постсоветской истории. Однако ностальгические всхлипы — дело безнадёжное, нужно возвращаться к истокам...

Истоки Александра Кузьмича Иванова — его родная Кировоградщина, а потом и николаевская земля, где он сумел стать своим и завоевать авторитет в непростой культурологической, артистической среде. Дилетантов у нас не жалуют, а профессионал А.Иванов сумел сам освоить свою вершину.

Тогда, во время концерта в Кировограде, в государственном педагогическом институте имени А.С.Пушкина, он понял главное: к людям идти надо всю жизнь и всю жизнь нести им свой светильник. А потому он, уже «сделав» имя в малой Ольшанке, на институтскую сцену вывел не только юных солистов детского ансамбля «Соловейко», — в его

концерте принимали участие лучшие творческие коллективы и певцы областного центра!

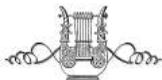
Солист областной филармонии Владимир Стратьев под аккомпанемент духового оркестра музыкального училища, что называется, на одном дыхании, спел песню «Вершники», посвященную незабвенному автору великого романа Юрию Яновскому. «Гомеру XX века», как его назвал Анри Барбюс.

А.Иванов – лауреат премии им. Ю.Яновского. Замечу, кстати, что территориально родное село писателя Яновка некогда принадлежало более к Николаеву, чем к Елисаветграду, поэтому песня Великой Степи вдохновляет Иванова все более и сейчас, в зените жизни. Больше, чем иные мотивы. Тогда же на «бис» заслуженная артистка Украины Валентина Паюхина спела цикл лирических песен ольшанского самородка.

Впрочем, аматором Иванова можно было считать и в те годы с большой натяжкой: еще учеником Александрийской музыкальной школы малый Сашко уже наигрывал на баяне свои мотивы, свои мелодии. Началом своей композиторской деятельности Александр Кузьмич считает 1970 год, а в то время за его плечами уже было Кировоградское музыкальное училище, а потом – и музыкально-педагогический факультет Кировоградского государственного педагогического института (ныне – университета) имени А.С.Пушкина.

Русский человек, он всегда тонко чувствовал украинский мелос и в наши горькие времена ксенофобии, национального и языкового раздора продолжает считать искусство песни – искусством объединять людей, а не сталкивать их лбами в поиске политической выгоды. Милый маэстро!

Сейчас уже как миф воспринимаешь повествование о том концерте, где Александр Иванов получил «звездный билет» в большую педагогическую и концертную жизнь. И, что характерно, он и сейчас остается песенным провितя-

зем, романтиком по жизни. Не случайно его новая книга стихов и песен, воспоминаний и затесей на память названа пронзительно, с песенным пафосом – «Зов романтики».

В авторский лазерный компакт-диск А.Иванов тоже включил трогательные лирические песни, написанные в разные годы тогда ещё молодыми поэтами-журналистами из ольшанской районки Н.Солодченко и А.Анастасьевым и озвученные им, врожденным мелодистом.

А ведь А.Иванов – и сам одарённый поэт и журналист, член профессионального союза – НСЖУ. К тому же он автор многих учебных пособий по гармонии, по которым учатся студенты высших учебных заведений культуры и искусства. На протяжении десятилетий он опубликовал в украинской и московской периодике и прессе многие статьи по теории и практике эстетического воспитания. В советские годы его охотно печатала даже писательская газета – незабываемая «Литературка».

*Ш*естьдесят – это много или мало? Оставляю читателю решать этот вопрос. У каждого ведь свое мнение – о времени и о себе. Александр Кузьмич Иванов прожил удивительно яркую жизнь и без столичных мостков и подмостков сумел основательно потрудиться на благо отечественной культуры.

Сейчас в НФ КНУКиИ – реформы, переформат, уходят одни дисциплины вместе с людьми – приходят другие. Не берусь давать оценку ни отечественной педагогике, ни отечественной эстраде. Да и в филиале исполняется ведь магистральная программа столичного вуза. Но абитуриенты идут сюда охотно, и главное дело директора филиала – создать им условия для учёбы, жизни, творчества, культурной жизни. Любой, кто захочет ознакомиться с жизнью этого популярного высшего научного заведения, может это сделать и сам.

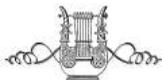

А я думаю о том, что в Николаеве даже Ивановых много, и эти Ивановы – известные люди, биографией и судьбой связанные с музыкой, культурой. Член Национального союза композиторов Украины В.Ф.Иванов – профессор НГУ им. В.А.Сухомлинского; кандидат педагогических наук доцент В.Л.Иванова, жена Александра Кузьмича. Для меня же образом интеллигента служит Александр Иванов.

Одарённый человек, он и в творчестве, и в повседневной жизни не занижает планку. Мне дорог русский человек Иванов, любящий украинский язык и мелос, как я люблю – русский поэтический язык, его «серебряный век». Не зря последняя любовь Александра Блока, первой сыгравшая в «Незнакомке», была в числе уважаемых моих наставников ещё в юношеские годы. Конечно, и князь Василий Голицын, осколок белой эмиграции, в Ужгороде был собеседником и другом, но женщину, которую целовал Блок и которая умерла в нищете, мне забыть невозможно...

Что-то держит нас на этом свете: не только любовь к отеческим гробам, не только. Вот Александр Кузьмич Иванов в концертном фраке поднимается на сцену с гитарой, и звучат его задушевные песни, где лад и склад, и певческая удаль, и тоска по гармонии мира, которая была так близко-близко, но ушла, пропала, как любая другая утопия. Но в чарующем вихре песни – она, гармония, так близка!

*Дмитро КРЕМИНЬ,
лауреат Государственной премии Украины
имени Т.Г.Шевченко, почётный профессор
Южнославянского института
Киевского славистического университета*

КОЛОКОЛ НЕБЕС

О том, что у руля Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусства поставлен новый директор, мне стало известно давно. Но когда узнал, что новый ректор пишет стихи и поёт свои песни со сцены, иронически подумал: вот и до Николаева докатилась мода на поющих ректоров. Поэтому, честно признаюсь, с чувством настороженности поднимался в ректорскую приемную на первую встречу с Александром Кузьмичом Ивановым. Спросил у секретарши, принимает ли ректор, и услышал неожиданное:

– *Входите...*

Попасть к прежнему директору института так запросто, без предварительной договорённости было невозможно.

Как социальный психолог, отлично знал: по тому, насколько вероятен доступ к начальнику, можно отчетливо судить и о стиле его руководства, и об особенностях характера...

В достоверности этого положения убедился ещё раз. Выходя из кабинета, я унёс не только впечатления от первой быстрой встречи, но и новую книжку Александра Иванова «Зов романтики», изданную недавно в Киеве, с обложки которой на меня внимательно смотрел сам автор с гитарой в руках. О том, что передумалось при чтении этого авторского подарка, и хочется поговорить серьезнее.

Что толкает человека, занимающего такой солидный пост, имеющего научные и почётные звания, сочинять стихи, писать песни, да еще распевать их со сцены, задавал я себе вопросы, недоверчиво раскрывая книжку. По плачевному опыту знал, что в наше время можно издавать всякую ерунду, были бы деньги. А словесную белиберду, которую часто слышим по многим телеканалам, язык даже не поворачивается называть песнями.

Но уже четко выверенные заключительные строчки первого стихотворения, которым открывался сборник, приятно удивили и запомнились сразу:

Давайте жить! Пока звонит надежду
Качающийся колокол небес.

Увидеть и услышать колокол небес дано только настоящему поэту с ухом, чутким на музыку природы. А в следующем стихотворении запомнилось поразительное осмысление бытия:

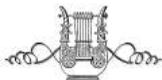
Я свято верю, что величье бесконечности –
В бессмертие бегущие года.

Тут уже поэзия тесно переплетается с философией. А ведь как часто именно такой глубины мышления и не хватает нашей сегодняшней песенной поэзии.

Это авторское умение подниматься до глубокого обобщения особенно отчётливо прослеживается, когда поэт ведёт речь даже о самых простых, будничных вещах. Вот, к примеру, на первый взгляд обычная песенная зарисовка о зимнем дне в музыкальном стихотворении «А за окном опять метель...». И в песне такие афористично-мудрые строчки:

В беспределе зимней стужи
Почта ходит по часам,
Замороженные души
Разнося по адресам.

Такие жемчужины поэтической афористичности, которые с ходу западают в душу читателя, можно встретить на многих страницах сборника. Вот только несколько, отчётливо характеризующие особенности поэтического стиля Иванова: «*Душа созрела для полета*», «*Здесь музыка с души снимает рассудочности шелуху*», «*Баян то плачет, то смеется, и сердцу в такт дрожит струна*».

О мироощущении поэта, о его творческих и жизненных установках лучше всего можно судить по такому пронзительному четверостишию:

И пока меня, бегущего по краю,
Не подкосят в жухлую траву,
С каждым словом я живу и умираю,
В каждой ноте умираю и живу...

У нашего города счастливая поэтическая судьба. Его улицы помнят многих известных поэтов, посвятивших родному городу свои песни. Александр Кузьмич приехал на жительство в Николаев уже в зрелом возрасте. Но как точно он уловил и сумел передать трепетные чувства, которые испытывают многие коренные николаевцы, проходя по родному городу в раннее утро:

Город снова проснется с рассветом,
И пока он еще в тишине,
Я пройду по любимым проспектам,
Как на исповедь наедине.
И среди сокровенных отметин
На ладонях его площадей,
Знаю, есть где-то штрих неприметный –
Это линия жизни моей.

Сборник Иванова интересен ещё и своей разножанровостью. В нём, кроме стихов, собраны и юмористическая проза автора, отзывы и рецензии на его творчество, даже перечень научных трудов. При первом чтении эти вставки показались лишними и совсем не обязательными. Но вот одну из рецензий известный николаевский журналист назвал так: «Наш Кузьмич». И мне подумалось: а много ли в нашем городе ректоров вузов, которые позволили бы такое фривольное обращение к себе, да еще включили в свой сборник? И не является ли именно это еще одним важным штрихом к личности Иванова?

Так что, возможно, подумает строгий читатель, в книжке все идеально и у рецензента нет замечаний? Конечно, есть. Но умалчиваю об этом потому, что понял: сам автор прекрасно знает, каким осторожным нужно быть в стране поэзии и во всем, что связано с чувствами человека. Он это тонко выразил в песне с таинственным названием «Таньсания»:

Запутанными тропками
Дойду в страну я эту,
Где жар сердец – как тропики,
Дыханье – словно ветер.

Далекая и странная,
Зачем, не знаю сам я,
Зовет волшебная страна
Таньсания, Таньсания.

Такой волшебный зов слышен только истинным поэтам, которым суждено мучиться и откликаться на этот зов всю свою жизнь...

Уверен, что сам автор, критически просматривая свою новую книгу, и без посторонних подсказок заметит и некоторую разношерстность собранных в ней материалов, и необязательную торопливость отдельных строк. Прекрасно понимая это, он не случайно просит своих читателей и слушателей:

...И меня не терзайте на части,
Пожалеете после о том.
Лучше Вы, как хмельное причастье,
Принимайте меня целиком...

Поэтому в заключение рецензии хочу сказать вот о чем. Закрыв последнюю страницу сборника, и подумалось: как здорово повезло николаевской молодёжи и в особенности нашему «Кульку» (так в городе называют между собой сами студенты Николаевский филиал Киевского национального

университета культуры и искусств), что во главе его оказался Александр Кузьмич Иванов.

Человек незаурядный, чуткий на слово, художественный образ. Который, несмотря на все научные титулы и занимаемые должности, не оплыл чиновничьим жиром, не боится «бегать по краю», хорошо слышит, как звонит колокол небес, и всегда готов откликнуться на зов романтики.

*Илья СТАРИКОВ,
доктор педагогических наук,
профессор факультета психологии НГУ
им. В.А.Сухомлинского, академик РАО*

НЕ У КАЖДОГО СТУДЕНТА ПРЕПОДАВАТЕЛЬ БАРД

«**С**мотрите, кто пришёл». Эта рубрика «Комсомольской правды» невольно всплыла в памяти, когда на сцене Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств появился заместитель директора по учебной части А.К.Иванов.

И бог весть когда за нескончаемыми проблемами учебного процесса проглянулось бы истинное лицо очередного вузовского руководителя, да и проглянулось бы ли. Но Александр Кузьмич не захотел так долго ждать, а взял и объявил с первых дней работы на новом месте часовую встречу с... авторской песней.

Очевидцы свидетельствуют: доселе университетские стены ещё не слышали подобного способа представления преподавателя коллегам и студентам. Ведь от первой до последней минуты оно происходило в стихах, в качестве эпиграфа предварявших каждую песню. Причем автором и поэтических строк, и музыки был сам Александр Иванов. Он

же исполнял песни, аккомпанируя себе на гитарешестиструнке.

Уже с первых аккордов привычно собравшаяся «на мероприятие» и, как обычно, несколько иронически настроенная молодёжная аудитория удивленно притихла. Ибо не родился еще человек, которого могла бы оставить безучастным настоящая бардовская песня. Старшее поколение любило её благодаря Юрию Визбору, Булату Окуджаве, Александру Дольскому... Младшему, увы, понятнее и ближе оказались «рок» и «попса».

Но что-то дрогнуло в юных лицах, когда негромкий баритон запел о далеких краях, дорогах в никуда и зовущей звезде — неизменных составных мира романтиков. Цикл лирических песен о потерянном слонёнке детства, преданной людьми дворняге и «южных тревогах» студента сменили песни, написанные на стихи Бориса Мозолевского, Василия Юхимовича и многолетнего соратника барда — поэта и журналиста Мыколы Солодченко. Затем звучали хорошо знакомые поколению 60–70-х песни Визбора, Галича, Окуджавы, и преподавательские ряды вдохновенно подпевали исполнителю.

Внешне Иванов Александр Кузьмич прост, доступен, контактен, благожелателен. На сцене он — настоящий артист. Он искренен в лучших движениях души, сразу берёт в плен слушателей, музыка его мелодична и трогает душу своей безыскусной простотой и задушевностью.

Мы слушали его стихи, переложенные им же на музыку, под аккомпанемент гитары, которой он виртуозно владеет. Перед нами выступал человек многогранный, которого, казалось бы, при рождении поцеловали все музы.

А он походя поведал о себе, своем месте в окружающем мире. Что является заслуженным работником культуры Украины, членом Союза журналистов Украины, лауреатом премии имени Юрия Яновского, лауреатом всевозможных конкурсов и фестивалей самодеятельной песни, автором пяти поэтических сборников.

Благодаря коллегу за прекрасные мгновения катарсиса, коллеги и ученики А.К.Иванова заверили, что участники встречи с авторской песней на собственном опыте убедились, как «музыка с души снимает рассудочность и суету». А также высказали надежду: отныне бардовский дух навсегда поселится в стенах университета, еще теснее сплотив семью студентов и преподавателей.

Мы горды и счастливы тем, что у нас появился такой интересный, разносторонний, духовно красивый человек. Хочется, чтобы он обрёл себя сполна в Николаеве как поэт, композитор, преподаватель, руководитель, чтобы здесь он нашёл свою вторую родину.

Встреча с таким интересным человеком радует и вселяет счастливую мысль: а нашего полку прибыло!.. Действительно, веришь, что никакие ветры не остудят наши души. Будем надеяться, что теплые и дружеские южные ветры будут согревать этого незаурядного человека. А его талант подарит николаевцам ещё много песен, радующих сердце.

*Юлия ОРИШАКА,
профессор*

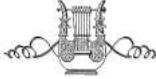

РОЗДУМИ НА ІМЕНІНИ

Каюсь: з того пам'ятного випадку минуло більш як чверть століття, а я й досі не можу забути свою грубість і нетактовність.

У редакції був «газетний день», випускався черговий номер газети, тож для відповідального секретаря роботи вистачало. І раптом — гості: завідуючий районним відділом культури Микола Дмитрович Швець і якийсь хлопчина.

— *Оце і є наш місцевий поет Микола Солодченко*, — сказав Микола Дмитрович. — *Познайомтесь. Цього року відкриває-*

мо у Вільшанці музичну школу, а це – її директор, випускник Кіровоградського музичного училища Олександр Іванов. Він пише музику, то, можливо, ви б сконтактувались, аби пісню якусь створити...

– Для цього є збірки відомих українських поетів, – ні сіло ні впало відрубав я. – А тексти для пісень я не пишу.

Я помітив, як затуманились очі молодого музиканта, як він гірко здвигнув плечима.

Я стояв на мосту і бачив, як трое хлопчаків запускали свої паперові кораблики на плеса Синюхи. Іншого разу я пройшов би мимо, але тепер, дивлячись на них, у мене виник задум написати пісню про Синюху. І вона невдовзі була написана, правда, з уже готовою мелодією, яку я сам і створив, постукуючи пальцями по столу.

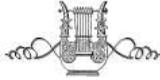
Заніс у музичну школу Олександрю Кузьмичу. Яке ж було моє гірке розчарування, коли через два дні я почув зовсім іншу мелодію, ту, яку вільшанці й сьогодні пам'ятають, ту, що звучала на всіх його концертах у Кіровограді, і не тільки там, мелодія якої стала позивним рефреном місцевого радіомовлення.

Коли, врешті-решт, було збудоване теперішнє приміщення музичної школи, він почав задумуватись над тим, аби на її базі створити школу мистецтв. А тут якраз і інформація в тодішній «Советской культуре» про те, що у Ростовській області вже така школа працює.

І він, невгамовний Іванов, їде туди, уважно вивчає досвід, і не тільки вивчає, а й сказати б, їде далі. З'являються класи малювання, хореографії, театрального мистецтва тощо.

Не дивно, що цим досвідом зацікавилось тодішнє Центральне телебачення (Москва) і Українське ТБ, які дали для глядачів по півгодинній передачі з школи мистецтв провінційного селища на Кіровоградщині.

Цікаво пройтись з Олександром Івановим у Кіровограді площею Кірова чи вулицею Леніна. Звідусіль чути: «Привіт, Кузьмич!» Це так його поважають заслужений працівник

культури України Микола Павлович Макода, а Анатолій Аврамович Берсан, заслужений працівник культури, керівник ансамблю пісні і танцю «Весна», взагалі має звичку цілуватися на центральному майдані обласного центру.

Його знають у редакціях обласних газет, адже він, Олександр Іванов, член Співки журналістів України.

Олександр Іванову – п’ятдесят. Віриш і не віриш. Зроблено досить для достойного відзначення півстолітнього життєвого рубежу. Але прожито, здається, зовсім мало. Пам’ятаємо його зовсім ще молодим, таким, здається, він і є сьогодні.

Вже в новій іпостасі – завідуючим відділом культури – для нього виробилось кредо: я не уявляю собі села без клубу чи будинку культури, без бібліотеки. І його ви вранці в кабінеті не застанете – весь час у роз’їздах, бо треба підготувати будинки культури, клуби і бібліотеки до зими, а в наш час зробити це не так і легко.

Заслужений працівник культури, завідуючий відділом культури райдержадміністрації, він тримає в своєму кабінеті шестиструнну гітару, на столі – нотний папір, а ще щойно написані вірші, які, очевидно, стануть незабаром піснями...

Він добре знає творчість колег по духу – і колись опального Лещенка, і Висоцького, Галича, Окуджаву. В них він дещо запозичив, щось далі розвинув, щоб ми потім мліли від його пісень (іншого слова й не придумаєш), щоб у нас після його концерту горіли долоні, щоб ми довго пам’ятали його виступ.

Заходжу в його невеличкий кабінет завідуючого відділом культури. Ось висить шестиструнна гітара, ось він сам – ніжний і чутливий, а коли треба, то й грізний, невгамовний, бо роботи наприкінці року вистачає – ось він зі своїми небуденними днями, щоденними клопотами, і кожен із шести днів звучить по-різному, як шестиструнна гітара...

*Микола СОЛОДЧЕНКО,
журналіст і поет*

ОКРИЛЕНИЙ ПІСНЕЮ

*М*оя перша зустріч з Олександром Івановим відбулась під час гастролей заслуженого ансамблю пісні і танцю «Дарничанка» у Вільшанському районі на Кіровоградщині. Особливість цієї людини не могла не привертнути увагу — завідуючий відділом культури у глибинному сільському районі зі званням заслуженого працівника культури України, та ще й поет, композитор, виконавець, автор власних книжок поезій і пісень...

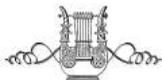
Але мене зацікавив Олександр Кузьмич, власне, не як володар багатьох мистецьких відзнак, а в першу чергу як митець. Знайомство з його піснями і віршами перевершило всі сподівання. Вони буквально вразили мене витонченою досконалістю і, головне, щирістю думок і почуттів, водночас і піднесено яскравих, і приземлено простих.

А справжнім приголомшенням став імпровізований авторський концерт для нас, хористів «Дарничанки». Як музиканти, ми спочатку відзначили його професійне володіння гітарою і голосом, а надалі нашу чуттєвість полонили його музично-поетичні образи. Полонили назавжди.

...Йдуть дні і роки, зміцнюючи нашу творчу дружбу. Олександр Іванов уже працює директором Миколаївського філіалу Київського національного університету культури і мистецтв, видав нові книжки пісень, зокрема «Моеї пісні бентежна струна» (ми із задоволенням співаємо ці пісні), записав на республіканському радіо цикл авторських програм.

І ось довгоочікувана зустріч у Києві. У будинку письменників України урочистість — ювілей часопису «Хата». Виходить на сцену Олександр Кузьмич і своїми піснями вітає шановне зібрання зі святом, отримуючи такі звичні для нього щедри оплески.

Під час дружнього спілкування поділився своїми планами — найближчими і далекими: через декілька годин

авторський концерт у Київському училищі культури, завтра – запис у студії аудіоальбому «Исповедь наедине».

– А тоді, – мрійливо каже мій друг, – буде новий день, дзвінка нота і шире слово.

І подумалось мені: така окриленість – ознака справжнього таланту плідно жити і творити добро.

*Петро АНДРІЙЧУК,
заслужений працівник культури України,
професор, художній керівник Заслуженого
ансамблю пісні і танцю «Дарничанка»*

СКЛАДОВІ ВИЗНАННЯ

Я спочатку і не думав, що у міцній і досить щільній когорті миколаївських митців Олександр Іванов зможе зайняти провідне місце. Ну, приїхав із Кіровоградщини заслужений працівник культури України зі своїми віршами, піснями, гітарою. То й що?

Але вже через рік, не відштовхуючи нікого ліктями, легко і безпосередньо він здобув визнання мистецького бомонду, а головне, популярність у слухачів, повагу громадськості.

У цьому успіху є дві складові. По-перше, талант справжнього поета і пісняра. По-друге, що не менш важливо, талант дружити, допомагати, випромінювати добро.

Він жодного разу не відмовився взяти участь у концерті або провести самостійний авторський концерт чи то у престижному Палаці культури, чи то на селі для двох десятків глядачів.

Як член Національної спілки журналістів України став своїм серед працівників пера і мікрофону. Вступив до Асоціації діячів естрадного мистецтва України. Без амбіцій, тим паче фінансових вимог, погодився очолити обласну Спілку самодіяльних композиторів Миколаївщини.

Зважте, все це додаткові турботи і клопіт. Над усе для Іванова Олександра Кузьмича робота – керівництво Миколаївським філіалом Київського національного університету культури і мистецтв, викладання студентам музичних дисциплін у якості професора...

...Якось ми їхали разом у с. Миролюбівку Братського району, де Олександр Кузьмич мав очолити журі на обласному конкурсі самодіяльної авторської пісні «Мій рідний край».

Довга дорога. Розмова на вільні теми. Аналізую, що приваблює до спілкування з Івановим. Цікава для співрозмовника тема. Широка ерудиція. Гострий розум. Обґрунтована власна думка. Схильність до неординарних порівнянь, аналогій, прикладів. Витончене почуття гумору. Доречно згадана бувальщина із власного насиченого життя або й анекдот. Як результат – притяжіння і вплив неординарного інтелекту.

*Михайло БОЙЧУК,
директор Обласного центру
культурно-освітньої роботи і народної творчості,
заслужений працівник культури України*

МИТЕЦЬ ЕПОХИ РЕНЕСАНСУ

Вже не один рік у нашому, багатому на таланти, Миколаєві проводиться конкурс «Городянин року». І щоразу серед номінантів опиняються славетні мужі Прибузького краю. Найдостойніші серед достойних. Кращі з кращик. Ті, хто дійсно багато чого зробив для Миколаївщини.

Я маю честь бути знайомим з одним із них. Ця людина плідно працює для розбудови культурно-освітнього процесу на Миколаївщині. Він та його соратники виплекали цілі покоління миколаївської мистецької еліти.

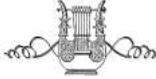
Це Олександр Кузьмич Іванов – заслужений працівник культури України, професор, член Національної спілки журналістів України, член Президії науково-методичної Ради з питань освіти Міністерства освіти і науки України, член Асоціації діячів естрадного мистецтва України, директор Миколаївського філіалу Київського національного університету культури та мистецтв (до речі, єдиного вищого закладу на Півдні України саме мистецького спрямування), талановитий поет, виконавець авторської пісні, справжній сучасний бард і просто гарна людина.

Для мене він схожий на митця епохи Ренесансу. Адже його талант заявив про себе у зовсім різних сферах суспільної діяльності. По-перше, Олександр Кузьмич, на мою думку як педагога, є тонким та чуйним психологом. Ця якість допомагає йому бути гарним вчителем, котрий може відчувати таку тонку, таку вразливу душу молодого митця і дати йому професійну пораду.

Ця якість допомагає йому бути і гарним керівником. Саме тому, напевне, він разом з педколективом МФ КНУКіМ (до якого маю честь належати і я) створив у навчальному закладі таку неповторну атмосферу гармонії та доброзичливості, яка так необхідна кожному студентові, а особливо митцю-початківцю.

«Все для студента» – таке гасло, в першу чергу, самого Олександра Кузьмича та всього нашого колективу. І, повірте мені, студенти вдячні нам за цю змогу вільно та всебічно розвиватися.

Наведу деякі факти. Народний хоровий колектив кафедри народного музичного виконавства є неодноразовим переможцем Всеукраїнських конкурсів і є одним з кращих хорових колективів у державі. Лауреатом міжнародних та республіканських конкурсів є і колектив народного танцю «Миколаїв». Добре відома в області та за її межами діяльність молодіжного театру «Стук», команди КВК «Баламутки», інших творчих колективів, які виплекав МФ КНУКіМ.

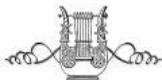
Крім того, викладачами і студентами нашого вузу здійснюються глибокі наукові дослідження у галузі культури. Особливу увагу вчені звертають саме на культуру нашого регіону – Півдня України. Я та інші історики університету намагаємося разом зі студентами досліджувати витоки культури та її розвиток у нашому Прибузькому регіоні. Адже він, завдячуючи суміші найрізноманітніших етносів, такий багатий на культурні скарби.

Хочу також зазначити, що завдячуючи Олександрю Іванову, наш навчальний заклад потужно розвивається з року в рік. Так, наприклад, у 1975 році філіал випустив 189 перших фахівців, а сьогодні їх чисельність зросла до трьох тисяч. Нині у філіалі працюють 8 докторів наук і професорів, 50 кандидатів наук і доцентів, 11 заслужених діячів мистецтв України. Матеріальна база університету також відповідає найсучаснішим вимогам і допомагає студентам повноцінно засвоювати знання. Отож ми потужно розвиваємося...

Але Олександр Кузьмич, як справжній митець-енциклопедист епохи Відродження, має ще не один талант. Він має 24 друкованих наукових праць, близько 50-ти публікацій з питань педагогіки тощо. А у творчому доробку Іванова-поета 5 авторських збірок поезій і пісень. Серед них збірочка з такою промовистою назвою, що є ніби творчим кредо поета, – «Всё сокровенное я доверяю вам» (Київ, 2000).

У цьому році Олександра Іванова обрано конкурсантом такого престижного конкурсу, як «Городянин року» у номінації «Вища школа». І на мою думку, він заслуговує цієї високої відзнаки. Адже у наш час людина епохи Ренесансу така рідкість. Із впевненістю можна сказати, що на таких людях тримається культура нашого рідного краю...

*Євген РОЙ,
доктор історичних наук, професор*

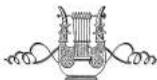
НАШ КУЗЬМИЧ

Александр Кузьмич Иванов. Как много хочется сказать об этом человеке! Он обладатель почётных и научных званий, лауреат престижных премий, победитель многих творческих конкурсов. А ещё — автор книг, песенников и учебников. Но помпезность — не Иванова стиль. Проще — к воспоминаниям.

Первое наше знакомство было заочным. Журнал «Горожанин» в одном из первых своих номеров напечатал ноты и стихи новой песни о Николаеве и, конечно, портрет автора — Александра Иванова. Так мы стали первооткрывателями одной из лучших песен о нашем городе. Через время Кузьмич сам пришёл в редакцию, чтобы поделиться впечатлениями от прошедшего в Киеве съезда Партии почитателей женщин, где его избрали членом Главного мужского совета от Николаевской области. Кстати, в одной компании с Павлом Зибровым, Михаилом Поплавским, Юрием Рыбчинским... В результате — интереснейшее интервью для «Горожанина». А мы, незаметно и почти гипнотически, попав под влияние личности Иванова, стали союзниками во всех его делах и поклонниками его таланта.

Что особенно меня поражает в нём: с одной стороны, быть уступчивым во второстепенном, легко прощать житейские ошибки, а то и грехи. Но в другом, в главном, в принципиальных вопросах, быть жёстким и бескомпромиссным до упрямства. Такая вот амплитуда характера. Ему свойственен здравый смысл и понимание некоторой философской парадоксальности бытия, а посему для него абсолютно уместным кажется соседство серьёзных проблем и изысканного юмора.

...Много, ох как много на просторах Николаева живёт горожан с этой звучной фамилией ИВАНОВ. Скажу точно — 3568 человек. Трудно выделиться, стать знаковой личностью на фоне многочисленных сограждан, для этого нужен

талант. Их у Кузьмича множество... Вот и выделился, вот и стал, одним словом – СМОГ!

Наш Кузьмич – это брэнд деятелей культуры нашего города. Продолжайте, дорогой наш, в том же духе!

P.S. Извини, Кузьмич. Мне не удалось сколько-нибудь полно охарактеризовать Вас. И знаю почему. Вы не поддаётесь анализу. Вас, как спасительную для души таблетку, нужно принимать целиком. Ну вот. Опять я под влиянием Иванова. Ведь это Ваши строки:

...И меня не терзайте на части,
Пожалеете после о том.
Лучше Вы, как хмельное причастье,
Принимайте меня целиком...

*Юрий ЮРИН,
член Национального союза журналистов
Украины, главный «ГОРОЖАНИН»*

О НОВОЙ КНИГЕ, И НЕ ТОЛЬКО...

*Александр Иванов – поэт, композитор, бард,
гитарист и автор шести книг*

Герой одного из романов Константина Симонова утверждал, что на Ивановых вся Россия держится. А вот все сотрудники и студенты Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств справедливо полагают, что успешной работе их учебное заведение во многом обязано его руководителю – Иванову Александру Кузьмичу – профессору, заслуженному работнику культуры Украины, лауреату премии имени Ю.Яновского, премии имени Л.Крохмального, члену

НСЖУ и Всеукраинской ассоциации деятелей эстрадного искусства.

Перечень этих отличий и званий будет не полон, если мы не скажем, что Александр Кузьмич – поэт, композитор, бард, гитарист и автор шести книг. Ещё десять лет назад вышел его сборник «Мне ветер сердце не остудит», уже в Николаеве бывший директор Ольшанской школы искусств Кировоградской области, а затем и заведующий районным отделом культуры, окончил работу над новым сборником стихов и песен «Всё сокровенное я доверяю Вам», где есть и «Песня о Николаеве». Она уже много лет в репертуаре концертов, звучит на радио и телевидении.

2006 год – наиболее удачный в творчестве супругов Ивановых. Ещё в феврале доцент кафедры музыкального искусства НФ КНУКиИ, кандидат педагогических наук Валентина Леонидовна Иванова в столице издала большую и содержательную монографию (явно претендующую на докторскую диссертацию) «Детские центры эстетического воспитания», а в середине лета этого же, 2006 года, Александр Кузьмич там же, в Киеве, издал фундаментальное пособие, адресованное преподавателям и студентам специальности «Сценарное мастерство» с поэтическим названием «Зов романтики».

И хотя замечательная книга, откровенная, искренняя и представляющая теплый, задушевный разговор не только с вузовской аудиторией, состоит из семи разрозненных циклов, их объединяет один герой – автор. Он же – Александр Кузьмич Иванов. И это положительно просматривается не только в познавательных-научных ценностях пособия, но и в его высоких нравственно-воспитательных принципах, которые ещё раз доказывают, что, помимо всех своих достоинств и талантов, Автор по жизни и призванию прежде всего – Педагог.

Здесь и уроки доброты («Два урока», «Школьному другу»), и стихи-песни о Николаеве, много прекрасных строк

о женщинах и, конечно же, о любви — вечной и неувядаемой музе творческого вдохновения.

Разнообразен и тематический спектр книги. И предпоследний, шестой, цикл — «Шаловливое перо» неназойливо предлагает нам веселые истории от Иванова... И, право, любители этого веселого жанра будут довольны по прочтении.

Почти каждая строка поэтических циклов справедливо подтверждает необычное название сборника. Убедит нас в этом и следующая строфа:

...Мне ветер сердца не остудит.
Храню, как жар, в душе слова —
Не могут жить на свете люди,
Не признавая волшебства.

А с какой сыновней любовью говорит Александр Кузьмич о своем отце — участнике Великой Отечественной войны, который остался жив во имя другой жизни:

...Он избегал нелепой смерти,
Не для себя *себя* храня, —
Иначе б не было на свете
Послевоенного меня.

И о своём детстве, как и о всей своей жизни, бард в профессорском статусе говорит философски, как бы обобщая и подытоживая, насколько реализовало себя все его поколение — поколение тех, кто родился в первом послевоенном году:

...Память детства... Там, за нею
Нас вопрос извечный мучит...
Мы становимся мудрее,
Но становимся ли лучше?

Вся песенная поэзия А.Иванова жизнерадостная, звонкая и светлая, проникнута мажорными, оптимистичными нотами. А как этого порой не хватает многим из нас:

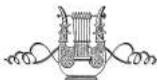

...И потому лишь только сердцу внемля,
Живу, когда на крохи теребя,
Люблю я все – пульс жизни, солнце, землю,
Люблю тебя.
А ты люби меня.

В своей новой книге «Зов романтики» (а это уже шестая за последние десять лет) Александр Кузьмич отличился и как ученый-искусствовед. В разделе сборника «Авторская песня» об истории авторского, бардовского творчества интересно и занимательно рассказывается в искусствоведческой статье «Авторская песня: исторические и творческие аспекты». Напомним, что еще в 2000 году эта статья нашла всеукраинскую аудиторию, поскольку автор опубликовал ее в 3-м выпуске серии «Мистецтвознавство» в журнале «Науковий вісник Київського національного університету культури і мистецтв».

Рассказывая об истоках и особенностях авторской (бардовской) песни, А.Иванов пишет: «В авторскую песню приходят люди разных профессий – геофизик А.Городницкий, тренер по фигурному катанию Ю.Кукин, журналист и писатель Ю.Визбор, драматург А.Галич и много других талантливых личностей. В почётном списке бардов периода «оттепели» первое место по праву принадлежит мэтру авторской песни Булату Окуджаве. Его песни, к которым лучше всего подходит термин «поющая поэзия», воспитали миллионы людей, небезразличных к искреннему слову и чистой ноте. Они стали нравственной основой самых достойных человеческих черт – интеллигентности, духовности, порядочности».

Вот эти три черты – интеллигентность, духовность, порядочность – в первую очередь и есть три основных атрибута нравственной составной руководителя НФ КНУКиИ, профессора, поэта и композитора, ученого-искусствоведа Александра Кузьмича Иванова. А точнее, всей дружной се-

мьи Ивановых – трио которых, кроме супругов, удачно дополняет шестнадцатилетний сын – одиннадцатиклассник муниципального колледжиума Леонид Иванов, названный в честь деда – ветерана николаевского судостроения и участника боевых действий в прошлом.

Творческий потенциал Ивановых удачно реализован в нынешнем году – в канун 15-й годовщины Независимости Украины. А новая книга А.К.Иванова – достойный подарок автора за два месяца до своего самого что ни на есть круглого юбилея. Как говорят, заранее поздравлять не принято, а вот внести предложение о присвоении будущему юбиляру звания Заслуженного деятеля искусств Украины – в самый раз! Большому кораблю – большое плавание!

*Семен ТУПАЙЛО,
журналист*

Содержание

Слово к читателю	3
Родословная как она есть	5
Родительский дом — начало начал	13
Детство	25
Мы были резвые ребята	33
Музыка	41
Слова и ноты	59
Авторская песня	72
Журналистика	91
Село — совсем не периферия	101
Поплавский, каким я его знаю	123
Николаев	139
О женщинах, и не только	157
О времени и о себе	167
Послесловие	180
О новой книге и её авторе	183
И это всё о нём	187

Автобіографічне видання

ІВАНОВ

Олександр Кузьмич

Директор МФ КНУКіМ, професор,
заслужений працівник культури України

ПОРТРЕТ НА ФОНІ ЧАСУ

Автобіографічне есе

Комп'ютерна верстка, технічне редагування В.Кобзар.

Редактор С.Тупайло.

Дизайн обкладинки Ю.Корнюков.

Здано до набору 03.03.08. Підписано до друку 14.04.08. Формат 60x84¹/₁₆.

Папір офсетний. Гарнітура «Таймс». Друк офсетний.

Обл.-вид. арк. 8,87. Умовн. друк. арк. 11,16.

Тираж 500 прим. Зам. № 2056-39.

Видавництво ТОВ «Іліон».

54001, м. Миколаїв, вул. Садова, 1. Свідоцтво ДК № 1506 від 25.09.2003 р.

Поліграфічне підприємство СПД Румянцева Г.В.

Свідоцтво МК № 11 від 26.01.2007 р.

54001, м. Миколаїв, вул. Садова, 1. E-mail: primus@mksat.net

